ДИГЕНИС АКРИТ

Annotation

Памятник византийского эпоса X века, поэма, рассказывающая об жизни и подвигах легендарного героя-акрита Дигениса. Акрит — «охранитель границ». Поэма состоит из восьми книг (песен). Дигенис Акрит наделен всеми типовыми достоинствами сказочного героя: прекрасен обликом, строен, обладает непомерной силой, неустрашимостью, мудростью не по годам и высокими моральными качествами. Он опора престола и защитник слабых. В описании его подвигов существенны гиперболизм и фантастический элемент. Так, мальчик растет со сказочной быстротой. Отроком он голыми руками убивает медведицу и медведя, юношей — могучего льва. Он поражает трехглавого дракона, побеждает в единоборстве деву-воительницу Максиме. Перевод «Дигениса Акрита» на старославянский язык (XI—XII вв.) под названием «Девгениево деяние» стал памятником старославянской литературы.

- Дигенис Акрит
  -
  - ОТ РЕДАКЦИИ
  - ДИГЕНИС АКРИТ
    - Книга первая[1]
    - Книга вторая
    - Книга третья
    - Книга четвертая[146]
    - Книга пятая[337]
    - Книга шестая
    - Книга седьмая[450]
    - Книга восьмая
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    - ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА
      - I
      - II
      - III
      - IV

        - ВЕРСИИ «ДИГЕНИСА АКРИТА»
        - КОММЕНТАРИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71

- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108

- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145

- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182

- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219

- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256

- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293

- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330

- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367

- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404

- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441

- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478

- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515

- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552

- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561

Дигенис Акрит

Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина

ОТ РЕДАКЦИИ

«Дигенис Акрит» представляет собой одно из самых оригинальных и интересных явлений византийской культуры. Поэма эта — единственный в своем роде памятник героического эпоса, созданный на греческом языке после Гомера. Это вместе с тем своеобразная параллель к средневековому рыцарскому эпосу Западной Европы — «Песне о Роланде», «Песне о Сиде».

Поэма о Дигенисе Акрите, дошедшая до нас в нескольких более поздних вариантах, возникла в своей первоначальной редакции, по всей видимости, в X в. Здесь ярко отразились различные стороны жизни восточных областей Византийской империи; отразились нравы и обычаи византийских воинов, их отношения с арабами, их мировоззрение. В центре повествования — жизнь и подвиги легендарного Дигениса Акрита, героя многочисленных народных песен. Дигенис — это, без преувеличения, любимейший и популярнейший ерой греческого народа; образ его и поныне вдохновляет греческих писателей, художников, композиторов.

Нашему читателю будет тем интересней ознакомиться с византийским эпосом, что еще в Древней Руси около XII—XIII вв. был сделан славянский перевод одной из недошедших до нас версий «Дигениса Акрита», известный под именем «Девгениево деяние». Между тем при всем внимании, уделявшемся нашими исследователями этой древнерусской повести, первоисточник ее — византийская поэма — изучался у нас незаслуженно мало; до сих пор она не переводилась на русский язык ни целиком, ни частично.

Настоящее издание ставит себе целью заполнить этот пробел. Перевод поэмы сделан с Гротта-Ферратской версии памятника, представленной наиболее старой и вместе с тем хорошо сохранившейся рукописью. Немногочисленные пропуски в тексте восстановлены с

помощью других версий поэмы.

ДИГЕНИС АКРИТ

Книга первая[1]

Победы воспоем и воздадим хвалу
Василию Акриту[2] трижды славному.
Отважней был он всех и благороднее,
Могучей силой наделен от господа,
5 Он власти подчинил своей всю Сирию[3],
И Вавилон[4], и Харсианы[5] земли все,
Армению[6] он занял, Каппадокию[7],
Затем Аморий[8] и Иконий[9] покорил,
И крепость взял прославленную, мощную,
10 Большую, превосходно укрепленную,—
Об Анкире[10] веду я речь — и Смирну[11] взял,
И земли он завоевал приморские[12].
Поведать я хочу тебе о подвигах,
Которые он в жизни совершил земной —
15 О том, как мощных и отважных воинов
И хищников лесных он побеждал;
Была ж ему поддержкой милость господа
И милость богородицы великая,
Была с ним милость ангелов, архангелов
20 И Феодоров-мучеников праведных,
Наградами увенчанных, прославленных:
Один зовется Стратилат, другой — Тирон[13].
Святой Георгий-воин[14] помогал ему,
И знал он помощь славного Димитрия[15] —
25 Страдальца из страдальцев, что Василию
Предстателем и гордостью, и славой был;
Димитрия, что победил врагов своих —
Агарян[16] племя покорил, исмаильтян[17]
И скифов-варваров[18], как псы, неистовых.

* * *

30[19] Жил знатный некогда эмир[20], богатством окруженный,
Известный мудростью своей и высшею отвагой.
Не черный был, как эфиоп[21], но светлый и прекрасный,
Как подобало, бороду курчавую носил он;
Густые[22] брови у него тянулись, как витые,
35 И взгляд живой[23] и радостный, наполненный любовью
Светился на лице его, с цветущей розой схожем.
Соперничал сложеньем он со стройным кипарисом,
И если видел кто его — уподоблял картине.
Еще был наделен эмир неодолимой силой,
40 И с хищниками дикими привык вести сраженья,—
Так пробовал отвагу он, и доблести чудесной
И славным подвигам его вокруг дивились люди.
Прославился он в молодости грозными делами,
Богатством возвеличившись и храбростью безмерной.
45 Стал войско вербовать себе из турок[24], дилебитов[25],
Арабов[26] лучших выбирал и троглодитов[27] пеших,.
Из тысячи гулабиев[28] набрал себе он свиту
И всех, кто у него служил[29], вознаграждал достойно.
Напал он на Романию[30], пылая жаждой боя,
50 Завоевал в сражениях окрестности Иракла[31],
Разрушил много городов, в пустыни превратил их,
Несметное число людей он пленниками сделал,—
Случилось так, что земли их остались без защиты,
А все защитники страны стояли на границах.
55 В победном шествии своем препятствий не встречая,
Он в Каппадокию вступил, минуя Харсиану[32],
И вот во всеоружии напал на дом стратига[33].
Кто в силах участь описать, что этот дом постигла?
Все домочадцы страшному подверглись избиенью,
60 Богатства много захватил, весь дом опустошил он
И девушку увел с собой красы необычайной —
Стратига дочь она была и чистоту хранила.
Что ж до стратига самого, то был он в дальней ссылке[34],
А братья этой девушки стояли на границах.

Но мать ее избегла рук язычников и тотчас
Послала сыновьям письмо, все горе описала:
Как подошли язычники[35], как девушку забрали,
Как разлучилась с дорогой, как беды одолели,
И в заключенье, сетуя, прибавила к посланью:
«О, пожалейте вашу мать, любимейшие дети,
Душой моей владеет скорбь, и к смерти я взываю.
Любовь к сестре своей родной не смеете забыть вы,
Сестру и мать освободить скорее поспешите —
Ее — от рабства горького, меня — от близкой смерти.
Молю вас всем пожертвовать — лишь бы помочь любимой,
Для блага собственной сестры не пожалейте жизни!
Пусть сострадание к судьбе несчастной вас охватит,
И выступайте в путь скорей, свободу ей несите,
Не то увидите, как мать умрет, дитя утратив,
А вас самих проклятие родителей постигнет,
За то, что отказались внять призывам материнским».
А сыновья — все пятеро[36],— слова услышав эти,
«Со вздохами глубокими и слезы проливая,
Друг друга стали побуждать скорее в путь пуститься
И говорили так: «Пойдем, погибнем, за родную!»
Вот сели на коней они и двинулись в дорогу,
А небольшой отряд бойцов скакал за ними следом.
Не освежались сном они и, полные заботы,
Немного дней проехали и лагерь увидали[37]
В ущелье диком — прозвано оно Непроходимым[38].
Не доезжая, спешились они, достигнув стражи,
И отдали письмо свое, о милости прошенье,
И повелел эмир тогда к себе доставить братьев.
На троне восседал эмир, на золотом, высоком,
Стоял тот трон перед шатром, внушая людям трепет,
И грозных воинов толпа владыку окружала;
Приблизились просители и стал эмир их слушать.
Сначала братья до земли три раза поклонились
И обратились вслед за тем к эмиру со слезами:
«Эмир, слуга всевышнего и Сирии владыка!

Да сможешь ты прибыть в Панорм[39], мечеть увидеть сможешь,
Да сможешь преклониться ты перед висящим камнем[40]
И счастья удостоишься гробницу зреть пророка![41]
Пусть до ушей твоих теперь дойдет мольба святая:
Красавицу похитил ты, сестру родную нашу,
Продать ее нам согласись, всевышнего служитель,
Дадим тебе мы за нее богатства, сколько хочешь.
По дочери единственной отец горюет тяжко,
И мать готова умереть, страдая от разлуки;
И вот к сестре своей полны любовью безграничной
Мы все друг другу поклялись торжественною клятвой,
Что принесем свободу ей или простимся с жизнью».
И подивился тут эмир отважной этой речи.
Решил узнать он, истинно ль так мужественны братья,
И произнес, на речи их спокойно отвечая
(Ибо ромейским языком[42] владел он превосходно):
«Стремитесь если вы сестре родной вернуть свободу,
То изберите одного, кто всех других отважней,
И скакунов своих тогда мы оседлаем оба,
В единоборство с ним вступлю — пускай борьба решает:
Победу если одержу, то станете рабами,
А если он одержит верх, то, лишних слов не тратя,
Возьмете вы свою сестру, не потерпев убытка,
А с ней и пленников других,— найдете их немало.
Не соглашусь иначе дать я узнице свободу,
Хоть всей Романии взамен предложите богатства.
Идите же, подумайте, что больше вам подходит».
И вышли братья от него и, радуясь надежде,
Чтоб в пререканья не вступать, кому идти сражаться,
И спору положить конец, решили жребий бросить.
На Константина[43] жребий пал, на младшего из братьев,
Того, кто родился на свет с сестрой одновременно.
А старший, умастив его перед началом битвы,
Сказал[44] в напутствие: «О, брат, пусть крики не тревожат[45]
И не страшат тебя ничуть, удары не пугают.
Завидев обнаженный меч, не обращайся в бегство,

Не отступай, какая бы опасность ни грозила,
Не бойся за себя — страшись лишь матери проклятья,
И с помощью ее молитв врага ты одолеешь —
Ведь не допустит наш господь, чтоб стали мы рабами.
Иди, дитя, приободрись и не страшись нисколько».
К востоку обратясь лицом, они воззвали к богу:
«Не потерпи, о, господи, чтоб мы рабами стали».
И вслед за тем, обняв его, сказали напоследок:
«Да будет помощью тебе родителей молитва!»
Вот на породистого сел коня он вороного
И опоясался мечом, копьем вооружился,
Дубинку в сумку положил, и знамением крестным
Со всех сторон он оградил себя перед сраженьем,
Затем копя погнал вперед и выехал на поле,
Мечом сначала поиграл, потом копьем искусно,
И начали над юношей смеяться сарацины[46]:
«Глядите, что за молодца поставили сражаться —
Сражаться с тем, кто в Сирии победами прославлен!»
Но был там дилебит один, акрит[47] из сарацинов,
И он при виде юноши сказал эмиру тихо:
«Гляди, с каким искусством он пришпоривает лошадь,
Как обращается с мечом и как копьем играет,
А все это — свидетельство уменья и отваги;
Смотри же, осторожен будь, как с юношей столкнешься».
И выехал вперед эмир, на скакуне гарцуя,
Отваги преисполненный и страх внушая взорам;
Блистали в солнечных лучах доспехи боевые,
И голубое с золотом копье в руке держал он;
Собрались все вокруг тогда, чтобы увидеть битву.
А конь резвился весело, внушая изумленье:
То все четыре он ноги соединял вдруг вместе
И оставался недвижим, как будто бы в ловушке,
То в бег пускался так легко, с такою быстротою,
Что он, казалось, по земле летит, а не ступает.
И радость ощутил эмир — с улыбкою веселой
Погнал он сразу же коня и выехал на поле.

Словно клекочущий орел, словно дракон шипящий,.
Как лев рычащий, юношу хотел он уничтожить,
Но во мгновенье ока тот врага отважно встретил,
И сшиблись копьями они, и поломались копья,
И ни один из них не мог соперника осилить.
Вступили в рукопашную[48] они, мечи извлекши,
Друг с другом продолжали бой, рубились час за часом,
Звучало эхо средь холмов, и грохотали горы,
И кровь сражавшихся лилась и обагряла землю,
И кони были в ярости, а зрители дивились:
Покрылись ранами бойцы, но ни один не дрогнул.
Когда же взорам сарацин явилось это чудо,
То перед рвеньем юноши исполнясь восхищенья,
Перед безмерной стойкостью[49], отвагой благородной,
К эмиру обратились все, вскричали в один голос:
«О мире[50] попроси его и прекрати сраженье,
Чтоб зла не причинил тебе ромей отважный этот».
И повернул назад эмир, и в бегство обратился,
И пораженье испытал кичащийся чрезмерно —
Ведь никогда не назовешь достоинством кичливость.
Отбросил меч он в сторону, поднявши кверху руки,
И по обычаю своих сложил крест накрест пальцы[51],
И обратился к отроку с такими он словами:
«Довольно, славный юноша,— победа за тобою.
Сестру свою теперь бери и всех, кто в плен захвачен».
Покинувши ристалище, пошли они к палатке,
И можно было увидать, как радостные братья,
Воздели руки высоко и стали славить бога,
Так говоря: «Господь, лишь ты один хвалы достоин,
Кто уповает на тебя, позора не увидит».
Исполненные радости они обняли брата,
Целуя голову его, целуя его руки,
И все[52] с горячею мольбой к эмиру обратились:
«Отдай же нам, эмир, сестру, согласно обещанью,
И сердце наше успокой, охваченное горем».
Тогда ответил им эмир, от них скрывая правду:
«Вручаю вам печать свою — палатки обойдите,

Ищите, где желаете, осматривайте лагерь,
И отыскав свою сестру, домой идите с нею».
А те с великой радостью печать эмира взяли
И принялись за поиски, не ведая обмана.
Искали, где могли они, искали безуспешно,
Когда ж печали полные пошли назад к эмиру,
То земледельца встретили из сарацинов родом,
И через драгомана стал тот спрашивать у братьев:
«Что ищете вы, юноши, из-за кого скорбите?».
Ответили они ему, слезами заливаясь:
«Похитили вы девушку, сестру родную нашу,
Не можем мы найти ее, и жизнь нам стала в тягость».
Тогда, вздыхая, сарацин сказал в ответ искавшим:
«Обрыва вы достигнете, пройдя через ущелье,—
Там перебили мы вчера красавиц благородных,
Что отказались нашему желанью покориться».
Погнали братья лошадей, подъехали к обрыву,
Убитых много[53] там нашли и кровью обагренных,—
Иная обезглавлена, без рук, без ног другая,
У третьей — вспоротый живот, отрублены все члены,
И опознать замученных никто б не смог на свете.
И охватила братьев скорбь при зрелище ужасном,
Подняли прах они[54] с земли и головы посыпав,
В отчаяньи рыдали все, стенанья шли из сердца:
«Какую взять из этих рук и из голов оплакать?
Какой обрубок нам узнать и матери доставить?
За что, сестра прекрасная, бесчестно ты убита?
Скажи, душа сладчайшая, как все это случилось:
Зачем лишила света нас, безвременно угаснув?
Как руки варваров тебя на части разрубили?
И как не отнялась рука жестокого убийцы,
Что сострадания не знал к твоей красе чудесной
И не проникся жалостью, твой дивный голос слыша?
О благородная душа! Перед лицом позора
Ты смерть охотно предпочла и страшное убийство.
Скажи, сестра любимая, душа и сердце наше,
Как отличим теперь тебя от остальных убитых?

Неужто отнято у нас и это утешенье?
О час, страшнее всех других, и день, несчастья полный,
Да не увидишь солнца ты, не озаришься светом,
Да ввергнет в мрак тебя господь — сестру родную нашу
Бесчестно и безжалостно злодеи изрубили!
С какою вестью явимся мы к матери скорбящей?
Зачем завидовало ты красе сестры, о солнце[55],
И погубило девушку, что блеском всех затмила?».
Так и не смог никто из них сестру найти родную,—
Могилу сделали одну, зарыли всех убитых,
И со слезами горькими и со скорбящим сердцем,
К эмиру тотчас возвратясь, в отчаяньи сказали:
«Эмир![56] Сестру назад верни, а не вернешь — убей нас,
Ведь без нее никто из нас домой не возвратится,
И смерть нам легче вынести, чем вынести утрату».
Когда услышал то эмир и их печаль увидел,
Он братьев начал спрашивать: «Чьи дети вы? Откуда?
Какого рода отпрыски? В какой живете феме[57]?»
«Мы в Анатолике[58] живем, мы из ромеев знатных,
И происходит наш отец из рода Киннамадов,
А наша мать — из рода Дук, и Константин ей предок[59].
Стратигами поставлены дядья и братья наши,
Двенадцать их у нас[60] в семье — вот от кого мы родом.
В изгнанье ныне наш отец из-за причины глупой[61],—
Доносчики какие-то несчастье причинили;
Да и самих нас не было, когда ты к нам ворвался,—
Служили мы стратигами, границы охраняя,
А окажись мы у себя — все б кончилось иначе,
И даже в дом наш никогда войти б вы не посмели;
Но не застал ты нас, и вот, легко тебе хвалиться.
О высший средь эмиров всех и первый из сирийцев,—
Да сможешь ты Багдад[62] почтить! — Скажи теперь нам, кто ты,
И если наши родичи вернутся из похода,
И если из изгнания отец домой вернется,
Знай, что разыщем мы тебя, где б ты ни очутился,

И дерзость не останется твоя без наказанья».
«О, юноши прекрасные,— эмир ответил братьям,—
От Хрисоверга[63] я рожден, а мать моя — Панфия[64],
Дед прозывался Амброном[65] и дядя мой — Кароес[66].
Ребенком маленьким я был, когда отец мой умер,
И поручила меня мать сородичам-арабам.
У них воспитывался я в законе Магомета[67],
Когда ж увидели они, как счастлив я в сраженьях,
То сделали владыкою над всей землей сирийской
И дали мне три тысячи копейщиков отборных.
Всю Сирию я подчинил, взял Куфер[68] во владенье,—
Пускай немного похвалюсь, но говорю вам правду,—
Прошло немного времени, Ираклию[69] разрушил
И овладел Аморием, Икония достигнув[70].
Я усмирял разбойников и всех зверей свирепых,
И ни стратиги, ни войска мне не были преградой,
Но вот сражен я женщиной, затмившей всех на свете,
Сжигает красота меня, а слезы девы — сушат,
И жгут любимой жалобы. Что делать мне? — скажите.
Из-за нее вас испытал,— хотел узнать получше,
Тоскует по родным она и плачет непрестанно.
Во всем признаюсь я теперь и истину открою:
Коль честь вы мне окажете и в шурины возьмете,
То ради чудной красоты сестры любимой вашей
Я в христианство перейду[71], в Романию отправлюсь.
Узнайте правду — поклянусь великим я пророком —
Не знал я ласки от нее и не слыхал ни слова.
Берите же пропавшую — в моей она палатке».
И услыхав его слова, охваченные счастьем,
Приподняли палатки край и, внутрь когда вступили,
На покрывале золотом нашли они ту деву.
Лежала там она — Христос! —окружена сияньем,
И были переполнены глаза ее слезами.
А братья подняли сестру, в объятья заключили
И каждый целовал ее с великим изумленьем,—
Ведь всякий, кто отчаялся, не ликовать не сможет,

Коль счастье вдруг придет к нему негаданно, нежданно[72]
В удел достались горе им, и слезы, и стенанья,
И тут же счастье к ним пришло, какого не бывало.
Великой радости полны, они ее ласкали,
Не в силах слезы удержать, и с плачем говорили:
«Жива, ты, милая сестра, душа и сердце наше!
Считали мы, что ты мертва, изрублена мечами,
Но красота спасла тебя, любимая, от смерти.
Краса в убийцу, и в того вселяет состраданье
И заставляет недругов щадить красу и юность».
Затем, эмиру обещав, торжественно поклявшись,
Что он, в Романию придя, возьмет сестру их в жены,
Домой они под звуки труб отправились немедля.
И изумлялись все кругом, вели такие речи:
«Какое чудо из чудес! Сколь славна мощь ромеев![73]
Их сила победит войска, вернет свободу пленным,
Заставит веру изменить и смерти не бояться!»
И,вот молва стоустая всю землю облетела,
О том, как дева знатная, блиставшая красою,
Над славным войском Сирии победу одержала.

Книга вторая
О РОЖДЕНИИ АКРИТА[74]

Когда же братья поклялись, что станет он их зятем.
Не медля выступил эмир, взял отроков[75] с собою,
Назад в Романию пошел, стремясь к своей любимой.
И вот, достигнув, наконец, Романии пределов,
Он всем, кого в плену держал, свободу предоставил
И вдоволь каждого снабдил запасами в дорогу.
А братья матери своей отправили посланье
О том, как найдена сестра, и о любви эмира,
Отрекся как от веры он, от родины и близких,
И написали: «Матушка, печалиться не надо,
Прекрасного и славного мы жениха получим,
И приготовить следует все нужное для свадьбы».
Услышала о том их мать и восхвалила бога,
Сказала: «Славься, мой Христос, владыка милосердный,
И власть твоя пусть славится — надежда в безнадежном!
Что пожелаешь совершить, все совершить ты можешь:
Свирепый недруг укрощен твоей чудесной властью,
Родную дочь мою ты спас, от гибели избавил.
О доченька любимая, очей моих услада,
Когда услышу голос твой, живой тебя увижу?
Вот приготовила я все, сыграть готова свадьбу,
Но страшно мне, сравнится ли с тобой жених красою?
Усвоит ли обычаи[76] ромеев благородных?
Боюсь я, милое дитя, что в нем любви не будет,
Что, как язычник[77], он свиреп,— тогда не жить мне лучше».
Так пела[78] радостная мать в счастливом ожиданье.
А между тем отправились эмир и братья девы,
Исполненные радости в тяжелый путь пустились.
Когда ж приблизились они к отцовскому жилищу,
Родные вышли их встречать с несчетною толпою,
И стратигисса среди них во всем предстала блеске.

Кто был бы в силах описать, кто смог вообразить бы
Ту радость безграничную, царившую над всеми:
И дети обнимали мать с великою любовью,
И мать[79], взирая на детей, исполнилась веселья,
А жениха увидела — еще счастливей[80] стала,
И благодарность воздала она всем сердцем богу,
Сказав: «Владыка наш Христос, кто верит в тебя твердо,
Всего сумеет тот достичь, всего, к чему стремится».[81]
И вот вступили в дом они, отпраздновали свадьбу,
Свершив над женихом обряд крещения святого.
И радость общая росла, все больше становилась,
И рад безмерно был эмир, соединясь с любимой.
Нет в мире большей радости, чем радость нежной страсти;
Насколько страждет любящий, что терпит неудачу,
Настолько счастлив любящий, соединясь с любимой.
И зачала та девушка с супругом сочетавшись,
И Дигениса родила Василия Акрита,
И возросла еще сильней любовь в груди эмира.
А между тем из Сирии эмиру мать послала
Письмо, печали полное, упреков и укоров:
«Глаза мои ты ослепил, не светит мне светило,
Дитя любимое мое, как смел ты мать оставить,
Как смог отречься от семьи, от родины, от веры
И на себя позор навлечь во всей земле сирийской?
Кого ни встретим мы теперь — лишь ненависть увидим.
Законы преступили мы, от веры отказались,
Заветами пренебрегли, заветами пророка.
Что стало вдруг с тобой, дитя,— забыл ты их так скоро!
И как не вспомнились тебе отцовские деянья[82],—
Ромеев сколько он убил, рабами сколько сделал?
Стратигами, топархами[83] наполнил он темницы,
И сколько фем в Романии опустошенью предал,
И сколько пленниц захватил, прекрасных, знатных родом!
А разве стать изменником отца не искушали?
Ведь окружен когда он был ромейскими войсками,
То клятвою торжественной клялись ему стратиги,
Что звание патрикия[84] он от царя получит,

Что станет протостратором[85] — пусть только меч свой бросит.
70 Но верность сохранил отец учению пророка,
Почетным местом пренебрег, богатством не прельстился,
И был изрублен на куски, и меч его забрали[86].
Ты ж, хоть насилья не встречал, но от всего отрекся:
От веры, от семьи своей, от матери родимой.
75 А помнишь ли, как дядя твой, мой брат Мурсес Кароес[87]
На Смирну армию повел по берегу морскому?
Опустошил он Анкиру и Абидос[88] разрушил,
И Африку[89], и Теренту[90],— затем — Эксакомию[91]
И возвратился в Сирию победами увенчан.
80 А твой поход, поистине, принес одни несчастья:
Прославиться ты мог, дитя, по всей земле сирийской.
Но за любовь язычницы[92] посмел от всех отречься,
И нет мечети, где б тебя теперь не проклинали.
Скорей же в Сирию вернись и в дом войди свой снова,
85 Не то безжалостно меня эмиры обезглавят[93],
Убьют детей они твоих — ведь их родил изменник,
В чужие руки отдадут всех жен твоих прекрасных[94],
Что горько плачут о тебе, снести не в силах горя.
Дитя мое любимое, проникнись состраданьем,
90 Чтоб мать твоя на старости не умерла в печали,
Чтобы детей твоих родных бесчестно не убили,
Чтоб женщины прекрасные не проливали слезы,
И чтоб не истребил твой род владыка всемогущий.
Гляди — отборных скакунов я для тебя прислала,
95 Коня гнедого оседлай, а сбоку вороного
И сзади бурого[95] веди — никто догнать не сможет,
Ромейку если жаль тебе — возьми ее с собою;
Когда ж ослушаешься ты, то ждет тебя проклятье!»
И вот арабы славные посланье это взяли
100 И с быстротой великою Романии достигли.
Пустынное там место есть, зовется Лаккопетра[96],
Разбили лагерь там они, чтоб не привлечь вниманья,
И с тем, кто относил письмо, эмиру передали:

«Всю ночь сияет свет луны — скорей же в путь,коль хочешь!»
Когда же увидал эмир от матери посланье,
Сыновним состраданием он к матери проникся,
О детях горевал своих, о женах; и при мысли,
Что жен чужие ласки ждут, в нем ревность загоралась.
Ведь первой страсти не забыть, пускай придет другая;
Ту страсть затмила лишь любовь к прекрасной этой деве,
Как малое страдание затмится от большого.
Задумался глубоко он и, действовать желая,
Своей любимой так сказал, войдя в опочивальню:
«Я слово тайное сейчас хочу тебе поведать,
Хоть и боюсь, прекрасная, что горевать ты будешь;
Настало время, наконец, когда узнаю точно,
Насколько дорог я тебе и любишь ли супруга»[97].
Она же, слыша эту речь, что в сердце ей вонзилась,
Со вздохами глубокими ему в ответ сказала:
«О муж мой, всех ты мне милей, властитель мой, защитник,
Когда я рада не была[98], твоим словам внимая?
Что за превратность разлучит меня с твоей любовью?
Пусть умереть придется мне — тебя я не оставлю,
Пусть испытанием любви превратности послужат».
Эмир ответил: «Я про смерть, любимая, не думал,
Да минет нас, душа моя, все то, чего страшишься.
Пришло ко мне от матери из Сирии посланье:
Подверг опасности я мать и к ней теперь отправлюсь.
И, если ты, душа моя, со мной поедешь вместе —
Ведь ни на час я не хочу с тобою расставаться,—
Недолог будет путь у нас — домой вернемся быстро».
И молвила она ему: «Я рада буду, милый[99],
Пойти, куда прикажешь ты,— об этом не тревожься».
Но чудеса творит господь и шлет он сновиденья,
Чтоб мысли сокровенные перед людьми раскрылись.
Случилось так, что младший брат увидел сон той ночью,
Немедля пробудился он и, всех созвавши братьев,
О сне своем поведал им, о вещем сновиденье:

«Сидел я в доме наверху,— рассказывать он начал,—
Смотрел, как птицы хищные летят над Лаккопетрой,
И вижу: сокол яростный[100] преследует голубку,
Но кончилась погоня та, и вот уж обе птицы
Достигли дома нашего, влетели с быстротою
В опочивальню молодых, к сестре, к ее супругу.
Вскочил я сразу, побежал, хотел настигнуть птицу,
Душа в смятении была,— и вот я пробудился»[101].
Тут самый старший среди них стал толковать виденье[102]:
«Должно быть птицы хищные — грабители лихие,
И я боюсь, что шурина тот сокол означает
И что голубку он — сестру — в несчастье ввергнуть может.
Отправимся теперь туда, где сон ты свой увидел,
Пойдем туда, где хищных птиц ты наблюдал в полете».
И на конях они к скале отправились немедля,
Арабов увидали там и скакунов их быстрых.
Не ждали братья этого и изумились сильно,
«Привет вам, слуги шурина,— так стали говорить им,—
Зачем от дома нашего вдали расположились[103]?»
А те, ответа не найдя, во всем сознались братьям
И истину раскрыли всю, ничто не утаилось.
Ведь в страхе неожиданном легко открыться правде;
Лишь тот, кто был предупрежден, умеет защититься.
Тут братья взяли их с собой, немедля возвратились
И стали шурина бранить за то, что зло замыслил,
А больше всех их младший брат отважный был разгневан:
«Не отрицай,— он говорил,— своих коварных планов,
Знай, сарацин, что в Сирию тебя мы так не пустим,—
Врагом ты показал себя, врагом бесчестным нашим;
Оставь теперь жену свою и позабудь о сыне
И, взявши, что принес с собой, иди своей дорогой!».
Когда услышал то эмир, увидел обвинявших,
Не мог ответа он найти и пребывал в молчанье,
Исполнен страха и стыда, охваченный печалью.
Боялся, что чужой он им, стыдился, уличенный,
И горевал, что предстоит с любимою расстаться.

Не ведая, как быть ему, к жене своей вошел он,
Надеялся — она одна его утешить сможет,
И ничего не знал о сне, ниспосланном всевышним.
«Зачем ты это сделала? — воскликнул со слезами,—
Так вот, как любишь ты меня? Так вот как держишь клятвы?
Не признавался ль я тебе во всех своих желаньях?
Не пожелала ль с радостью ты следовать за мною?
Ведь я не принуждал тебя, не прибегал к насилью,
Нет — настояла ты сама, чтоб ехали мы вместе,
Чтоб путь свершили радостно и снова возвратились;
Но страха перед господом глаза твои не знают,
Подговорила братьев ты, склонила на убийство;
Забыла разве, как с тобой всегда я обращался?
Я пленницей[104] тебя увел, а почитал хозяйкой,
Рабой иметь тебя хотел,—к тебе попал я в рабство;
От веры, от родителей из-за тебя отрекся,
В Романию отправился любви к тебе исполнен,
А благодарность какова? Ты смерти мне желаешь.
Не нарушай, прекрасная, торжественных обетов,
Не отрекайся от любви, от страсти, нас связавшей;
Ведь если братья вновь твои грозить начнут насильем
Увидишь — меч свой обнажу[105] и заколюсь от горя,
И будет пусть тогда господь судьею между нами.
А ты у всей своей родни[106] лишь осужденье встретишь
За то, что тайну выдала, доверенную мужем,
Что предан и погублен он, словно Самсон Далилой»[107].
Такие речи вел эмир, горюя неутешно,
Уверенный, что выдала она его решенье,—
Ведь оскорбленная любовь приносит злые речи.
А девушка, услышав то, лишилась дара слова[108],
Ответить не могла ему, как будто онемела,
И так подавленной[109] она часами оставалась.
Ведь часто провинившийся приводит оправданья,
А невиновный — тот молчит и что сказать не знает.
И под конец, когда с трудом собою овладела[110],
Рыдая, стала восклицать: «За что меня бранишь ты?

Зачем винишь меня, супруг? Любви ль моей не знаешь?
Не я — да не случится то! — твой план посмела выдать.
Пусть, коль виновна я, живой земля меня поглотит,
Для всех живущих на земле пусть послужу примером
Дурной изменницы-жены, предавшей тайну мужа».
И видя, что еще сильней печаль эмира стала,
Что близок он к безумию, отчаяньем охвачен
(Избыток ведь отчаянья безумие рождает,
А обезумев, многие идут на беззаконье),
Бояться стала, чтоб мечом себя не заколол он,
И к братьям бросилась бежать, рвя волосы от горя:
«О братья милые мои, тревожить перестаньте
Ни в чем не виноватого,— ведь гибель его близко:
Безумием охваченный, готов он заколоться.
Всевышним заклинаю вас — не обижайте гостя,
Из-за меня отрекся он от родичей, от веры
И никогда не помышлял дурное причинить вам.
А нынче матери своей страшится он проклятья
И хочет в Сирию идти, чтоб с матерью вернуться,—
Об этом рассказал он мне и показал посланье.
И сами ведь страшились вы, чтоб мать не прокляла вас,
Отважились пуститься в путь одни вы против тысяч,
С врагами завязали бой из-за меня в ущелье,
И вам не смерть была страшна, но матери проклятье.
Таким же страхом он объят и в путь скорей стремится».
Так говорила девушка, увещевала братьев
И волосы рвала свои, и слезы проливала.
А те, не в силах вынести ее рыданий горьких,
Воскликнули немедленно, сестру свою целуя:
«В тебе одной у нас душа, в тебе услада сердца,
И если хочешь ты сама, чтобы поехал зять наш,—
Пусть богом поклянется он, что быстро возвратится,
И мы помолимся тогда, чтоб путь его был счастлив».
И успокоив так сестру, вошли в покои зятя,
Прося прощенья у него за прежние их речи:
«Забудь обидные слова, не знали мы всей правды,
Не наша это ведь вина, но сам ты провинился,

Не пожелав нам о своих намереньях поведать».
Простил им прошлое эмир и заключил в объятья,
Затем, к востоку обратясь и руки вверх воздевши,
Провозгласил: «О мой Христос, о сын и слово бога,
Привел меня ты к светочу божественного знанья,
Из мрака вызволил и спас от заблуждений тщетных,
Все помыслы сердечные ты ведаешь, все тайны;
Коль позабыть посмею я любимую супругу
Иль этот сладостный цветок — дитя мое родное,
И не вернусь от матери так быстро, как сумею,—
Пусть для зверей и хищных птиц в горах добычей стану,
И между христианами пусть места мне не будет!»
И стал он после этого готовиться в дорогу.
Когда ж через пятнадцать дней закончились все сборы,
И сделалось известно всем, что близится прощанье,
То собралась вокруг толпа — друзья его, родные,
И можно было увидать любовь супругов верных:
С женою рядом шел эмир, держал ее за руку,
В опочивальню шли они, туда вступили вместе.
Лились ручьями слезы их, лились, из сердца словно,
И слышались стенания, сменявшие[111] друг друга:
«Дай слово мне, владычица, дай мне свое колечко[112],
И буду я, прекрасная, носить его в разлуке».
А девушка со вздохами ответила эмиру:
«Смотри же, клятвы не нарушь, властитель золотой мой,
Обнимешь коль другую ты — всевышний покарает,
Карает за грехи господь и справедливо судит».
«Любимая! — ответил он,— коль сделать так посмею,
Иль позабуду о любви, о страсти, нас связавшей,
Иль сердце, благородная, твое в печаль повергну,
Пускай разверзнется земля, Аид[113] меня поглотит,
Пусть не увижу радости с тобой, благоуханной».
И целовались без конца они, обнявшись нежно,
И много времени прошло в прощанье бесконечном.
Потоки слез обильные их лица оросили,
С трудом лишь двое любящих оставили друг друга,
Нисколько не стыдясь людей, собравшихся толпою.

Вот так всесильная любовь людей стыда лишает,
И знают это хорошо охваченные страстью.
Затем он поднял на руки дитя свое родное
И с плачем говорил ему, и все кругом слыхали:
«Дарует ли всевышний мне, о мальчик мой сладчайший,
Увидеть как на скакуне искусно ты гарцуешь?
И научу ль тебя владеть копьем, двоерожденный[114],
Чтобы сородичи тобой гордились по заслугам?»
И слезы не могли сдержать свидетели прощанья.
А между тем на скакунов породистых и быстрых
Вскочили отроки его, от дома поскакали,
И на коне своем эмир отъехал напоследок.
Большая собралась толпа родных его и близких,
На расстоянии трех миль[115] его сопровождали,
Он обнял на прощанье их, заставил возвратиться,
А сам пустился дальше в путь со слугами своими.

Книга третья
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ СИРИИ С МАТЕРЬЮ

Всегда бывает любящий рабом любви послушным[116].
Похожа на судью она, терзающего сердце;
Кто в строгости не следует путям любовной страсти,
В тех метко стрелы шлет любовь, сердца их поражает,
Огнем вооружается, воспламеняет разум,
И овладеет если кем, спастись тот не сумеет,
Пускай прославлен будет он, пусть всех других богаче,—
Поднимется над ним любовь и заключит в оковы.
Все это испытал эмир, достойный изумленья,—
Презрел он власть великую, от славы отвернулся[117],
Забыл своих сородичей, родителей, отчизну,
От веры смог отречься он, пылая страстью к деве,
Воистину прекраснейшей и полной благородства.
Рабом любви покорным стал тот, кто врагом был ярым,
И родиной Романию избрал из-за любимой.
Но, вот, пришло из Сирии от матери посланье,
И к ней поехать он решил, страшась ее проклятья:
Ведь дело недостойное — родителей разгневать.
Спросил совета у родных, поклялся перед всеми,
Когда же радостно его в дорогу провожали,
Запел он песню бодрую, чтоб девушку утешить:
«Где сила ваша, отроки? Где резвость ваша, кони?
В усердье проводите дни и бодрствуйте ночами,
Пускай не будут вам страшны ни дождь, ни снег, ни стужа,—
Не то вернуться не смогу к назначенному сроку,
Упреки встречу горькие, мне жизнь мила не будет».
Затем сказал: «Прощайте же!» родным своим и близким
И обнял всех и попросил, чтоб за него молились.
А те без промедления в один вскричали голос:
«Да ниспошлет тебе господь в пути благополучье,
Да удостоимся мы вновь тебя средь нас увидеть».
И вслед за расставанием домой они вернулись,

Как будто грянула беда, мрачны, печали полны,—
Такую боль несет в себе с любимым расставанье,
Сжигает душу нам оно, овладевает сердцем,
В смятенье повергает ум тяжелая разлука.
Меж тем отправился эмир с поспешностью в дорогу
И что ни день передавал своей желанной в письмах:
«Оставь печаль свою, прошу, и вознеси молитвы»,
А верных спутников своих он так просил с любовью:
«О знатные вы отроки, друзья мои и братья,
Не спали вы из-за меня, труды переносили[118],
Вступили в договор со мной и дали обещанье,
Что, коль придется, за меня вы умереть готовы.
А здесь нам гибель не грозит: наш тяжкий труд — любовный;
Воспламеняется душа, огонь сжигает сердце,
Лишь представляю я себе весь путь наш бесконечный.
Когда пустыни страшные мы, отроки, минуем,
Минуем горы страшные[119] и дикие ущелья?
Когда увижу я Рахаб[120] и с матерью увижусь?
Когда я снова наконец свершу весь путь обратный,
Когда достигнем мы земель Романии прекрасной,
И куропатку я свою, красавицу, увижу
И благородный тот цветок — прекраснейшего сына?
Кто крылья даст мне, кто лететь, любимая, научит,
Чтоб хоть на час покой я мог вкусить в твоих объятьях?
Не знаешь сна из-за меня, вздыхаешь непрестанно
И на дорогу день за днем нетерпеливо смотришь —
Не сосчитать нам всех тревог из-за любимых наших,
Всех нескончаемых забот, опасностей и страхов.
Смелей же отроки мои, красавцы молодые,
Гоните безмятежный сон, оставьте нерадивость,
И чем скорее крепости достигнем мы, Рахаба,
Тем ближе час, когда назад в Романию вернемся.
Ведь много раз в опасностях спасал я жизни ваши.
Не буду вспоминать всего, лишь об одном напомню:
Недавно то произошло вблизи Меллокопии[121],
Где наш отряд со всех сторон стратиги окружили,

И вражьи воины вокруг сплошной стеной стояли.
Отчаяньем охвачены вы ожидали смерти,
В гробницу словно заживо вас заключили вместе,
И не надеялся никто уйти от истребленья.
Тут клич я бросил боевой, в ряды врагов ворвался,
И сколько их сошло в Аид[122], известно хорошо вам,—
Все отступили предо мной и обратились в бегство
Избегли мы опасности и даже пленных взяли.
А ныне нет сражения[123]: наш тяжкий труд — любовный,
И в том труде —молю я вас — меня не покидайте».
Слова такие говорил и многие другие
В дороге спутникам эмир с тяжелой болью в сердце.
Сжигает так всегда любовь попавших в ее сети,
И отвернувшись от всего, к любви они взывают.
А отроки, услышав то, ответили немедля:
«Где пожелаешь, господин, там лагерем мы станем[124],
За нерадивость никогда не сможешь упрекнуть нас».
Свершилось чудо дивное и все ж нельзя не верить —
Любовь ведь ими двигала, во всем была поддержкой:
Три перехода каждый день они одолевали;
Когда ж ущелья дикие[125] открылись перед ними,
То отроков берег эмир и шел путем окружным.
И вот однажды на пути по жуткому ущелью
Глазам их страшный лев предстал, газелью завладевший.
Когда увидели его те отроки, то сразу
Охваченные ужасом взбежали вверх на гору,
А опечаленный эмир промолвил зверю грозно:
«Страшнейший среди хищников, твоя безмерна дерзость,
Раз на пути влюбленного помехой ты явился.
Смотри ж — готова для тебя заслуженная кара!»
Дубинкой посреди спины удар нанес он зверю,
И бездыханным тут же пал на землю ненавистный.
Тут отрокам своим эмир приказ немедля отдал:
«У хищника убитого все зубы вырвать надо,
И когти тоже вырвите из правой лапы зверя,
И, возвратясь в Романию по милости господней,
Я подарю их своему прекраснейшему сыну,

Каппадокийцу славному[126], Акриту Дигенису».
И снова в путь пустился он, охваченный любовью.
Друг друга побуждали все идти, не унывая,
Не предавались сну они, забыли нерадивость,
Стремился каждый превзойти другого в состязанье.
Когда же к крепости они приблизились, Рахабу,
Палатки перед стенами велел эмир поставить
И приказал двум отрокам отправиться в ту крепость
И матери его сказать о том, что сын к ней прибыл.
Без промедления приказ исполнили посланцы,
А мать эмира, услыхав подобное известье,
Едва плясать не начала от радости великой.
О том узнали в скорости и родичи другие,
Собрались, приготовились приехавшего встретить.
За стены выехали все, приблизились к палаткам,
Пешком навстречу вышел им эмир, обутый в пурпур[127],
И тотчас спешились они, узнали, кто пред ними,
Исполненные радости, слезами заливаясь,—
Ведь счастье слезы нам несет, когда придет в избытке.
И обнимали все его, и с ним любовь делили[128],
Собрались все сородичи и мать стояла рядом,
И взяв детей с собой, пришли эмира жены встретить,
Его в объятья заключив, без счета целовали,
И не хотел из них никто от гостя оторваться.
Затем в палатку все вошли и по местам расселись,
И обратилась мать к нему с таким увещеваньем:
«Дитя мое сладчайшее, очам моим ты светишь
И душу утешаешь мне в годах моих преклонных,
Источник радости моей, сердечная услада,
Поведай мне, дитя, зачем в Романии ты медлил?
С тобой в разлуке и на свет глядеть я не хотела,
На солнце лучезарное, мне жизнь мила не стала.
Да разве знает чудеса Романия такие,
Что рядом совершаются с могилою пророка[129]?
Ты помнишь, как ходил туда со мною на молитву,
Как видел чудо дивное, свершившееся ночью:
Хоть света не было нигде, сошло сиянье сверху,

И все вокруг наполнилось тем несказанным светом.
Увидел ты медведей, львов, волков с овечьим стадом,
Земные твари всех пород паслись друг с другом вместе,
Никто вреда не причинял малейшего другому,
Но ожидали все они свершения молитвы
И, вот, колена преклонив, немедля удалились.
Неужто чудо большее в Романии ты видел?
А разве не у нас платок Неемана[130] хранится, —
Неемана, что управлял народом ассирийским,
За добродетели свои был чуда удостоен?
Как, сын мой, позабыть ты мог о всех родных святынях
И властью пренебречь своей и славою великой?
Мы ждали, что близка твоя победа над Египтом[131],
Ты ж создал сам препятствие для собственной удачи
И все утратил, что имел, из-за одной ромейки».
Хотела продолжать она свои увещеванья,
Но юноша прервал ее и так ответил сразу:
«О том, что говоришь ты, мать, мне хорошо известно:
До той поры, как свет узрел, за истину считал я
Такое, что достойно лишь погибели и мрака;
Когда ж за лучшее почел всевышний наш владыка,—
А это тот, кто пожелал ради меня быть нищим,
И тот, кто бремя слабостей моих понес охотно,—
Меня у зверя выхватить лукавого из пасти
И мне омыться даровал[132] водою возрожденья,
Тогда всю эту болтовню, все сказки я отбросил,
Поистине огонь за них нам вечный уготован,
И кара неизбежная заблудших ожидает.
Кто ж в бога верует, в отца всего, что существует,
Творца небес, земли, всего, что от очей сокрыто;
Кто верует в Христа, в того, кто — сын и слово бога,
В Христа, который от отца на свет рожден предвечно,
Который, как от света свет, бог истинный, великий;
В того, кто ради нас, людей, спустился вниз на землю
И родился от матери, от девственной Марии,
К спасенью нашему стремясь, распятию подвергся
И похоронен был в гробу, который чтишь ты тоже[133],

А после этого воскрес на третий день из мертвых,
Как учат нас свидетельства писания святого;
В того, кто справа от отца на троне восседает,
И чье владычество конца вовеки не увидит;
Кто верит также в дух святой, что все наполнил жизнью,—
Ведь, как отца, его я чту, как сына и как слово,
И верю, что крещенье лишь от скверны нас очистит,
И часа жду того, когда все мертвые восстанут.
Когда постигнет грешников законное возмездье,
И будет праведник прощен, согласно обещанью,
И век грядущий к нам придет, век жизни бесконечной,—
Так вот, кто в эту троицу уверует святую,
Во имя вечного отца крещение воспримет,
Во имя сына божьего, рожденного предвечно,
Святого духа, наконец, что все одушевляет,
Тот не погибнет человек и обретет бессмертье.
Но тот, о мать любимая, кто этого не знает,
В геенне будет огненной терзаться бесконечно,
Наполненной стенаньями и скрежетом зубовным».
Такие речи вел эмир и к безупречной вере
Надежный путь им указал и матери он молвил:
«Мать! Отправляться мне пора в Романию обратно,
Еще сильней уверовал я в троицу святую:
Ведь все богатства на земле души не стоят нашей,
И если все мы обретем, а душу потеряем,
То, право, пользы никакой в тот час для нас не будет,
Когда господь сойдет с небес, чтоб суд вершить над миром,
И всех поставит пред собой, потребовав отчета;
Когда суровый судия возвысит голос грозно
И повелит нам снизойти во пламя преисподней,
Туда, где вместе с дьяволом вовеки мы пребудем
За то, что не послушались господних повелений.
Но те, кто веруют в Христа, как в истинного бога,
Заветы чтимые его усердно соблюдают,—
Все воссияют в этот час, подобные светилу,
И глас услышат своего властителя благого:
«Придите, унаследуйте, отцом благословенны,

То царствие небесное, что вам я уготовил!»
И жизнь непреходящая начнется для блаженных,—
Ведь справедлив наш судия и воздает, как должно.
Коль жизни истинной о, мать, сподобиться желаешь,
От пламени избавиться, от темноты извечной,
Блужданий тщетных избегай и выдумок безумных,
Уверуй в бога — этот бог в трех лицах существует
И в нераздельной чистоте своей единосущной.
Родного сына слушайся, иди со мною вместе,
И сделаться отцом твоим смогу в святом я духе,
Крещеную приму тебя — на свет ты вновь родишься».
Такими были их слова, и мать не отказалась
Благочестивым следовать увещеваньям сына,
И словно добрая земля, воспринявшая семя,
Вняла она его речам и так провозгласила:
«Благодарю тебя, дитя, поверила я в бога,
Что существует в троице; в Романию с тобою
Пойду теперь крещеная и чистая от скверны,
И благодарная за свет, дарованный мне сыном».
Стояли рядом родичи, эмира окружая,—
Собрались вместе с матерью толпой они великой,—
И все[134] вскричали, как один, в Христа исполнясь веры:
«В Романию отправиться желаем вместе с вами,
Хотим крещение принять, достигнуть вечной жизни!»
Был в изумлении эмир при виде их усердья
И молвил: «Славься, господи, владыка милосердный!
Не хочешь ты, чтоб грешники скончались в заблужденье,
Но сострадаешь им и ждешь, когда к тебе вернутся,
Удела удостоятся в твоем великом царстве».
И захватили все с собой несметные богатства
И вместе выступили в путь, в Романию направясь.
Когда же Каппадокии земель они достигли,
То отрокам сказал эмир, прося помочь советом:
«Мне, воины достойные, такая мысль явилась:
Пусть впереди поеду я, неся благие вести[135].
Коль будет впереди другой — услышу нареканья,
Упреки в нерадивости услышу от любимой».

И воины одобрили желание эмира,—
Ведь справедливо, чтоб любви исполнились стремленья.
И вот намеренье свое он тщательно обдумал,
Переоделся сразу же и взял ромеев платье:
Из шелка чудный плащ надел фиалковый и белый[136],
Весь грифами украшенный[137] и золотом сверкавший;
И светлый головной платок, бесценный, златотканный;
Гнедого мула оседлал со звездочкою белой[138],
Трех отроков он отобрал, с собою взял в дорогу,
Вперед, как птица, полетел, достиг родного дома
И полным счастья голосом вскричал нетерпеливо:
«Голубка нежная моя, перед тобой твой сокол!
Прими же и утешь его — с чужбины он вернулся!»
Служанки выглянули тут, нежданный голос слыша
И видя: у окна — эмир, воскликнули: «О счастье!
Будь рада, наша госпожа,— то господин явился!»
Но не осмелилась она поверить в эту новость,—
Ведь тот, кто неожиданно желанного достигнет,
Считает сновиденьем все от радости чрезмерной.
Служанкам стала возражать: «Привиделось вам это»,
Хотела продолжать она, объятая неверьем,
Как вдруг увидела — рупруг подходит долгожданный.
Сознанья чуть не потеряв[139], в великом потрясенье,
Его в объятья заключив, обвив руками шею,
Лишилась голоса она и слез не проливала.
Да и эмир, увидясь с ней, не мог владеть собою
И обцял страстно девушку, к груди ее прижавши.
Часами оставались так, сплетенные друг с другом,
И если б стратигисса их водой не оживила,
На землю пали бы они, лишенные сознанья.
Нередко так случается из-за любви чрезмерной,
И смертью неожиданной грозит избыток счастья,—
Так и они злой участи едва не претерпели.
С трудом великим оторвать смогли их друг от друга,
И поцелуями эмир покрыл глаза любимой,
И снова обнял ласково и спрашивал счастливый:
«Как, нежная ты телочка[140], живешь, о свет мой

сладкий?
Как ты живешь, душа моя, мое ты утешенье,
Голубка нежная моя, кустарник мой прекрасный,
И как цветок твой дорогой — как сын живет наш милый?»
А девушка еще сильней любовью воспылала,
И сладким голосом своим ответила эмиру:
«Со мной, надежда ты моя, отрада в этой жизни,
Опора моя славная, души моей услада!
Благополучие у нас царит по доле бога,
И милостью всевышнего мы обрели друг друга.
Теперь и ты, владыка мой, мне о себе поведай»,
«Все хорошо,— сказал эмир,— Христос наш милосерден,
И сердце матери моей наполнил вышним светом
И родичей моцх сердца и светоч указал им:
Божественного знания — увидите их скоро».
И на руки дитя свое любимое он поднял
И мальчику сказал слова, идущие от сердца:
«Когда, прекрасный сокол мой, расправишь свои крылья,
За куропаткой полетишь, разбойников[141] осилишь?»
Такие сыну своему эмир слова промолвил.
А между тем узнали все о славном возвращенье
И побежали по домам, неся благие вести.
Не описать их радости, нет слов о ней поведать,—
Собрались в хоровод они, пустились в пляс веселый;
А скоро к прежней радости прибавилась другая[142]:
Пришел посланец, возвестив, что мать эмира близко;
Без промедленья весь народ — и жены и мужчины
Навстречу выступили ей со стратигиссой вместе,
И неспособен был никто пересчитать встречавших.
Такое чудо дивное творит любовь святая,—
Кого не поразит она, не ввергнет в изумленье?
И как постигнуть мощь ее, которая сумела
Сплотить иноплеменников, в одной свела их вере?
Прибывших встретили они и спешились немедля,
Друг друга стали узнавать, расспрашивать усердно:
Невестка — про свекровь свою, про всех родных спросила,

А та от радости родных невестки обнимала;
Их кони ржали весело и радовались с ними,
И радость всех наполнила еще сильнее прежней.
И вот вступили в дом[143] они, отпраздновали свадьбу,
Над матерью свершил эмир святой обряд крещенья
И от купели воспринял рожденную вторично;
Затем сородичей крестил, пришедших вместе с нею[144],
И сделался для всех родных отцом в святом он духе.
И ликованье общее еще сильнее стало:
Был счастлив сын глядеть на мать, исполненную веры,
И радовалась мать сама, гордясь любимым сыном.
Покои выделил тогда эмир в своем жилище
И предоставил их родным, чтоб жили они рядом.
А Дигенис Акрит меж тем все старше становился,
От бога получил он в дар невиданную доблесть,
И кто ни видел мальчика, не мог не изумляться —
Дивился мудрости его, отваге благородной,
И слава разнеслась о нем великая по свету[145].

Книга четвертая[146]

Отсюда начинаются[147] деяния Акрита —
О том, как девушку герой прекрасную похитил,
Затем — о свадьбе их рассказ пойдет в четвертой книге.

* * *

А ныне о влечении[148] хочу я вам напомнить,
Влеченье — это для любви и корень и начало;
Любовь привязанность родит, а после страсть приходит[149],
Взрастает час за часом страсть, плоды ее известны:
Заботы непрестанные, волненья и тревоги,
Разлука с матерью, с отцом, опасностей пучина.
Коль молодость цветущая овладевает сердцем,
За все неисполнимое она готова браться;
Не побоится пламени, до моря доберется.
Ни хищники свирепые, ни львы и ни драконы
Не могут стать препятствием для страсти безграничной,
Разбойники свирепые ее не испугают,
. Ей ночи днями кажутся, равнинами — ущелья,
Бессоница — как отдых ей, далекое — ей близко.
А многих заставляет страсть оставить свою веру;
Не вздумайте, что это ложь, пустые небылицы,
Свидетельство достойное готов я вам представить —
Эмира знаменитого, всей Сирии владыку.
Был одарен он красотой, как дикий зверь отважен,
Сложеньем дивным наделен и силой благородной.
Поистине назвать его вторым Самсоном можно:
Руками льва тот разодрал и всюду был прославлен[150],
А этот львов уничтожал во множестве несметном.
Пора Гомера позабыть и басни об Ахилле,
Сказания о Гекторе — пустые измышленья[151].

Смог македонец Александр[152], столь сильный разуменьем,
С божественною помощью владыкой стать над миром;
Эмир же, твердый разумом, смог в господа поверить,
Приобретя себя в удел и доблесть и отвагу.
Что значат Филопапп[153] старик, Киннам Иоаннакис?
Ни слова, право же, о них и говорить не стоит —
Не совершили ничего, хвалиться лишь умели.
Его же — истинны дела, свидетелей им много;
Ведь славный Амброн — дед его, а дядей был Кароес,
Три тысячи копейщиков ему отборных дали,
Всю Сирию он подчинил, взял Куфер во владенье,
Преград не зная на пути, в Романию ворвался;
Немало занял крепостей, окрестности Иракла,
Он Харсиану разорил., каппа до кийцев землю,
И девушку из рода Дук прекрасную похитил.
Цветущей юностью ее, красою очарован,
Решил отречься от всего — от веры и от славы —
И в христианство перешел, и стал он православным —
Рабом ромеев сделался их враг непримиримый[154],
Ребенок родился у них, воистину прекрасный,
Василием был наречен со своего рожденья,
А по родителям его назвали Дигенисом[155]:
Ромей по матери он был, а по отцу — язычник[156].
Когда же в страх привел врагов — об этом скажет книга,—
Границы подчинил себе[157], то прозван был Акритом.
Антакин звался дед его из рода Киннамадов[158],
В изгнанье умер, сосланный приказом самодержца[159]
Василия[160] счастливого, могучего акрита;
Великим был удел его и несравненной слава,
И среди всех великим он стратигом почитался.
А бабка — из семейства Дук, Антакина супруга;
И братья матери его прославились немало[161],—
Из-за сестры они своей вступили в поединок
С эмиром-похитителем, достойным изумленья.
Таков был отпрыск племени ромеев благородных,
Что на земле прославился деяньями своими.

Итак, повествование[162] начнем мы о герое.
Еще ребенком был Акрит, когда его родитель
Наставника для сына взял, чтоб обучался мальчик.
Три целых года Дигенис в науках упражнялся
И острым разумом своим усвоил много знаний.
Затем к езде он верховой, к охоте устремился
И упражнялся день за днем с отцом в искусствах этих.
И час настал[163], когда к отцу он обратился с просьбой:
«Желанье в душу мне вошло, отец и повелитель,
Пойти охотой на зверей, узнать свое уменье;
И если ты Василия, родного сына, любишь,
Скорей отправимся туда, где обитают звери,
Там покажу тебе, о чем я день и ночь мечтаю».
Когда услышал то отец от своего любимца,
Возвеселился духом он, возрадовался сердцем,
И начал сына целовать с великим ликованьем:
«Дитя мое желанное, душа моя и сердце,
Чудесны все слова твои и замысел[164] отважен,
Но не настал еще твой час зверей разить свирепых.
Не знаю ничего страшней, опаснее охоты,
Тебе ж двенадцать только лет, иль дважды шесть[165] всего лишь,
И на зверей охотиться[166] ты, мальчик, неспособен.
Дитя мое сладчайшее, оставь такие мысли,
И розы нежные свои не обрывай до срока;
Когда ж по воле господа ты мужем взрослым станешь,
То, без сомненья, на зверей пойдешь тогда отважно».
Когда услышал речь отца ребенок благородный,
То в сердце был он уязвлен, глубоко опечален
И со слезами на глазах родителю ответил:
«Коль взрослым[167] подвиги свои я совершу, отец мой,
Какая будет польза мне? На это все способны.
Сейчас хочу прославиться[168] и род свой возвеличить
И говорю поэтому тебе, мой благодетель,
Что буду среди слуг твоих храбрейшим и великим,
Помощником и спутником во всех твоих сраженьях».

Перед стремленьем юноши тогда отец склонился,—
Ведь с детства проявляется характер благородный;
И вот наутро шурина позвал он на охоту,—
То Константин был золотой, из братьев самый младший[169],
—
И сына благородного в дорогу взял, Акрита;
Отряду отроков велел скакать за ними следом,
Через болото[170] перешел и вышел прямо в чащу.
И вот увидели вдали они медведей страшных[171] —
Медведя и медведицу и медвежат их малых.
«Василий,— дядя закричал,— яви свое искусство!
Дубинкой лишь вооружись, меча тебе не надо,—
Не подобает ведь мечом с медведями сражаться».
И чудо небывалое предстало перед ними:
Лишь дяди своего слова услышал храбрый мальчик,
Без промедленья спешился и распустил он пояс,
И тунику[172] откинул прочь — палило солнце жарко,—
Одежды полы накрепко за пояс свой заправил,
И низенькую шапочку[173] на голову набросил,
И с быстротою молнии нагрудник снял тяжелый.
Не взял с собой он ничего — простую лишь дубинку[174],
И на одно надеялся — на быстроту, да силу.
Когда же близко подошли охотники к медведям,
Чтоб защитить детенышей, вперед шагнула самка
И с громким ревом двинулась навстречу Дигенису.
А тот, неопытный еще в сраженье с диким зверем,
Не стал дубинку в ход пускать, не сделал поворота,
Но прыгнул сразу, обхватил медведицу руками,
В одно мгновенье задушил, с великой силой стиснув,
Да так, что внутренности все из пасти зверя вышли.
Пустился в бег самец назад, в болотистое место;
«Не упусти его, дитя!» — воскликнул дядя громко,
И мальчик, полный рвения, схватил свою дубинку,
Помчался с быстротой орла, настиг немедля зверя.
Разинув пасть огромную, медведь тут обернулся,
Хотел он голову отгрызть у юного героя,
А тот без промедления схватил его за морду,

Встряхнул — и на земле медведь простерся неподвижно,
И с переломанным хребтом[175], свороченною шеей
В руках могучих юноши он испустил дыханье.
И вдруг звериный слыша рев и шум борьбы с медведем,
Газель в испуге прыгнула из своего укрытья[176];
И закричал эмир: «Дитя! Смотри перед собою!»
Вперед помчался Дигенис, подобно леопарду,
И сделав несколько прыжков, сумел газель настигнуть;
Затем за ноги задние схватил газель он крепко
И так рванул, что разодрал все тело на две части[177].
Кто в изумленье не придет пред милостью господней
И силу несравненную не возвеличит божью?
Невероятен подвиг тот и потрясает разум;
Как мальчик смог настичь газель — ведь не имел коня он
И как медведей он убил руками, безоружный?
Поистине, то бога дар, всевышнего десница.
Сколь славны ноги отрока, что с крыльями сравнятся,
Что обогнать сумели лань с чудесной быстротою,
Свирепых превзошли зверей в своем победном беге!
И все вокруг увидели деянья Дигениса
И чудом потрясенные друг другу говорили:
«О, что за юноша предстал пред нами, матерь божья!
Как не похож он на людей, живущих в нашем мире;
Должно быть бог его послал, чтоб храбрецы узрели,
Забавы ратные его, погони и сраженья».
Пока вели такую речь родные Дигениса,
Из тростниковых зарослей вдруг лев огромный вышел;
Немедля обернулись все, на мальчика взглянули,—
Добычу он тем временем тащил через болото:
Рукою правою волок поверженных медведей,
А левою рукой газель убитую тащил он[178].
И крикнул дядя отроку: «Сюда, дитя, скорее!
На что нам звери мертвые? Ведь есть еще живые,—
С живыми биться следует, чтоб испытать отвагу!»
И мальчик дяде своему такой ответил речью:
«Желает если бог того, вершитель наших судеб,
И если мне сопутствуют родителей молитвы,

То мертвым будет этот зверь, подобно двум медведям»,—
И устремился без меча отважно льву навстречу[179].
Но дядя посоветовал: «Возьми-ка меч с собою:
Ведь на две части, как газель, не разорвешь ты зверя!»
И сразу юноша[180] в ответ сказал такое слово:
«О дядя, повелитель мой! Поможет мне всевышний,
И будет лев в моих руках, подобно той газели».
С собою меч он захватил, пошел на зверя прямо;
Когда ж приблизился ко льву, подпрыгнул тот высоко
И стал размахивать хвостом[181], бока свои хлестать им,
И двинулся на юношу с рычаньем кровожадным.
А мальчик, нападенья ждал, высоко меч свой поднял,
На голову звериную обрушил он оружье,
Да так, что разрубил ее до плеч одним ударом.
И обратился Дигенис с такою речью к дяде:
«Мой повелитель золотой, узри величье бога:
Не лег ли бездыханным лев, подобно двум медведям?»
И поцелуями тогда отец его и дядя
Покрыли руки и глаза, покрыли грудь героя
И говорили так ему исполнены веселья:
«Любой, кто красоту твою и дивное сложенье
Увидит, о любимец наш, не станет колебаться,
Но без сомненья все твои деяния признает».
И впрямь чудесным юноша сложеньем[182] отличался,
С кудрями русыми он был и с черными бровями,
Как розовый цветок, лицо, глаза на нем большие,
И в сажень шириною грудь, подобная кристаллу[183].
Взирал на мальчика отец, безмерно веселился
И, радуясь, сказал ему с великим ликованьем:
«Невыносимо жар палит — настало время полдня,
Когда в болотистых местах[184] приют находят звери.
Давай же отойдем к воде, дарующей прохладу,—
Лицо свое омоешь там, струящееся потом,
Одежды сменишь старые — ведь загрязнил ты платье:
Звериной пеною покрыл, окрасил львиной кровью.
Да! Трижды я благословен, родив такого сына,
И руки пусть отцовские тебе омоют ноги.

Свободна у меня душа от всех тревог отныне,
И посылать тебя смогу, не ведая заботы[185],
В набеги многократные на вражеские станы.
И вот к источнику пошли они без промедленья,
Чудесной там была вода и словно снег холодной,
Вокруг расселись, и одни ему омыли руки,
Другие же — лицо его и ноги омывали;
Вода лилась от родника и жадно ее пили[186],
Надеясь, что отваги им придаст такое средство.
И мальчик старую свою переменил одежду:
Накидки легкие[187] надел, чтоб чувствовать прохладу,
Поверх — накидку красную с краями золотыми[188],
Кайму ее усеяли[189] жемчужины большие,
А воротник был амброю и мускусом[190] надушен,
Не пуговицы были там — жемчужины большие,
И окружало золото отверстья для застежек.
Нарядны были и чулки[191] — их грифы украшали,
И камни драгоценные усеивали шпоры —
Рубины. красовались там на золотой чеканке.
А между тем сильней всего желал отважный мальчик
Домой вернуться к матери, не причинить ей горя,
И спутников призвал своих скорее вскачь пуститься.
Как голубь, белоснежного коня переседлал он,—
Блистали драгоценности на лошадиной челке[192],
А среди них бубенчики висели золотые,
Бубенчики несчетные, и звук их раздавался
Чудесный, восхитительный и всех вокруг дививший.
Зелено-розовый платок[193] из шелка был на крупе,
Седло собою покрывал и защищал от пыли,
И скрепки[194] были на седле с уздечкой золотые,
И жемчуг ювелирную ту украшал работу[195].
Был смелости исполнен конь[196], резвился без боязни,
Искусством верховой езды владел прекрасно мальчик;
И кто ни видел отрока, давался диву, глядя,
Как твердой воле всадника был резвый конь покорен,
Как юноша[197] в седле сидел, что яблочко на ветке[198].

И вот направились они назад в свое жилище,
Сначала слуги-отроки, построенные рядом,
За ними дядя поскакал, отец героя — сзади,
Посередине — юноша, блиставший словно солнце;
Копье он с позолотою и с лезвием двуострым[199],
Зеленое, арабское, рукою поднял правой;
Людские взоры радовал, приятен был в беседе,
И взглядом мускус источал, и весь благоухал он[200].

* * *

Домой вернулись путники, поели и попили,
И время потекло у них в забавах и веселье.
А между тем отец-эмир все дни свои отныне,
Что шли своею чередой с круговращеньем солнца,
Стал в размышленьях проводить над божьими путями
И радовался каждый день с супругою любимой;
На сына[201] глядя, счастлив был, друзьями окруженный,
Пока пред ним не выросли врата годов преклонных,
И не оставил подвигов он всех на долю сына.
Когда же славный Дигенис, прекрасный, благородный,
Достиг с годами, наконец, расцвета силы юной
И мужем настоящим стал среди мужей считаться,
Вскочил он как-то на коня, отправился из дома,
Копье с собою захватил, да взял свою дубинку
И воинов собрал своих, чтоб спутниками были.
Когда ж отправились они, пустились в путь тяжелый,
Услышал вести Дигенис об апелатах[202] смелых,—
В теснинах как скрываются и подвиги свершают,
И самому узнать ему героев захотелось.
Пошел один и зарослей достиг он тростниковых,
А в них свирепый лев лежал,— содрал со зверя шкуру
Иоаннакий-апелат[203], достойный изумленья.
Увидел тушу львиную Акрит, и вот с печалью
Глубокий вздох он испустил, сказав слова такие:

«Когда же славных храбрецов глаза мои увидят?»
Тут встретил водоноса[204] он, слугу при апелатах,
И стал вопросы задавать ему нетерпеливо,
И Дигенису водонос сказал без промедленья:
«Чего ты, добрый юноша, от апелатов хочешь?»
А Дигенис на те слова ответил водоносу:
«Желаю сделаться и я одним из апелатов».
Взял Дигениса тот с собой и, вот, они пробрались
В неведомое, страшное разбойничье жилище.
Там Филопаппа[205] он нашел, лежавшего на ложе,
И шкур звериных множество вокруг[206] него увидел.
Склонился со смирением Акрит Василий юный,
Почтенье оказал ему, сказал слова привета,
И вслед за этим Филопапп, старик, ответил гостю:
«Добро пожаловать, коль ты измены не готовишь!»
И так Василий на привет ответил Филопаппу:
«Измены не готовлю я, но сделаться желаю
Теперь же в этом лагере[207] одним из апелатов».
И отвечал ему старик, когда услышал это:
«Коль хвалишься ты, юноша, что станешь апелатом,
Дубинку захвати с собой и вниз иди на стражу[208].
И коль на страже сможешь ты пятнадцать дней поститься,
Да так, чтоб веки глаз твоих от сна не закрывались,
Дотом охотиться пойдешь и львов убить сумеешь,
И ободрать, и шкуры их снесешь сюда проворно,
И спустишься на стражу вновь, коль не изменят силы;
Когда ж со свитою большой пойдут вельможи мимо...[209]
А С невестою и женихом,—проникнешь в середину,
Похитишь новобрачную, сюда ее доставишь[210],
То нет сомненья, юноша,— ты станешь апелатом».
Услышал это Дигенис и возразил немедля:
«Пустое говоришь, старик,— еще ребенком малым
Дела такие я свершал. Одно тебе отвечу:
Пусть заяц[211] в гору побежит[212] — поймать его сумею
И куропатку быструю рукой схвачу в полете».
И по приказу старика сиденье апелаты

Серебряное принесли, Акрита усадили,
Чудесный стол поставили пред юношей радушно,
И стали есть они и пить, исполнены веселья;
И каждый говорил[213] из них и хвастался, что может
Немало храбрых воинов осилить в поединке.
И слыша это Филопапп к Акриту обратился:
«А ты, о славный юноша, кого сразить сумеешь?»
Без промедления в ответ им предложил Василий:
«Давайте, отроки, возьмем с собою по дубинке,
Оставим нашу трапезу, сойдемся на равнине,
Сражаться там дубинками начнем между собою,
Кто победит соперника — возьмет его дубинку».
И по дубинке тут они с собою захватили —
Иоаннакис и Киннам[214], достойный изумленья,
И вместе с ними Дигенис и многие другие —
И вниз они отправились, собрались на равнине,
Между собою начали дубинками сражаться...
Т 1079 И вот Василий Дигенис во время состязанья,
Вооружась дубинкою, вошел к ним в середину»
Одних дубинкой он сразил, а прочих — кулаками,
И руки этих храбрецов пустыми оказались.
Забрал с собою Дигенис дубинки побежденных
И возвратился к старику, сказав слова такие:
«Возьми дубинки, Филопапп,— оружье апелатов,
Коль недоволен — и твою сумею взять дубинку!»
Такое дело славное свершил Акрит чудесный,
Вернулся к спутникам своим обратно на дорогу,
И вслед за этим по домам пошли они обратно.
И проходили в радости все дни у Дигениса
Василия, храбрейшего, чудесного героя,
И в трепет приводил он всех сраженьями своими...[215]
Теперь начну, любимый мой[216], рассказывать другое —
О том, как у чудесного и славного стратига,
У Дуки[217], власть имевшего над областью ромейской,
Прекраснейшая дочь была, чье имя — Евдокия[218].
Молва об этом имени дошла и до Акрита,—

1105 Ведь знаменит был род ее[219], краса необычайна.
Вскочил он как-то на коня, отправился из дома,
В дорогу отроков позвал, пустился на охоту[220],
Когда же поохотились, направились обратно.

*** * ***

ГФ 254 А на пути их дом стоял великого стратига,
255 И близко к дому подойдя, герой воскликнул громко:
«Коль любит[221] верно девушку прекраснейшую отрок
И коль проходит мимо он и прелесть ее видит,
То сердце сковано его, и жизнь ему не в сладость!»
И голос сладкий[222] юноши проник за стены дома,
260 И в изумленье там пришли, подобно Одиссею[223],
Что находясь на корабле сирен услышал пенье.
Услышала и девушка[224] призывы Дигениса,
Красою наделенная и прелестью безмерной,
Из рода знаменитого, прославленного всюду.
265 Владенья той красавицы и все ее богатства
Никто бы сосчитать не смог, представить не сумел бы.
Один лишь дом ее и тот нельзя воспеть достойно,
Мозаикой украшенный из мрамора и злата;
А там, где девушка жила,— отдельные покои[225],
270 Отделанные золотом, мозаикою пестрой,—
Покоями девичьими их в доме называли.
И стоило лишь девушке, богатой и прекрасной,
Пришельца юного того увидеть перед домом,
Как запылало сердце в ней, и жизнь ей стала в тягостью
275 Страданье обожгло ее,— и что здесь удивляться?
Всего острее красота[226], опасны ее стрелы,
В глаза вонзается она и в душу проникает.
Напрасно взгляд свой отвести от юноши старалась,—
Расстаться дева не могла с красою Дигениса,
280 И побежденный взор ее к нему тянулся снова.

И вот служанке на ухо она сказала тихо:
«В окошко выглянь, милая,— вот юноша приятный,
Ты видишь, как прекрасен он и как сложен на диво.
В зятья бы если взял его отец мой, повелитель,
Поверь мне,— зятя бы имел он лучшего на свете»,—
И не сводила глаз с него, смотрела неотступно.
Не знал об этом[227] юноша, и спрашивать он начал:
«Чей дом передо мной стоит, такой большой и страшный?
Стратига может самого, что по молве известен?
Не здесь ли девушка живет, прославленная всеми?»
«Ты прав, дитя сладчайшее,— отец ему ответил[228],—
Погибло много за нее ромеев благородных».
И снова сын спросил: «Отец! А как они погибли?»
«Задумали они, дитя, ту девушку похитить,—
Ведь, говорят, наделена она красою дивной.
И вот узнал о них стратиг, той девушки родитель,
Засады[229] сделал тайные, попали все в неволю,
И головы лишил одних, других лишил он зренья,
Ибо велик могуществом и славен в этих землях».
Вздохнул печально Дигенис и так отцу ответил:
«Поверь, отец, похитить я не собираюсь деву.
А те засады тайные меня не испугают;
Лишь об одном прошу тебя, коль дашь на то согласье:
Стратигу предложи родство[230] — пусть браком породнимся,
И если даст согласие, я стану ему зятем,
И тестем станет он моим по собственной охоте[231];
А коль согласия не даст, то горько пожалеет».
«Любимый сын мой, много раз я предложенье делал,
Но убедить не мог никак стратига согласиться».
Такие от отца слова в ответ услышал отрок
И вдруг заметил девушку — в окне ее увидел.
Глядел, как зачарованный, не в силах сделать шага,
Был разум потрясен его, и сердце трепетало;
Погнал коня[232] он под окно, приблизился к той деве
И тихим голосом с такой к ней речью обратился:
«Дай знать мне девушка, прошу, не обо мне ль мечтаешь[233]?

Коль обо мне, скажи скорей, и будешь мне женою;
Коль в мыслях у тебя другой, просить не стану больше».
Услышала то девушка, служанке поручила:
«Спустись и отроку скажи, служанка дорогая:
«Ты душу захватил мою —- господь тому свидетель;
Не знаю только, юноша, из рода ты какого.
Коль звать тебя Василием, Акритом Дигенисом,
Знатна тогда семья твоя и всех других богаче,
И родственники мы с тобой — от Дук ведь происходим.
Но стражу мой отец, стратиг, из-за тебя расставил, —
Дошла и до него молва о всех твоих деяньях;
Так берегись — не попади из-за меня в опасность,
Смотри, чтоб юности своей до срока не лишиться —
Не знает сострадания отец мой беспощадный».
И снова он заговорил и девушке ответил:
«В окошко выгляни, мой свет[234], красу свою яви мне,
И пусть любовь безмерная мое охватит сердце.
Ты, видишь — молод я еще и мало жил на свете,
Путей любви не ведаю и не знаком со страстью;
Но коль желанье быть с тобой наполнит мою душу,
То знай: стратиг, родитель твой, и все его родные,
И слуги-воины его,— пусть мечут они стрелы,
Пусть заблистают их мечи — бессильны предо мною!»
И не могли они никак свою беседу кончить,
К поступку безрассудному любовь их побуждала;
Над всеми властвует любовь, порабощает разум
И правит мыслями она, словно конем возница;
И оттого влюбленные владеть собой не могут,
Родные не смущают их, сосед им не помеха;
И, стыд забыв, они любви становятся рабами.
Пришлось такое испытать и деве благородной,
И из окна она чуть-чуть златого наклонилась.
Мгновенно очи юноши краса ее затмила,
И ту солнцерожденную[235] не мог он видеть ясно;
Казалось будто лик ее сиянье излучает,
И выглядела девушка как будто на картине:
Светловолосою была[236] красавица, кудрявой,

Со взглядом радостным, живым и с черными бровями;
Напоминало снег лицо, украшенное дивно
Цветком бесценным пурпура, приятного владыкам.
Увидел юноша ее, достойный изумленья,
И в сердце был он поражен, в душе осталась рана,
Почуял боль безмерную, не мог владеть собою,
А дева благородная, его страданья видя,
Была не в силах вынести, чтоб мучился любимый;
И верности свидетельство послала Дигенису,
Наполнив радостью его великой и блаженством,—
Колечко отдала[237] ему, сказала на прощанье:
«Иди теперь и счастлив будь, меня не забывая».
А он, не медля, на груди залог бесценный спрятал
И так ответил: «Завтра же опять меня увидишь»,—
И, радостью охваченный, пустился в путь обратный.
Когда ж домой приехали, почувствовал тревогу
И всей душой к всевышнему с мольбою обратился:
«Господь, владыка,— произнес,— услышь мою молитву:
Пусть солнце поскорей зайдет, взойдет скорее месяц
И в деле, что задумал я, помощником мне будет,—
Один ведь одинешенек[238] отправиться желаю».
И своему конюшему[239] затем приказ он отдал:
«Ты расседлай того коня[240], седлай мне вороного,
Подпруги укрепи[241] с двумя ремнями упряжными,
А на седло чудесную повесь мне меч-дубинку[242],
Мундштук тяжелый дай коню, чтоб слушался он быстро».
Обед настал, но Дигенис к еде не прикоснулся,
И никаких напитков он не захотел отведать;
О девушке мечтал одной и о красе чудесной —
То отказаться был готов, отчаяньем охвачен,
То снова чудилось ему, что сбудутся надежды;
И всем казалось, будто он — во власти сновидений[243].
Сидела рядом мать[244] его, спросила с удивленьем:
«Скажи мне, что с тобой, дитя? Ты душу мне печалишь.
Не причинил ли зверь вреда, не потревожил страх ли?
Иль дух тебя околдовал, твою отвагу видя?

Поведай обо всем скорей, не мучай мою душу[245],
Нет пользы свой недуг скрывать — еще сильней страданье».
«Не причинил мне зверь вреда,— ей юноша ответил,—
И душу никакая мне забота не тревожит;
А если околдован я, не проклинай ту деву;
Мне зла она не сделала,— я невредим остался».
И вот поднялся с места он, отправился в покои,
Обулся, приготовился и взял свою кифару.
Сначала лишь руками[246] стал он ударять по струнам
(Умел прекрасно Дигенис играть на инструментах),
Ее наладил, заиграл и напевал чуть слышно:
«Когда любимая вблизи, не надо сна лишаться,
А если любишь издали, зевать не надо ночью;
Далек к моей желанной путь — пора спешить в дорогу.
Не спит любимая моя, душа ее томится»[247].
Меж тем зашло светило дня, взошел на небе месяц;
Один тогда он поскакал и захватил кифару.
Проворно[248] вороной бежал, как день был месяц светел,
И вот покоев девушки он на заре достигнул.
Ждала его любимая, всю ночь заснуть не в силах,
Но утомилась под конец и на заре заснула.
Когда ж не увидал ее, не понял, что случилось,
Печаль его наполнила, великая тревога,
И размышленья мрачные ему стеснили сердце.
Невыносима скорбь была, и горе неутешно,
И спрашивал он сам себя: «Раздумала ли дева?
Боится ли родителей? Боится что заметят?
На что решиться мне теперь? Как выведать всю правду?
Ошеломлен рассудок мой, не знаю, что мне делать;
Подам коль голос — услыхать меня из дома смогут,
Заметят[249] стражники меня, узнают непременно,
Напрасно труд мой пропадет, любимой не достигну;
А там уж вряд ли я смогу желанную увидеть,
И что за польза будет мне от жизни в этом мире?»
Так говорил себе герой в великом потрясенье
И вот решился, наконец, сыграть он на кифаре —
Проверить, справедливы ли дурные подозренья.

Сказал: «Себя я сберегу и деву испытаю,
Кифара в том помощницей надежною мне будет,
И без сомнения тогда свершится воля божья».
Настроил Дигенис ее, по ней ударил плектром[250]
И начал напевать под звук мелодии сладчайшей:
«Что юную ты нашу страсть, любимая, забыла
И в сладкий погрузилась сон легко и беззаботно?
Встань, яблочко душистое, цветочек нежный розы,
Пора нам с утренней звездой в дорогу отправляться!»
Лишь услыхала девушка[251] приятный звук кифары,
С постели спрыгнула она и пояс затянула
И, из окошка наклонясь, так отроку сказала:
«Бранила, милый[252], я тебя из-за того, что медлил,
И буду так всегда бранить за лень и нерадивость.
Забыл ты об опасности — играешь на кифаре,
Услышит коль отец тебя,— расправится[253] с тобою,
И ты — о, преступление! — из-за меня погибнешь.
Всеведущего господа в свидетели зову я,—
Любовь к тебе великая в мое вселилась сердце,
Несчастна буду, коль беда с тобою приключится.
Пока не выдал свет дневной, душа моя, спасайся
И помни обо мне всегда — любовь мою ты помни.
Но не хочу идти с тобой, о юноша прекрасный,
Хоть чувствую, что любишь ты, что страсть тебя сжигает,
И что погибнуть за меня готов без колебанья.
Ведь коль похитишь ты меня, коль уведешь с собою,
Узнают братья обо всем и родичи узнают,
С толпою воинов своих отец тебя настигнет,—
Как защитишь меня тогда, от смерти как спасешься?»
Печали он исполнился и девушке ответил:
«Хвалю я, благородная, тебя за беспокойство,
Разумно смотришь ты вперед на будущее наше,
Прекрасно судишь обо всем и размышляешь ясно,
Но, право, вовсе ничего ты обо мне не знаешь:
Коль знала б, на какие я деяния способен—
И думать не посмела бы, что братья и родные

Меня настигнут и сразят[254], по мне б не горевала.
Да будет хорошо тебе, душа моя, известно,
Что одержать победу я один могу над войском,
Один ряды[255] врагов сражу и силу их осилю.
Отец же твой и отроки, что у него на службе,
И с ними братья все твои и прочие родные —
Младенцы, право, для меня и ничего не значат.
Лишь к одному теперь стремлюсь — из уст твоих услышать,
Полна ли ты желания последовать за мною,
Чтоб вышли до рассвета мы окольными путями —
Грозят героям гибелью глухие закоулки,
А на просторе даже трус исполнится отваги.
Но если ты раздумала и выбрала другого,
И если речи все твои — предлоги для отказа,
То, Феодорами клянусь[256], страдальцами святыми,
Никто другой, пока я жив, твоим не станет мужем!»
И сразу же ответила прекрасная, как солнце[257]:
«Еще ведь раньше[258], дорогой, не зная испытаний,
Любил меня и нежен был — об этом говорил ты.
И вот страдаешь ты теперь,— слова твои правдивы,
И снова чувству твоему свидетелем я стала.
Хоть не годится о себе вести с тобою речи,
Но все услышишь от меня, порабощенной страстью:
Немало ведь ко мне вельмож прославленных и знатных,
Родных царя, царевичей с усердием стремилось,
Со свитой царственной вокруг, в роскошных одеяньях;
Полны желанья были все в лицо меня увидеть
И здесь у дома моего толпою собирались.
Но ни одним из женихов отец доволен не был,
Не удостоил никого и тень мою увидеть,
Услышать даже голос мой, вести со мной беседу.
Никто не слышал как смеюсь, как по земле ступаю;
Даже не выглянула я ни разу из окошка,
От взгляда глаз чужих всегда себя оберегала.
Коль о родных не говорить, знакомых моих близких,
Никто еще в лицо меня ни разу не увидел.

Как подобает девушке, себя держала строго,
Но вот не так себя веду, границы преступила
И ныне от любви, твоей забыла о приличьях.
Мужчину раньше никогда чужого не видала,
И вот, не ведая стыда, веду с тобой беседу,
А мысли девичьи мои, свободные когда-то,
Рабами ныне сделались, стыдливости лишились.
С того мгновенья, юноша, как лик твой увидала.
Душа моя спокойная воспламенилась сразу,
Иначе думать стала я, не тот уже рассудок,
И мысли порабощены, и. скромность вся исчезла.
Тебе теперь лишь одному[259], любви твоей, мой милый,
Покорна буду и стремлюсь отправиться с тобою;
Родных готова позабыть, родителей лишаюсь
И с братьями я расстаюсь, с богатством небывалым,
Чтобы с тобой отправиться, куда ни пожелаешь.
Да будет в том свидетелем господь — опора наша
И воздаятель за грехи — меня ты не обманешь:
Ведь и тебя любовь разит, ведь и тебя сжигает,
И за меня ты смерть принять готов без колебанья,—
Пусть глаз не видит этого, о том не слышат уши!»
Так говорила девушка, прекрасней всех на свете,
Вздыхала глубоко она и слезы проливала,
Браня себя безжалостно, ругая за бесстыдство.
И колебалась хоть она в своем решенье смелом,
Но страсть ей безграничная отваги придавала.
Поистине, любовь[260] и страсть владеют дивной силой,
Незыблема природа их; всегда готовы страсти
Бороться со спокойствием, поработить рассудок;
И оттого влюбленные владеть собой не могут,
Родные не смущают их, сосед им не помеха,
И стыд забыв, они любви становятся рабами[261],—
Пришлось обоим любящим подобное изведать.
Увидел Дигенис ее, залитую слезами,
И сам слезами залился и отвечал любимой:
«Прекраснейшая девушка, семью твою я знаю:
Несметными богатствами отец твой обладает,

И много знатных взять тебя желало из корысти —
Об этом знаю хорошо, мне все известно было;
Но не стремлюсь, душа моя любимая, к богатству —
Что пользы мне в сокровищах и в славе преходящей?
Травой считаю это все, твоей красой богатый.
С тех пор, о черноокая[262], как встретился с тобою,
Ни на мгновенье ты души моей не покидала,
Пустила корни глубоко, сплелась с ней неразрывно;
Пусть далеко ты от меня — но в мыслях близко, рядом.-
Ведь ни в одну красавицу я раньше не влюблялся,
Путей любви не знал совсем, не ведал ее власти.
Сюда иди, мой ясный свет, последуй за любимым,
Влеченью волю дай скорей, зачем его скрываешь?
Не значат ничего слова —доказывает дело;
И коль того захочет бог, мы заживем счастливо.
Не бойся за родителей — обрадуются только,
Когда известно станет им, кто сделался их зятем;
Никто тебя не упрекнет, любой сочтет счастливой».
Такие речи отрок вел, перед любимой клялся:
«Мое начало — ты одна, и ты одна — конец мой,
Отныне с божьей помощью и до кончины самой
Коль захочу хоть раз тебя, душа моя, обидеть,
И коль покой любви твоей оберегать не стану,
Не буду страсть твою беречь до самой до могилы,—
Пускай не удостоюсь я кончины христианской,
Пусть пользы мне не принесут родителей молитвы;
А ты, о благородная, сама клянись мне в том же!»
И отвечала девушка, слова его услышав:
«Хоть преступаю я закон, в твои отдавшись руки
(Ведь благородный славится разумным поведеньем,
А я, сама не знаю как, о разуме забыла),
Но неизменная любовь и сила страсти чистой
Перед желанием твоим меня склонили властно».
И клятву дав ему в любви, она сказала снова:
«Покину я родителей, и братьев всех, и дом свой,
На защитит уж бог меня — тебе вверяюсь, отрок;
Так обещай торжественно, что горя не увижу,

Но буду до конца твоей законною супругой:
Ведь многие влюбленные на речи не скупятся,
А утолят желание — и поминай как звали!»
Услышал юноша ее, немало подивился
На мудрость этой девушки, поклялся ей вторично:
«Клянусь отцом и сыном я, клянусь святым я духом,
О благородная,— тебе не причиню я горя,
Но будешь госпожой моей, владычицей единой,
Супругой мне и спутницей, пока не встречу смерти.
Желаю лишь, чтоб страсть свою — скажу об этом снова —
Душа моя любимая, ты чистой сохранила».
И вот, когда взаимные их клятвы прозвучали,
То наклонилась девушка в окошко золотое,
А отрок на коне привстал и принял ее нежно,
И к соколу[263], лишь выпорхнув, попала куропатка.
И поцелуями они осыпали друг друга,
Безмерной радости полны и слезы проливая;
В одно мгновенье обрели великое блаженство,
И слезы жгучие свои не сдерживали в счастье.
Был полон счастья Дигенис,— отвагой увлеченный,
Он гордо перед домом стал и так воскликнул громко:
«Благослови же, тесть, меня, и дочь свою родную,
И господу воздай хвалу, что зятя взял такого!»
И голос этот стражники стратига услыхали,
Сигнал тревоги прозвучал на лошадей садиться,
А сам стратиг, услышав вдруг о бедствии внезапном,
Рассудок потерял совсем, не ведая что делать,
Вскричал из глубины души: «Свой светоч я утратил,—
Единственную дочь имел, и с глаз она исчезла!»
И стратигисса, то узнав, запричитала горько:
«Лишилась я единственной, украли мою дочку!»
Узнали братья девушки, воскликнули, горюя:
«Кто совершить отважился такое беззаконье?
Кому похитить удалось сестру родную нашу?»
Заплакали прислужницы и причитали громко,
Весь дом неудержимые стенанья оглашали,
И погналось за юношей во всеоружье войско;

Стратиг за войском следовал, и с ним пошли два сына[264],
И стратигисса не могла в пустом остаться доме —
Разлуку с дочерью своей перенести не в силах,
Прислужниц целую толпу взяла она с собою
И, волосы не подвязав, последовала с плачем,
Крича: «Душа любимая, не ведаю я, где ты!»
Никто на месте не стоял, ни молодой, ни старый,—
За Дигенисом, как один, пустились все в погоню,
Оплакивали девушку, скорбили об утрате,
И сколько было их в толпе — никто не сосчитал бы.
Когда ж разлилось по земле сияние дневное,
Настигли беглецов они[265] в долинах незнакомых;
А девушка прекрасная вдали их увидала —
Смотрела пристально она, следила за дорогой,
Пока любимый уносил ее в своих объятьях,—
И вскрикнула испуганно, прижавшись к Дигенису:
«Не допусти, душа моя, чтоб нас разъединили!
Пусть вороной быстрей бежит, пусть мощь твоя окрепнет:;
Смотри — преследуют они, вот-вот догнать готовы!»
Услышал это юноша, достойный изумленья,
Свернул с дороги сразу же, отваги не теряя,
Раздвоенное дерево нашел с двумя ветвями,
Меж двух ветвей[266] он усадил похищенную деву:
«Сиди, не бойся, милая, следи лишь за любимым».
Вооружился быстро он перед началом боя,
И вот солнцерожденная[267] сказала Дигенису:
«Прошу тебя — не причини дурного[268] моим братьям!»
И чудо небывалое явил герой пред всеми:
Один решился выступить, один он против тысяч,
И множество несметное бойцов сразил отважных —
Вооруженных всадников, испытанных в сраженьях.
Сначала дал он им совет — пускай отступят лучше,
Пусть не испытывают зря, силен ли их соперник;
Но стыдно стало воинам признаться в пораженье
Перед одним противником[269], и смерть они избрали.

И вот издал победный клич, извлек он меч-дубинку[270],
И не успел прибыть стратиг, как пало его войско.
А Дигенис, с победою из поединка выйдя,
Вернулся радостный туда, где девушку оставил,
С коня сошел и, тысячи даря ей поцелуев,
Сказал: «Теперь, любимая, дела мои ты знаешь!»
А та своим возлюбленным все больше восхищалась[271],
И поцелуями его осыпала без счета,
И попросила отрока, сказала ему тихо:
«Дурного не потерпят пусть[272] мои родные братья,
Ведь те, кто приближаются, кого отсюда видим.
По лошадям могу узнать — то едут мои братья,
И третьего я узнаю — отец мой с ними едет;
Оставь их невредимыми, спаси их, умоляю!»
«Желанья сбудутся твои,— ответил отрок деве,—
Лишь не постигла бы меня нежданная опасность:
Великий риск — врагов своих щадить во время боя,
Удар губительный грозит в ответ на состраданье».
И вот вскочил он на коня, сказав слова такие,
Напал без промедления на спутников стратига.
А оба брата девушки, исполненные рвенья,
Велели отрокам своим с противником сражаться
И думали, что слуги их осилят Дигениса;
Но тот, стараясь выполнить любимой пожеланье,
Приблизился к ним с ловкостью и всех сразил умело.
Тут братья разъяренные[273] напали на героя,
А он кружиться стал вокруг и так с коней их сбросил,
Что никого не повредил, ни одного не ранил.
И юноша с коня сошел, к стратигу повернулся,
Поклон смиренный[274] совершил, сложил он вместе руки
И начал говорить ему с отвагою во взоре:
«Прости меня, владыка мой,— бойцы твои негодны,
Не могут нападать они, не могут защищаться,
И много в преисподнюю спустилось неумелых.
Ведь не лишен я знатности и не лишен отваги:
Попросишь если как-нибудь, чтоб послужил я верно,—
Узнаешь хорошо тогда, какого взял ты зятя;

Судить коль будешь обо мне по всем моим деяньям,
Поверь мне — сам себя тогда считать счастливым станешь».
Услышал юношу стратиг[275], высоко поднял руки,
Лицо к востоку обратил и господа восславил,
И говорил: «Хвала тебе, о господи, ты миром
С неизреченной мудростью на наше благо правишь!
Такого зятя и хотел, и о таком мечтал я,
Чтоб был красив и знатен он, разумен и отважен,
И чтобы равного ему никто не знал на свете».
И вот, когда всевышнего прославил он всем сердцем,
То Дигенису уступил и так ему ответил:
«Послушай, зять мой золотой, благодарю я бога,
Что с мудростью великою на благо наше правит.
Бери себе желанную, бери ее, прекрасный,—
Ведь если б страсть безмерная тобою не владела,
То не посмел бы выступить один ты против тысяч.
Отправимся в обратный путь, пойдем в жилище наше,
Не бойся: никакого зла от нас ты не увидишь,
Лишь заключим на этот брак торжественно согласье,
И договор составим мы с отцом твоим совместно,
И сразу знать тебе дадим,— вернешься ты немедля,
За дочерью богатое приданое получишь;
Такую свадьбу сделаю, что все о ней услышат.
Приданым ты с того же дня начнешь владеть по праву
И двадцать кентинариев возьмешь монетой старой[276],—
Давно отложены они для дочери любимой —
И сверх того возьмешь за ней серебряную утварь,
Сундук с одеждой[277] дорогой — пять сотен литр[278] он стоит.,
Еще получишь тридцать шесть имений[279] ты доходных,
И тещи дом себе возьмешь — в нем семьдесят служанок ?.
Прекрасен он поистине, цена ему большая;
И украшенья чудные от матери невесты:
Венец искусной выделки — о нем повсюду знают, —
Из золота сработанный, с бесценными камнями;
Животных всех получишь ты, каких увидишь в доме,
И восемьдесят конюших, коней четыре сотни,

И поваров четырнадцать и булочников сколько ж,
Еще других прислужников[280] возьмешь ты полтораста;
Получишь предпочтение перед детьми моими,
Богатство безграничное и множество имений
И сверх обещанных даров еще возьмешь немало
До той поры, как совершим, дитя, обряд священны».
Такую свадьбу сделаю, что все о ней услышат,
Никто не вздумает кричать, что брак твой — это кража,
Что девушку похитил ты, лишенную богатства,—
А это ведь бесчестие для всех благоразумных,
И трудно будет избежать тебе постыдной славы,
Коль сразу же назад в мой дом со мной не возвратишься.
Утешишь стратигиссу ты в ее печали горькой,—
Ведь и поныне о тебе совсем она не знает,
А коль узнает жениха — восславит милость божью.
Послушайся, мой славный зять, иди со мною вместе».
Такие речи вел стратиг, исполненные лести,
А юноша немедленно сказал в ответ стратигу:
«О повелитель мой и тесть, хоть было б справедливо
Советам следовать твоим, разумным и прекрасным,
Но как бы, слушаясь тебя, не встретил я опасность,
Не встретил смерть плачевную, позору не подвергся,
Как враг и злоумышленник, враждующий с тобою.
Иное поведенье мне подсказывает разум,
И не решаюсь я предстать пред ликом стратигиссы.
Одно желанье у меня, о господин и тесть мой:
Хочу я с дочерью твоей прекрасной удалиться,
И нет мне дела до богатств[281] и до ее владений —
Пусть обладают этим всем моей супруги братья.
Довольно мне красы ее, приданого не надо:
Господь богатство нам дает и бедность посылает,
Смирит и вознесет он нас, унизит и возвысит.
И нет нужды обратно мне с тобою возвращаться —
Сначала к матери родной отправиться желаю,
И пусть увидит мой отец, какую взял невестку,
Пусть господу хвалу воздаст, тогда вернусь я быстро.
А ты не думай горевать — молись о нашем счастье,

Ведь слуги мы души твоей, твои родные дети».
И отвечал тогда стратиг, дивясь его рассудку:
«Да осенит тебя, дитя, благословенье бога,
Наполнит счастьем пусть господь все годы твоей жизни!»
И обнял Дигениса он, вскочил на лошадь снова,
И тот поехал к девушке, стратиг — обратно к дому,
А за отцом и сыновья, изведав пораженье[282];
Отваге отрока они дивились бесконечно.
А юноша, поистине достойный удивленья,
Вернулся с быстротой туда, где девушку оставил,
И ласково позвал ее: «Приди, о свет мой ясный!
Приди, цветок сладчайший мой, цветок душистый розы!
Приди, о телочка моя[283],— ярмо любви несешь ты!
Дорогу быстро мы пройдем — никто не помешает,
Никто, моя прекрасная, нам на пути не станет;
Один отец, да братья лишь твои в живых остались,—
Ведь повеленья твоего ослушаться не смел я».
Без промедленья с дерева к нему спустилась дева,
Охваченная радостью великою и счастьем,
И отроку любимому пошла навстречу тихо,
И близко подойдя к нему, с заботою спросила:
«Теперь я вижу, дорогой, опасность миновала,
Скорей о братьях расскажи, постигло ль их несчастье?»
«Не беспокойся, душенька,— сказал в ответ ей отрок,—
Лишь слуг стратига самого, бойцов его отважных,
Постигла участь горькая, а остальные живы».
И наклонился к девушке и поднял осторожно,
С собою рядом усадил любимую на лошадь,
И, наслаждение вкусив от поцелуев чистых,
Пустились в путь влюбленные, охваченные счастьем.
А стражники отца его, увидев Дигениса
И девушку в его руках, прекрасную, как роза,
Помчались быстро известить о радостном событье[284].
И лишь услышал весть отец о возвращенье сына,
Вскочил он сразу на коня, исполненный веселья,
А с ним — три тысячи бойцов, жены его пять братьев.
Уздечек взяли с седлами они двенадцать женских,

И два седла усеяны[285] жемчужинами были,
А на других — из золота — зверей изображенья[286],
И было каждое седло украшено накидкой;
Свисали с крупов лошадей из шелка[287] покрывала,
И закрывал коней тот шелк и золота обилье.
Звучали мощные рога, звучали трубы сзади,
Звучала барабанов дробь, игра на инструментах,
И шум великий в этот час повсюду раздавался.
Отъехали встречавшие от дома на три мили[288],
Увидела их издали прекраснейшая дева
И, вся от страха трепеща, не ведая, кто едет,
Сказала юноше тогда, охвачена волненьем:
«То не чужие едут ли, не ждет ли нас разлука?»
«Не бойся, свет мой сладостный,— ей юноша ответил,—
То свекор твой заботится тебя достойно встретить».
И вновь солнцерожденная[289] сказала Дигенису:
«Стыжусь я сильно, дорогой, что свиты не имею.
Когда б отца ты моего последовал совету,
Служанки были бы со мной и все мои наряды,
И смог узнать бы твой отец, чью дочь ты выбрал в жены,
Но так решил ты и теперь оправдываться должен».
«Оставь печаль ненужную — пускай одна ты будешь,
Любой, о благородная, тебя узнает сразу,
И порицать тебя никто за это не посмеет».
И вместе съехались они, приветствуя друг друга,
С коня спустился юноша с невестою любимой,
С коня спустился и эмир и обнял их обоих,
Сказал он: «Пусть благословит тебя, дитя, всевышний,
Умножит годы пусть твои в покое и довольстве
И доли в вечном царствии своем пусть удостоит!»
И на седло жемчужное невесту усадили[290],
Ей увенчали голову короной драгоценной,
И все родные жениха, что собрались на встречу,
Подарки ей бесценные преподнесли с любовью.
И вот украсив отрока, как украшают юных,
Трубя в рога, назад они не медля повернули,
На трубах начали играть, забили в барабаны,

Звучало сладко пение, звучали их кифары,
Разнообразной музыки звучанье раздавалось;
И быстро с песнями они пошли обратно к дому.
Веселье безграничное над всеми воцарилось,—
Кто смог бы объяснить его, сказать о нем сумел бы?
Казалось, что сама земля, ступали по которой,
Со всеми счастлива была, делила с ними радость.
И всякий, кто свидетелем был этому веселью,
Рассудок потерял совсем, охвачен ликованьем.
Казалось, прыгали холмы и танцевали скалы,
Деревьям было весело, ключом забили реки,
И воздух весь сиянием наполнился от счастья.
Когда поблизости они от дома оказались,
Навстречу вышли женщины несметною толпою,
И стратигисса[291] молодым сама навстречу вышла,
А с нею встретила их мать прекрасная Акрита.
Служанки шли красивые в сверкающих нарядах,—
Одни цветы несли в руках и миртовые ветви,
И наполняли все вокруг благоуханьем чудным,
Другие с пеньем двигались, в кимвалы ударяя;
Превозносила юношу их сладостная песня
И восхваляла девушку, родителей их славных.
И устлана была земля ветвями мирта, лавра,
Нарциссами и розами, душистыми цветами.
И вот в объятия свекровь невестку заключила,
Подарок ей почетный дав работы превосходной[292];
Не знало счастье их границ, не знала радость меры.
Вступили в дом они, и вот эмир без промедленья
Немало воинов собрал, жены своей всех братьев
И отроков три тысячи, отправил их в дорогу,
Чтобы на праздник свадебный стратига пригласили,
И передал: «Прошу тебя, мой сват, придти на свадьбу,
А свадьбу ту всевышний сам помимо нас устроил».
Услышал эту речь стратиг, отнесся к ней с вниманьем
И, по достоинству почтить желая новобрачных,
Подарки захватил с собой,— нельзя пересчитать их.
И вот на следующий день со стратигиссой вместе

Не медля в путь отправился, ни в чем не сомневаясь,—
Ведь знали оба хорошо, какой им зять достался.
И вот усердья полные и радости великой,
Со свадебными песнями[293] прошли они дорогу,
А с ними братья девушки со спутниками вместе.
Когда же юноши отец узнал об их прибытье,
То выехал навстречу им, народом окруженный,
Хотел он спешиться скорей, почтительности полный,
Но стал молить его стратиг, чтоб он того не делал;
И вот, как подобало им, они обнялись крепко
И вместе в дом направились, но лишь прошли немного,.
Как необъятная толпа им двинулась навстречу,
И вместе с этою толпой прислужницы собрались.
И дома наконец они торжественно достигли,
Толпа их там нарядная с кореньями встречала,
Встречала с благовоньями и розовой водою,
А во главе встречавших мать стояла Дигениса.
Чей разум мог бы передать свершившееся вскоре —
Какую встречу дивную гостям эмир устроил,
Какую речь прекрасную вела его супруга,
Как славно был устроен пир в порядке надлежащем!
Столы ломились от еды, от яств разнообразных,
И подавали на пиру бесчисленных животных;
Флейтисты развлекали их, сменялись быстро мимы,
И двигались танцовщицы, телами изгибаясь,
Звучала дивно музыка, и чаровали танцы,—
Прекрасны были зрелища, одно другого краше.
И о приданом договор, когда настало утро,
Составили — не передать весь договор дословно!
Но те дары, что жениху достались и невесте,
Какие превосходные владенья получили,—
Не подобает все это оставить без вниманья,
И не сказать, хоть коротко, о дорогих подарках.
Двенадцать вороных коней — таков был дар стратига,
Затем — двенадцать лошадей красы необычайной,
Двенадцать мулов дорогих, к ним — седла и уздечки —
Все в серебре и жемчуге, искуснейшей работы.

Двенадцать отдал конюхов — златой на каждом пояс,
Двенадцать леопардов[294] дал, испытанных в охоте,
Птиц ловчих из Абасгии[295] двенадцать белоснежных,
Двенадцать малых соколов[296] и столько же обычных.
Затем — две драгоценные иконы Феодоров[297];
Шатер, расшитый золотом, большой и превосходный,
Изображеньями зверей покрытый[298] всевозможных,
Шесты его из серебра, шнуры его — из шелка;
И два арабских дал стратиг копья[299], зеленых, медных,
И меч Хосрова[300] подарил, прославленный повсюду.
Все это зятю славному в подарок, Дигенису,
Пожаловал с любовью тесть; эмир же в это время
Дал дар бесценный девушке, лицо ее увидя[301],
А вместе с ним и бабушка Акрита, стратигисса,
Жены эмира братья все и родичи другие
Жемчужин дали много ей, камней бесценных, злата,
И тканей фиолетовых из шелка дорогого.
А теща жениху дала немало одеяний,
Зелено-белых, шелковых, и поясов бесценных,
Четыре головных платка, золототканных[302], светлых,
И плащ[303] златой — был грифами он сзади разукрашен.
И десять юных евнухов[304] дал старший брат невесты,—
Приятна внешность их была, и волосы красивы,
Одежда облекала их персидская из шелка,
И золотой воротничок носил на шее каждый.
А младший брат невесты дал копье и щит в подарок,
И остальные родичи ему так много дали,
Что невозможно передать даров многообразье.
Три месяца[305] они подряд на свадьбе веселились,
Не знала радость их конца, над всем она царила.
Когда ж три месяца прошло в веселье непрерывном,
Отец невесты взял с собой всех родственников новых
И с ними зятя своего, назад домой поехал
И свадьбу новую сыграл — еще пышнее первой.
Глядел стратиг на юношу, безмерно восхищался
И послушанию его, и храбрости разумной,

И нраву его кроткому, и знанию приличий.
А стратигисса радостно глядела, как прекрасен,
Как необычен он[306] на вид и всех лицом приятней.
Не отходили от него невесты оба брата,
Что похвалялись без конца деяньями своими.
Восславим же всевышнего, единого, благого[307],—
Ведь там, где надо управлять великими делами,
Господь устраивает все — не сомневайтесь в этом!
И по заслугам воздадим мы богу благодарность,
Ведь блага все, какие есть, лишь он нам доставляет.
Когда же в тех местах они довольно погостили,
В обратный путь отправился эмир, в свое жилище,
Отправился и Дигенис домой с любимой вместе,
И вновь с великим торжеством к себе они вернулись.
Достойно вышел юноша из тяжких испытаний,
За подвиги отважные прославился повсюду,
И разнеслась молва о нем чудесная по свету.
И в одиночестве он жить задумал на границах,
Лишь девушку[308] со слугами с собою взял в дорогу;
Желал безмерно Дигенис уединенной жизни,
Чтоб одиноко мог бродить, попутчиков не зная.
Пришел на место новое, поставил он палатку,
И начал вместе с девушкой там жить уединенно;
И две прислужницы ее в другой палатке жили,
А в третьей жили отроки чудесные Акрита,
И друг от друга далеко палатки находились.
Когда же о супругах весть дошла до апелатов,
Вступили в заговор они, чтоб девушку похитить,
Но победил их Дигенис и перебил нещадно[309];
Весь Вавилон[310] завоевал, не зная поражений[311],
Багдад и Тарс[312] он покорил, и маврохионитов[313],
И многие владения свирепых эфиопов[314].
О смелых подвигах его услышал император,—
А над землей ромейскою в те годы был поставлен
Счастливый и прославленный трофеями Василий[315],
Что славу императоров[316] унес с собой в могилу.

Случилось, что отправился в поход он против персов[317]
И оказался в тех местах, где находился отрок.
Немало подивился он, проведав о герое,
Охвачен был желанием увидеть Дигениса
И отослал ему письмо с такими он словами:
«О всех деянияхв[318], дитя, которые свершил ты,
Узнала царственность моя, и радости полны мы,
Благодарим всевышнего, что шлет тебе поддержку.
Внемли желанью нашему — предстань пред нашим взором
И за дела свои прими достойную награду.
Итак, иди к нам с радостью, не зная колебаний,
Не бойся, что подвергнешься опасности нежданной».
Прочел посланье Дигенис, ответ такой отправил:
«Слугою я ничтожнейшим твоей останусь власти,—
Пусть и не будет доли мне в твоих благодеяньях.
Какому же из дел моих дивишься ты, владыка?
Ведь робок и смиренен я, и нет во мне отваги.
Но все возможно совершить по милости господней,
И если своего слугу ты захотел увидеть,
Сюда скорее приходи, и у реки Евфрата
Желанье сбудется твое, владыка мой священный.
Не думай, будто не хочу перед тобой явиться,
Но знаю — есть в твоих войсках неопытные люди;
Неподобающую речь могу от них услышать,
И меньше станет слуг твоих.— не сомневайся в этом,—
Нередко ждет ведь молодых такой удел, владыка».
За словом слово прочитал посланье император
И скромной речи отрока немало подивился,
И рад был, что высокую его отвагу понял.
Желая видеть юношу во что бы то ни стало,
С собою сотню воинов он захватил в дорогу
И копьеносцев несколько и выступил к Евфрату,
А слугам строго повелел, чтоб ни единым словом
Никто не вздумал нанести Акриту оскорбленье.
И вот заметили его посты сторожевые,
Известье быстро принесли, что император близко
От Дигениса славного, чудесного Акрита.

И Дигенис тогда один навстречу гостю вышел
И низко голову склонил в почтительном поклоне,
Промолвил: «Здравствуй, господин, от бога власть ты принял,
Из-за нечестия племен[319] над всеми воцарился!
Случиться как могло со мной, что всей земли владыка
Изволил появиться здесь передо мной, ничтожным?»
Был император поражен, когда его увидел,
И вот, достоинством своим пренебрегая царским,
Сошел он с трона, радуясь, открыл ему объятья
И целовать героя стал, дивясь его сложенью,
Избытку красоты его, никем не превзойденной.
«Дитя,— сказал он,— дел твоих свидетельство я вижу,
Поистине, весь облик твой — отваги подтвержденье.
О если бы четырех, как ты, Романия имела!
Проси, что хочешь у меня, без всякого стесненья
И, что угодно, забирай из моего ты царства!»
«Всем управляй, владыка мой,— ему ответил отрок,—
А для меня достаточно любви твоей высокой.
Несправедливо брать дары, дарить — намного лучше,
И без того на воинов ты тратишься безмерно[320].
Лишь вот о чем[321] прошу тебя, прославленный владыка:
Имей любовь к покорности и состраданье к бедным,
Коль терпит[322] беды подданный — спасай от беззаконий,
Коль согрешит невольно он — даруй свое прощенье,
Не поддавайся клевете, оставь несправедливость,
Грозою будь еретиков, опорой православных,—
То высшей справедливости оружие, владыка,
Оружьем этим всех врагов ты одолеть сумеешь.
И знай, владеть и царствовать — от силы не зависит:
То бога одного лишь дар, всевышнего десница.
А я, из всех ничтожнейший, твоей дарую власти
Ту дань, что приносили мы Иконию[323] доселе,—
Вернешь наперекор врагам сполна богатства эти
И позабудешь, господин, подобную заботу
Ты прежде, чем душа моя от тела отделится».
И счастлив император был, слова его услышав,

И так сказал: «О юноша, чудесный, несравненный,
Моею царственностью ты патрикием[324] назначен,
Владенья деда[325] твоего я все тебе дарую
И на границах управлять предоставляю право.
Скреплю пожалованья все надежно хрисовулом[326]
И царские одежды дам тебе я дорогие».
Лишь услыхал то юноша[327], приказ немедля отдал,
Чтоб привели к нему коня стреноженного слугй.
Неукрощенный был тот конь, не знал он господина,
И слугам Дигенис сказал: «Бежать его пустите».
Одежды полы[328] накрепко за пояс свой заправил
И за животным бросился, стремясь его настигнуть.
На расстоянье небольшом схватил коня за гриву;
И повернулся конь тогда назад, огромный, дикий,
Лягался он и громко ржал[329], и убежать стремился,
Но перед императором тот юноша[330] отважный
Поверг коня и на земле оставил распростертым,
И небывалым зрелищем поражены все были.
Назад герой направился, но лев из рощи вышел[331],
И все, стоявшие вблизи, перепугались сильно,—
Немало ведь свирепых львов в той местности встречалось;
И в страхе император сам искал спасенья в бегстве.
А Дигенис напал на льва, не медля ни минуты,
За лапу заднюю его схватил рукой умело,
Тряхнул с великой силою, поверг на землю зверя
И окружавшим показал[332], что лев лишился жизни.
Затем он поднял хищника рукою, словно зайца[333],
И императору поднес, сказав: «Прими добычу!
Тебе в подарок твой слуга поймал ее, владыка».
И были все потрясены, охваченные страхом,
Сверхчеловеческую мощь увидев Дигениса;
И император сам тогда, воздев высоко руки,
Промолвил: «Славься наш господь, все сущее создавший!
Ведь счастье даровал ты мне узреть такого мужа,
Что в поколенье нынешнем всех превзошел отвагой».

И взять ту шкуру львиную велел своим он слугам,
И много обещаний дал чудесному герою;
Друг друга обняли они, отправились обратно:
Назад к войскам[334] вернулся царь, а юноша —к любимой.
И с той поры по всей земле молва пошла об этом,
И все назвали юношу Василием Акритом,—
Ведь на границах[335] правил он, согласно хрисовулу.
Однако прекратить пора повествованье наше,
Историю дальнейшую другой оставим книге.
Ведь говорит наставник мой[336] о том, что многословье,
Когда бы ни пришло оно,— всегда враждебно слуху.

Книга пятая[337]

Воистину, лишь суету[338] несет с собою юность,
Коль к беспорядочным она стремится наслажденьям,
Но всякий, кто уверенно ее браздами правит,
Неуязвимым для страстей всегда остаться сможет,
А после смерти свой удел получит[339] в вечной жизни
Взамен позорных, суетных и грязных наслаждений.
Кто ж предается суете, бессмертья не достигнет,
Как не потухнет тот огонь, который гасят маслом,
Не может избежать греха погрязший в наслажденьях,
А грех — лишь пища для огня, палящего распутных.
Случилось так, что и Акрит, достойный изумленья,
И наделенный щедрыми всевышнего дарами
Ослабил власть[340] над юными порывами своими
И безрассудно согрешил, свершив прелюбодейство.
Но вот, когда раскаянье героем овладело,
То признаваться встречным он в своем проступке начал —
Не для того чтоб хвастаться, но ради покаянья.
И вот однажды на пути каппадокийца встретив[341],
О прегрешении своем решил ему поведать
И начал со смирением вести повествованье:
«Когда по воле собственной с отцом я разлучился
И жить в уединении задумал на границах,
Однажды захотелось мне в глубь Сирии проникнуть[342],
Пятнадцатый пошел мне год[343], когда случилось это.
Достигнув на пути равнин Аравии[344] безводных,
В привычном одиночестве я ехал по дороге,
Верхом на лошади сидел, рукой копье сжимая.
Охвачен жаждой сильною — палило солнце жарко—
Вокруг оглядывался я, искал воды желанной
И, вот, заметив дерево, а рядом с ним трясину,
Решил, что воду там найду, коня погнал быстрее
И не ошибся: к финиковой пальме я подъехал,
А у корней ее ключом источник бил чудесный.

Приблизился я к роднику и слышу вдруг рыданья
И скорбные стенания с несчетными слезами,—
То дева горько плакала красы необычайной.
И мне почудилось тогда, что призрак предо мною[345],
Велик был страх, и волосы мои поднялись дыбом,
Всегда меня хранившее оружие извлек я,—
Безлюдно было в месте том, дремучем и лесистом.
Но вот увидела меня, вскочила она сразу,
Одежды стала поправлять, в порядок привела их
И осушив платком глаза от слез неудержимых,
Заговорила первая и радостно сказала:
«Откуда, славный юноша[346], куда один идешь ты?
Должно быть не любовь тебя приводит в это место,
Но верно оказался здесь по воле ты господней,
Чтоб мне несчастной принести в пустыне избавленье.
Не уходи же, господин, слова мои послушай,—
Подробно расскажу тебе о всех своих невзгодах
И небольшое хоть найду я в скорби утешенье:
Другому горе выплачешь — и на душе полегче».
И радость я почувствовал, слова ее услышав,
И убедился — зрение меня не обмануло;
Без промедленья спешился, обрадованный встречей,
Та несказанная краса души моей коснулась:
Казалось, будто предо мной любимая вторая[347].
И привязал тогда коня я к дереву, за ветку,
Между корнями дерева[348] копье свое поставил
И, жажду влагой утолив, сказал слова такие:
«Поведай раньше, девушка, как здесь ты очутилась?
Что жить заставило тебя в пустынном этом месте?
А вслед за этим и сама ты обо мне узнаешь».
И вот, когда присели мы[349] на низкое сиденье,
Вздыхая, начала она свое повествованье:
«Зовут тот город Меферке[350], в котором родилась я,
Там правит всеми Аплорравд, эмир,— о нем ты слышал,—
То мой отец, а мать моя Меланфией зовется[351].
Ромея полюбила я сама себе на горе,—

Три года в заключении держал его отец мой,
И сыном называл себя он славного стратига.
Спасла его я от тюрьмы, сняла с него оковы
И отдала ему коней отцовских, самых лучших,
И сделала начальником среди сирийцев славным
С согласья матери своей, отец же той порою
Войной был занят, как всегда, родной очаг оставив.
И верила в то время я, что юношей любима
И что умрет он, коль на час расстанется со мною,
Но показало время мне, что было все притворством.
Настал тот день[352], когда побег свершить задумал пленник,.
Хотел оставить город наш, Романии достигнуть.
Желаньем поделился он и страхами своими:
Боялся, как бы мой отец назад не возвратился,
И уговаривал меня, чтоб с ним пошла я вместе,
И самыми торжественными клятвами мне клялся,
Что не оставит никогда, но сделает супругой.
Поверила его словам, бежать с ним согласилась,
И случая удобного[353] мы стали дожидаться,
Когда родителей моих сумеем взять богатства.
И вот по прихоти судьбы, столь тягостной и горькой,
Болезнь настигла мать мою—кончина приближалась,
И стали люди горевать, собрались в нашем доме,
Туда, куда их смерть вела, все с плачем поспешили.
А я, несчастная, тогда, удобный случай видя,
Бежала с соблазнителем, большое взяв богатство;
И даже ночь нам помогла тот замысел исполнить,—
Скрывали тучи свет луны, во мраке все лежало.
На лошадей вскочили мы, которых еще раньше
Для бегства приготовили, и выехали быстро.
Великий нами страх владел до самой третьей мили[354],
Когда ж, не узнаны никем, мы поскакали дальше,
То путь оставшийся прошли, не ведая испуга,
И пищу брали всякий раз, когда нам нужно было,
И подкрепляли силы сном и голод утоляли.
А что до таинства любви — краснею я, как вспомню

Неистовую страсть его и ласковые речи,—
Душой родною называл и ясным своим светом,
И вскоре начал звать меня супругою любимой
И ненасытно целовал, держа в своих объятьях.
Так коротали мы весь путь, счастливые друг другом,
И к роднику подъехали, который пред тобою.
На этом месте провели три дня мы и три ночи,
Разнообразию любви предавшись ненасытно.
А между тем таил в душе он замысел коварный,
И вот открылась наконец мне страшная измена.
Случилось это в третью ночь, когда мы спали рядом;
Коней он наших оседлал, тайком поднявшись с ложа,
Забрал с собою золото и вещи дорогие;
Тут пробудилась я от сна и, видя его сборы,
Немедля приготовилась отправиться в дорогу,
Надела платье юноши и вид свой изменила
(В мужской одежде ведь пришлось оставить мне свой город);
Но на коня он своего вскочил без промедленья,
Другого за собой повел и двинулся в дорогу.
И увидав поступок тот, немыслимый, нежданный,
Бежать за ним я бросилась, крича ему вдогонку:
«Любимый, что уходишь ты, одну меня оставив?
Или забыть уже успел мои благодеянья?
Не помнишь первых наших клятв торжественных друг другу?»
Не повернулся даже он, я снова закричала:
«Спаси меня, несчастную, будь милостив и сжалься,
Не оставляй меня, молю, зверям на растерзанье!»
И многое еще ему я с плачем говорила,
Но не ответил ничего и скрылся он из виду.
И вот в изнеможении, ногами не владея,—
О камни их разбила я, и кровь из них сочилась,—
Упала и, как мертвая, осталась распростертой.
И только с наступленьем дня[355], с трудом придя в сознанье,
К источнику вернулась я, ступая через силу.,
Всего теперь я лишена, оставила надежды,
Назад к родителям своим не смею возвратиться,

Перед соседями стыжусь, подруг своих мне стыдно;
Где соблазнителя найти — не ведаю, не знаю.
Лишь об одном тебя прошу — дай нож мне в руки острый,
Чтоб я покончила с собой, за глупость расплатилась,—
Ведь все пропало у меня, и жить мне бесполезно.
За что такое горе мне, за что страданья эти?
Родных своих оставила, родителей лишилась,—
И все из-за любимого, а он меня покинул!»
Так говорила девушка, слезами заливаясь,
И била по лицу себя, рвала от горя кудри.
А я пытался, как умел, отчаянье умерить,
И руки девушки отвел от кос ее прекрасных,
На перемену к лучшему вселял в нее надежду.
Спросил я: «Сколько дней прошло с тех пор, как соблазнитель
Тебя покинуть здесь посмел, оставив одинокой?»
И отвечала девушка, опять вздыхая тяжко:
«В пустыне этой десять дней живу и не видала
Тут из людей я никого, но одного тебя лишь,
Да старика какого-то — вчера прошел он мимо,
О сыне рассказал своем,— арабами недавно
Был схвачен тот и у врагов теперь в плену томится.
И вот в Аравию[356] старик спешил на помощь сыну;
Когда ж услышал от меня о всех моих несчастьях,
Сказал, что встретил юношу вблизи Влаттоливади[357],
Высокого и светлого,— пять дней с тех пор минуло,—
Верхом тот был и вел коня другого за собою;
Мусур[358] напал на юношу, мечом поверг на землю,
И если б юный там Акрит не оказался рядом,
В единое мгновение лишился б жизни отрок.
Сомненья никакого нет, что он и есть предатель,
Свидетельство надежное тому — его приметы.
О горе, горе! Жалкая и бедственная участь!
Лишилась благ я жизненных и счастье потеряла,
Красы лишилась, не вкусив плодов ее желанных,
Как молодое деревцо, безвременно засохнув».
Так говорила девушка, неудержимо плача,

Когда арабы[359] вышли вдруг из зарослей болотных,—
У каждого — копье в руке, и было их сверх сотни;,
Напали на меня они, как грифы на добычу,
Тут конь перепугался[360] мой, и обломал он ветку
И на дорогу выскочил, когда его поймал я;
Вскочил не медля на коня, копьем вооружился
И бросившись на воинов, лишил я жизни многих;
А кое-кто узнал меня и раздались их речи:
«Безмерно мужество его, отвага несравненна,
Легко Акрита в нем узнать — теперь мы все погибли!»
И прочие, услышав их, к болоту побежали,
И побросали многие щиты свои и копья,
Не медля ни мгновения в своем постыдном бегстве.
И видя, что исчезли все и что один я снова,
Назад пошел к источнику, где девушку оставил,—
А девушка тем временем на дереве укрылась[361]
И видеть хорошо могла исход того сраженья.
И вот, заметив, что один назад я возвращаюсь,
Спустилась с дерева она, навстречу поспешила
И стала умолять меня, промолвив со слезами:
«Послушай, повелитель мой, принесший мне спасенье,
Коль правда, ты и есть Акрит, который спас от смерти
Возлюбленного моего, коль ты и есть тот самый,
Пред именем которого трепещут аравийцы,—
То заклинаю я тебя, скажи мне, не скрывая:
Принес ли смерть меча удар, Мусуром нанесенный?»
И поражен я был тогда и изумился, видя,
Сколь сильной эта девушка охвачена любовью
К тому, кто небывалые ей причинил страданья,
С родителями разлучил, лишил ее богатства,
Обрек на одиночество в глуши непроходимой,
Где оставалось ей одно — погибнуть невиновной.
И вот тогда-то в первый раз о женщинах узнал я[362],
Что любят горячей они намного, чем мужчины,
Но губят их привязанность разврат и беззаконье.
И отвечал я: «Девушка, не надо больше плакать,
Не надо горевать о нем — спасен моей он силой.

Я — тот, кто смертью покарал заслуженной Мусура,
Грабителя, разбойника,— никто ведь не решался
По тем дорогам проходить, которые он занял.
Я от жестокой смерти спас того, кого ты любишь —
За что, не ведаю! Кого не можешь позабыть ты,
Возлюбленным зовешь, хоть он — лишь ветренный мальчишка.
Но волю выполню твою, к нему тебя доставлю
И взять обратно повелю, женой законной сделать,
Когда оставишь[363] веру ты ничтожных эфиопов».
Услышала она меня и, радости исполнясь,
Ответила: «Владыка мой, заступник величайший,
Уж приняла крещение божественное прежде,
Чем с ним соединилась я,— просил о том любимый;
Такая страсть владела мной, что я без колебаний
С охотой исполняла все любимого желанья,—
Ведь для него родных своих и близких я забыла».
Когда ж услышал[364] я, мой друг, из уст ее об этом,
То словно пламя жгучее в мое проникло сердце
И к страсти повлекло меня и к беззаконной связи.
Сперва обуздывал свои несдержанные мысли
И избежать хотел греха, насколько сил хватило,
Но разве хватит сил травы с огнем ужиться жгучим?
И вот, лишь девушку к себе я посадил на лошадь
И в путь мы с ней отправились, поехав к Халкургии[365] —
То место было в Сирии, от нас неподалеку,—
Не знаю, стало что со мной: огнем пылало тело,
Заполонила страсть меня, росла неудержимо,
И лишь пришлось[366] короткую нам сделать остановку,
Возжаждал взор мой красоты, а слух мой — сладкой речи,
Объятий руки жаждали и поцелуев губы;
Дал волю недозволенным запретным я поступкам,
И совершились все дела, исполнились желанья,
И беззаконием была осквернена дорога
Из-за поддержки сатаны, из-за души беспечной,
Хоть, как умела, девушка противилась насилью,
Взывая к богу и зовя родительские души.

Вот так-то недруг вечный наш и покровитель мрака,
И рода человеческого злобный ненавистник
Заставил позабыть меня о том, что есть всевышний,
О том, что страшный суд придет, настанет час возмездья,
И наши сокровенные откроются проступки
Пред ликом светлым ангелов и перед каждым смертным.
И снова мы пустились в путь, достигли Халкургии,
И соблазнителя ее мы вместе отыскали
(А отрок этот сыном был стратига Антиоха,
В плену томился тот стратиг и смерть у персов встретил) [367];
Ведь спас когда я юношу от страшного Мусура,
Перед лицо ему свое явиться не дозволил,
Но беззаконие его пред всеми обнаружил
И передал спасенного друзьям своим на время,
Чтоб он, пока я не вернусь, остался вместе с ними[368].
«Запомни: коль от девушки избавиться захочешь,
Клянусь спасителем Христом,— не жить тебе на свете!»
И приказав, чтоб девушку он обижать не вздумал,
И много наставлений дав, его я там оставил.
Теперь же снова приказал ему, чтоб не бесчестил,
Но в жены взял ее себе, согласно обещанью.
И рассказал тогда друзьям, как девушку я встретил,
Как мною спасена была она от аравитов;
Что ж не годилось говорить — я обошел молчаньем,
Чтоб не терзался юноша сознанием позора.
Богатство все великое им передал обоим,
Которое взяла она, оставив дом свой отчий;
Вернул обоих скакунов, что им принадлежали,
И вновь заставил юношу поклясться перед всеми,
Что никогда не нанесет он девушке бесчестья.
И вслед за тем вернулся я назад к своей супруге,—
В то время середина уж апреля приближалась,
И обвинитель был со мной — вины моей сознанье.
Оплакивал я с горечью поступок тот запретный,
На солнце стоило взглянуть — глядел в свою я душу
И стыдно было, что ущерб ей причинил великий.

Решил я в скором времени переменить жилище,
Ведь знала хорошо она[369] о связи беззаконной,
И, вот; уйдя со старых мест, пошли искать мы новых».

Книга шестая

О подвигах бесчисленных[370] шестая эта книга,
Пойдет в ней речь о чудесах Акрита Дигениса,—
Он сам о них рассказывал, беседуя с друзьями.

* * *

Когда бы среди месяцев[371] царя избрать хотели,
То май бы сделался царем над месяцами года:
Ведь слаще всех земных красот[372] краса младая мая,
Растений всех живой он глаз и цветников сиянье,
Лужайкам прелесть придает, дарит румянец вешний,
Чудесно навевает страсть, влеченье пробуждает;
Способен ясным небесам он землю уподобить,
Цветами роз ее покрыв, нарциссами украсив.
И, вот, когда тот месяц шел, столь сладостный и дивный,
Переселиться я решил со спутницей своею,
С женой прекрасной, дочерью прославленного Дуки.
И с ней мы луга одного чудесного достигли,
На том лугу палатку я установил и ложе,
Вокруг растенья посадил, одно другого краше.
Росли в том месте тростники, поднявшись вверх высоко;
Родник прохладный бил ключом посередине луга,
Ту местность влагой орошал, на ручейки разбившись;
И птицы всевозможные средь рощи обитали:
Встречался там ручной павлин, и попугай, и лебедь,
И слышно было как поют на ветках попугаи,
По водам плыли лебеди, прогуливались важно,
Гуляли, крылья распустив, павлины меж цветами,
И крылья эти красками цветы напоминали[373].
И прочие пернатые, летали, где хотели,
И по деревьям, по ветвям порхали беззаботно.[374]

Но ярче всех была краса той девы благородной[375],
Павлинов превзошла она, цветы затмила блеском.
Таков был цвет лица ее, что спорил он с нарциссом
И розой распустившейся казались ее щеки,
И губы розовый бутон напоминали свежий
В ту пору, когда чашечка начнет приоткрываться.
А локоны ее вились над самыми бровями,
И излучали свет они, и золотом лучились.
Блаженство несказанное над всем вокруг царило,
У ложа[376] всевозможные курились ароматы:
Орех мускатный, камфора, кассия, амбра, мускус[377],
И наполняли радостью благоуханья эти,—
Такие наслаждения дарил нам сад чудесный.
И как-то погрузился в сон я около полудня,
А дева розовой меня водою окропила,
И пели сладко соловьи[378] и остальные птицы.
Тут дева, жажду чувствуя, к источнику спустилась,
И омочила ноги в нем, и наслаждалась влагой,
Как вдруг под видом юноши дракон[379] пред ней явился
И соблазнить ее хотел обманчивой красою.
Но знала истину она, чудовищу сказала:
«Оставь свой замысел, дракон,— меня ты не обманешь,
На страже ведь любимый мой, на миг лишь задремал он
(А про себя произнесла: «Дракон передо мною,
Ведь никогда я здесь лица такого не видала»),—-
Коль встанет и найдет тебя — поплатишься жестоко».
Но на нее он бросился и в ход пустил насилье,
И закричала девушка, позвав меня немедля:
«Проснись же, повелитель мой, спаси меня скорее!»
И сердца моего достиг призыв ее тревожный,
Вскочил я с ложа сразу же, насильника увидел,—
Недалеко ведь был родник, как раз напротив, ложа —
И меч пока свой извлекал, источника достиг я,—
С такою мчался быстротой[380], летел, подобно птице.
Поспел я быстро, а дракон свой прежний облик[381] принял:
Ужасно было чудище, величины огромной,

Три головы громадные его огнем пылали,
И исторгала каждая[382] сверкающее пламя;
Когда же двигался дракон, то грохот раздавался,
Как если б дрогнула земля и сотряслись деревья;
Был тучен он, и головы его соединялись,
А сзади суживался весь, и хвост его был острым.
Вот съежилось чудовище, и растянулось снова,.
И на меня обрушилось громадою тяжелой.
Но нападенья грозного ничуть не испугавшисьу
Я силу духа сохранил, высоко меч свой поднял,
Такой удар на головы ужасные обрушил,
Что снес все три, и на земле он сразу распростерся,
Лишь хвост его затрепетал бессильно напоследок.
От крови вытер я свой меч, вложил обратно в ножны,
А после мальчиков позвал, оставшихся поодаль,
И приказал им прочь убрать убитого дракона.
Когда ж быстрее всяких слов приказ мой был исполнен,.
Обратно мальчики к своим палаткам побежали,
А я на ложе сразу лег, опять уснуть желая,
И сладкий сон меня манил и завладел мной снова —
Ведь не успел я выспаться, разбуженный внезапно.
А девушка спасенная безудержно смеялась,
Когда припомнила она ужасный облик змея,
Припомнила, как быстро смерть постигла великана;
И к дереву направилась, чтоб сон мой не нарушить
И снова чтоб придти в себя от страшного испуга.
Но в это время страшный лев из рощи появился[383],
И вот вторично девушка подверглась нападенью.
Как прежде, испустила крик, зовя меня на помощь;
Мгновенно с ложа я вскочил, когда ее услышал,
И льва увидев, бросился к нему без промедленья,
Напал на зверя дикого с дубинкой наготове,
Нанес удар по голове, и был убит он сразу.
Затем отбросили его подальше, как дракона,
И так сказала девушка, прося меня усердно:
«Послушай-ка, владыка мой, даруй мне эту радость:
Кифару в руки ты возьми и поиграй немного,

И душу облегчи мою от страха перед зверем».
Не мог я просьбу девушки оставить без вниманья,
Без промедленья заиграл, она же подпевала:
«Любовь мне милого[384] дала, любви я благодарна
И наслаждаюсь, царствуя, не ведая боязни.
Как яблочко душистое, как лилии цветочек,
Как роза ароматная влечет мое он сердце».
Когда ж о розе девушка пропела в этой песне,
Подумал, что сама она губами розу держит —
Столь схожи были с розою они, едва расцветшей.
Меж тем кифара нежная и пение любимой
Звучали сладостно, и звук тот горы подхватили[385],
Да так, что даже издали могли услышать люди,
И по такому признаку узнали мы об этом:
Случилось так, что на конях бойцы скакали мимо
И по дороге двигались, которой имя Тросис[386],—
Немало[387] было ранено бойцов на этом месте,
И вот названием таким дорогу окрестили.
А главарями были их, как разузнал я позже,
Отважный славный апелат Иоаннакис юный,
И престарелый Филопапп, Киннам был с ними третий[388].
Должно быть миля лишь одна от нас их отделяла,
И сладостное пение в дороге вдруг услышав,
Свернули всадники с пути, подъехали к нам ближе,
И девушка им дивная предстала на лужайке.
И красоты ее стрела сердца их поразила,
Любовь неодолимая поработила души;
Меня увидев одного (а сорок пять их было)[389],
Решили, что сразить врага сумеют речью грозной,
И крикнули[390]: «Эй, уходи от девушки подальше,
Спасайся сам, не то, смотри, умрешь за ослушанье!».—
Не знали неразумные, кого задеть посмели.
Меж тем солнцерожденная[391] увидела внезапно,
Как скачет каждый на коне, копьем вооруженный,
Перед угрозой струсила, словам врагов поверив,
От страха трепетала вся, лицо[392] платком прикрыла,

Испуга преисполнена к палатке побежала.
Спросил я: «Отчего молчишь?» Такой ответ услышал:
«Жива еще во мне душа, но уж погиб мой голос,
Разлука ожидает нас, и жизни я не рада».
Ответил ей: «Любимая, оставь такие мысли,
Того, что сочетал[393] господь, не разлучают люди».
И вот дубинку со щитом схватив без промедленья,
Напал на них я, как орел на куропатку сверху,
И стоило дубинкой мне противника коснуться,
Как оставляла жизнь его, бесследно покидала;
Хотели многие бежать, но догонял бегущих,
Не смог бы ни один скакун со мной сравниться в беге;
И не хочу я хвастаться, ведя такие речи,—
Хочу чтоб знали о дарах, ниспосланных всевышним.
Укрыться кое-кто успел и спрятался в болоте,
И прежде чем настичь врагов и истребить нещадно,
Схватил я одного из них, узнал о тех, кто вздумал
Пойти войною на меня безумно, безрассудно,
И никого не пощадил, воспламененный гневом.
Когда же завершился бой, отбросил я оружье
И рукава отряс[394] свои, и к девушке вернулся.
Увидела любимая, что все враги исчезли,
Навстречу вышла радостно, исполненная счастья,
И окропила розовой водой меня душистой,
Целуя руку правую и долго жить желая.
А я задумал устыдить ее за страх напрасный
И весело промолвил ей, смешав насмешку с лаской:
«Ну, что, погиб я, словно ты, беды не дожидаясь»?
И поняла она меня, ответила с улыбкой:
«Уж слишком много всадников внезапно появилось,
И были все с оружием, а ты — один и пеший,—
От вида этого испуг объял меня, владыка».
И вот в палатку мы вошли, целуясь ненасытно.
Настало утро, и в реке[395] я захотел омыться —
Одежду пожелал сменить, запачканную кровью,
И попросил, чтоб девушка мне принесла другую.
Спустился вниз по берегу, к воде сошел я самой

И в ожиданье девушки под деревом уселся,
Когда предстали предо мной три воина прекрасных:
Скакали на конях они, одетые богато,
И двигаясь вдоль берега, все ближе подъезжали.
Под деревом остался я, и вот, меня увидев,
Ко мне приблизились они, с приветом обратились,
А я сидел, не захотев подняться перед ними:
«Скажи нам брат, не видел ли ты воинов здесь раньше?»
И дал такой я им ответ, нисколько не пугаясь:
«Конечно, братья, видел их — вчера тут проезжали,
Да, на беду, жену мою задумали похитить[396].
А я и на коня не сел — свидетель мне всевышний —
О том же, что постигло их, узнаете попозже».
И вот, услышав те слова, взглянули друг на друга,
Шептаться начали они, лишь двигая губами:
«Не тот ли он, кого зовут Василием Акритом?
Так испытаем же его и обо всем узнаем».
И предводитель их сказал: «Не можем мы поверить,
Что не имея помощи, ты, пеший, безоружный,
Отважился на подвиг тот .— вступил в сраженье с ними.
Ведь все в боях испытаны, проверена их доблесть.
А если правду ты сказал, то докажи на деле
И выбери из нас троих кого тебе угодно,
Вступи в единоборство с ним,— тогда мы все узнаем».
И так в ответ на их слова сказал я[397], улыбаясь:
«Хотите — слезьте с лошадей, и трех я сразу встречу,
А коль не стыдно,— и верхом вы можете сражаться:
Узнаете меня тогда, узнаете на деле.
Давайте ж битву начинать и нечего нам медлить!»
И вот вскочил я на ноги, схватил дубинку сразу,
А щит в другую руку взял — со мной оружье было —
И подойдя к противникам, поторопил: «Я жду вас».
Тут первый среди них сказал: «Мы так не поступаем,
Втроем напасть на одного — не в наших это нравах.
Уверены, что с тысячей сумеет сладить каждый:
Ведь Филопаппом[398] звать меня, и обо мне ты слышал,
Его — Иоаннакисом, Киннам же с нами — третий,

И стыдно будет нам втроем с одним вступить в сраженье;
Так выбирай же одного из нас, кого желаешь!»
И отвечал я: «Хорошо! Пускай выходит первый».
И Филопапп с коня сошел, не медля ни минуты[399],
Тяжелый меч свой обнажил, щитом вооружился,
Вперед он прямо двинулся, надеялся, что струшу,—
То был боец испытанный, отважный в нападенье.
Мечом ударил он меня, на щит удар пришелся,
Одна лишь ручка от щита в руке моей осталась;
И крикнули ему друзья, следившие за битвой:
«Еще, старик наш Филопапп, еще разок ударь-ка!»
И вот, пока готовился он меч поднять вторично,
Дубинкой я соперника по голове ударил
И до последней косточки весь череп раздробил бы,
Коль не успел бы Филопапп щитом своим прикрыться.
Но закружилась голова у старика, и в страхе
Реветь он начал, словно бык, на землю повалился.
Увидели друзья его исход единоборства,
Без промедленья на меня верхом помчались вместе,
Вдвоем напали, не стыдясь, забыв, как похвалялись.
Чтоб нападенье отразить, из рук у Филопаппа
Не медля щит я выхватил и выбежал навстречу.
Горячий завязался бой, была упорной битва:
Киннам кружился около, хотел зайти за спину,
Иоаннакис наносил мгновенные удары,
И воинов испытанных увидел я в обоих.
Но силой превзойти меня врагам не удавалось,
И стоило лишь грозно мне дубинкой замахнуться,
Как прочь бежали от меня, от льва спасаясь словно,
Подобно овцам, издали смотрели боязливо
И вновь, как лающие псы, накидывались оба.
Немало длилось времени тяжелое сраженье,
И знала это девушка, хоть и была далеко,
Нарочно стала так она, чтоб я ее увидел,
И вот, когда вокруг меня, как псы, враги ярились,
Воскликнула любимая, приободрить желая:
«Смелее будь, мой дорогой!» — И вновь обрел я силу,

Иоаннакису удар нанес неотразимый —
Ударил в руку правую, немного выше локтя,
Переломал я кость ему, рука повисла сразу,
Меча не мог он удержать, на землю его бросил,
С коня спустился кое-как и, отступив немного,
С трудом оперся о скалу, страдая нестерпимо.
Тогда Киннам решил один отвагой отличиться,
То поднимал, то опускал коня он под собою,
И чудилось несчастному, что льва он испугает.
Но вот лишь грозно на меня с конем он устремился,
Как по загривку[400] скакуна ударил я дубинкой,
Да так, что у животного от моего удара
Вся морда кровью залилась, свалился конь на землю
И за собою всадника увлек в своем паденье.
От страха задрожал Киннам, и овладел им ужас,—
Подумал, что упавшего я -захочу ударить,
Но обратился я к нему: «Киннам, зачем дрожишь ты?
Не стану бить лежачего, позориться не стану,
Но если хочешь — поднимись, возьми оружье в руки,
И встретимся лицом к лицу, как подобает храбрым,
А добивать упавшего способны только трусы».
И знаками тогда Киннам явил свою покорность,
Ведь онемел от страха он, не мог сказать ни слова.
Оставил побежденного, назад я обернулся
И Филопаппа увидал,— пришел старик в сознанье
И, головой пошевелив, сказал слова такие:
«Во имя бога[401] самого, творца земли и неба,
Что бесконечной милостью тебя украсил дивно,
Оставь войну жестокую, да будет мир меж нами!
И если пожелаешь ты, служить тебе мы станем
И все приказы исполнять твои без промедленья».
Услышал дружескую речь и ощутил я жалость —
Легко ведь успокоить гнев покорными словами —
И улыбнулся старику, сказал ему шутливо:
«Ну что, проснулся, Филопапп, о сне своем толкуешь?
Уж если ты на склоне лет раскаяться задумал,
Вставай и забирай друзей, иди своей дорогой.

Глаза твои — свидетели свершившихся событий,
А если ищешь свой отряд, то зря усилья тратишь.
Не домогаюсь власти я, стремлюсь к уединенью —
Один ведь у родителей на свет я появился;
А ваше дело — властвовать и помогать друг другу,
Насколько хватит сил у вас, и совершать набеги.
Когда ж опять[402] захочется скрестить со мной оружье,
То набирайте заново таких вы апелатов,
Чтоб ни один меня не знал, не испытал в сраженье —
От тех, кто знают обо мне, поддержки не дождетесь».
Обрадовался Филопапп, услышав, что свободен,
И спутникам своим сказал об их освобожденье;
А те уж не надеялись, что сохраню им жизни,
Но души видели свои в преддверье страшной смерти.
И словно снова обретя утраченные души,
С великой благодарностью уста они раскрыли,
Сказали: «Как ни славен ты, дела твои — славнее,
И всех людей ты превзошел великим состраданьем,—
Ведь не сравнится ни один с тобою в милосердье,
Пусть по достоинству тебя вознаградит всевышний
Великой милостью своей и даст тебе с супругой
Прожить в великой радости бесчисленные годы!»
И вновь любимую свою я заключил в объятья,
Поодаль мы уселись с ней под деревом тенистым,—
Ведь солнце полпути уже прошло по небосводу.
А между тем опять втроем собрались апелаты
И в изумленье говорить друг другу стали двое,
Невозмужавшие еще и телом и рассудком:
«Поистине, чудесное нам зрелище предстало:
Соперник безоружен был, с одной дубинкой, пеший,
А мы вооружением владели превосходным;
Бежали тысячи от нас, и города мы брали,
И вот он наголову всех разбил нас, как младенцев,
Наполнил страхом, трепетом, жестоко опозорил.
То, верно, дух, живущий здесь[403], иль чародей могучий,
—
Ведь не разят его мечи, не трогает оружье,

И словно дикой яростью его дубинка дышит.
Коль был бы человеком он, как все, обыкновенным,
То тело бы имел с душой и смерти бы страшился,
Не становился бы под меч, словно бесплотный призрак.
Нет, видно по всему: то — дух, живущий в этом месте,
И лишь в воображении вступил он с нами в битву,—
Ведь несравненную его красу мы увидали,
И та краса сиянием лучи затмила солнца,
Казалось, будто ожило[404] пред нами изваянье».
И меж собой вели они бессмысленные речи,
Когда промолвил Филопапп им старческое слово:
«Напрасно повторяете вы, дети, небылицы,
Чтоб неудачи объяснить и души успокоить.
Не духа — мужа я видал, достойнейшего мужа,
Ведь щедро наделил Христос его дарами всеми:
Красою, мужеством, умом и смелостью великой,
Да быстроту безмерную к дарам своим прибавил.
А нам троим одно теперь осталось утешенье,
Что не было свидетелей, никто не видел боя.
Отвагой возвеличено гремело наше имя,
А ныне опозорено — всего один лишь воин
Сумел осилить нас троих. И вот совет мой, дети:
Не подобает оставлять обиды без возмездья —
Давайте поторопимся, друзей своих отыщем,
Ведь сколько бы ни хвастался — не всех он уничтожил;
И если хочет бог того, мы снова соберемся
И среди ночи на врага обрушимся внезапно.
Коль верх сумеем одержать, исчезнут все печали,
И скорбь исчезнет, что храбрец посеял в наших душах.
А девушка достанется тебе, Иоаннакис[405],
Не в состоянье мой язык воспеть ее достойно,
Ни одному, поистине, из смертных не случалось
Красу такую увидать — я сам тому свидетель,
А мне ведь пятьдесят второй уж год пошел от роду,
Немало взял я городов и стран немало видел,
И таяли ряды врагов перед моей отвагой,
Как меркнут хороводы звезд перед лучами солнца.

Смелей же будь, прекраснейший, и ждет тебя награда!»
Пришлись обоим по душе те речи Филопаппа,
И вот на холм они взошли, чтоб дать сигнал для сбора.
Горели долго факелы[406], всю ночь светили ярко,
Но понапрасну — на призыв никто не появился.
И Филопаппа спутники такое предложили:
«Храбрейший старец, для чего ты зря нас утомляешь?
Неужто в нашей доблести тебя не убедили
Трофеи величайшие — о них тебе известно —
Награды, что стяжали мы в ожесточенных войнах?
Не приходилось испытать нам горечь поражений,
И изумлялся ты делам необычайным нашим,
Но вот повержены врагом, как новички в сраженье,
А остальные[407] воины от рук его погибли.
Коль хочешь ты последовать детей своих совету,
Оставим бесконечные, ненужные заботы
И к Максимо[408] отправимся — ведь нам она родная —
И обратимся с просьбой к ней, попросим о подмоге;
Надежны воины ее,— ведь сам ты это знаешь.
Не вздумай только говорить о пораженье нашем:
Узнает если обо всем, то не пойдет с тобою;
С умом и осторожностью исполни это дело,
Чтоб стала соучастницей и план наш поддержала.
Добьешься помощи ее,— победа будет нашей,
А мы, когда огонь зажжешь, с тобой соединимся».
Одобрил Филопапп совет, словами их довольный,
Вскочил он сразу на коня и к Максимо поехал.
Происходила же она от женщин-амазонок[409],
Которых Александр царь привел из стран брахманов[410];
Равнялась с предками она своей могучей силой,
А битва для нее была усладой высшей в жизни.
И вот приехал Филопапп, пред Максимо явился
И, ласково приветствуя, спросил: «Как поживаешь?»
Ответ услышал: «Хорошо, по милости господней!
А ты, славнейший, как живешь, как дети поживают
И отчего, скажи, один без них ко мне приходишь?»
Ответил женщине старик, не открывая правды:

«Сыны мои, о госпожа,— Киннам, Иоаннакис —
Здоровы с божьей помощью, пошли они на стражу
И истребить до одного стремятся непокорных.
Решили отпустить меня, хотели дать мне отдых,
И пользу это принесло по милости господней,
И обнаружили мы дар, прекрасный и бесценный:
Ведь никогда я не терпел покоя и безделья,
И вот, когда любимые отправились в дорогу,
Один я оседлал коня, вдоль берега[411] пустился,
прохода, чтоб могли следить мы за врагами.
Вот на дорогу выехал, которой имя Тросис[412],
И здесь-то, слева, на лугу, густой травой поросшем,
Добыча золота ценней глазам моим предстала,—
То девушка была, какой не видел я доселе:
Сияет красота ее необычайным блеском,
И прелесть несказанная из глаз ее лучится;
Как молодой побег она, приносит радость взорам,
С живой картиной схожая[413], чарует людям души,
А дочерью приходится — сумел узнать я — Дуке.
Хотели мы, чтоб взял ее златой Иоаннакис[414],
Но вот другой — не знаю как — сумел опередить нас,
И появился на лугу он с девушкою рядом.
Коль дорогого родича ты забывать не хочешь,
То постарайся для него — пусть бодрствовать придется —
Любовь яви, владычица, не словом, а делами:
Лишь тот, кто разделить готов любимого печали,
Бывает другом истинным и родственником верным».
С такою Филопапп старик к ней речью обратился,
И убедил он Максимо во всем повиноваться,—
Легко ведь в заблуждение ввести рассудок женский.
Не стала даже спрашивать, кто девой той владеет,
Но тут же Мелимидзису[415] явиться приказала,—
То первый отрок был ее, стоявший над другими[416],—
И обратилась к воину с улыбкою веселой:
«Ты слышал, что сказал старик, наш Филопапп достойный:
Добычу превосходную нашел он на границах

И просит нас помочь ему — отправиться в дорогу
И с ним по-братски разделить все радости победы.
За апелатами теперь скорее отправляйся
И сотню отбери бойцов, испытанных в сраженье,
С конями превосходными, надежнейшим оружьем,
Чтоб тот, с кем повстречаемся, легко попал нам в руки»,
И вот, приказа госпожи ослушаться не смея,
На пост пошел сторожевой в тот вечер Мелимидзис,
Огонь сигнальный он зажег, бойцов собрал немало —
Числом не меньше тысячи, испытанной отваги.
И сотню лучших храбрецов из воинов он выбрал,
Велел идти им за собой и к госпоже вернулся.
И увидала Максимо: готово все, что нужно,
Назавтра приказала им с оружием явиться
И на меня войной пошла, исполненная рвенья,
А во главе был Филопапп,— вести хотел он войско.
Приблизились они к холму, поднялись на вершину,
Сказал старик товарищам каков сигнал условный,
Бойцам Иоаннакиса огонь зажег он ночью,
И к войску те приблизились, когда настало утро.
Обрадовалась Максимо, узнав об их приходе,
Почтила[417] как союзников и родственников близких
И приняла радушно их довольная подмогой.
Когда же на пути своем реки они достигли,
Остановил их Филопапп, сказал слова такие:
«О, госпожа и воины, необычайно трудно
Проникнуть на лужайку ту, где девушку я видел.
Не надо дальше двигаться, не поднимайте шума,—
Ведь если стражник девушки отряд наш обнаружит,
То спрячутся они от нас, успеют скрыться в роще,
И ускользнет из наших рук желанная добыча,
И понапрасну пропадут тогда усилья наши.
Пусть два бойца идут вперед, иль лучше даже трое,
Где девушка находится, пусть выведают тайно,
И двое там укроются, следить за нею будут,
А третий возвратится к нам и обо всем расскажет,—
Тогда пойдете вы за ним, нисколько не рискуя».

И отвечала Максимо на речи Филопаппа:
«Доверила тебе я власть, старик благоразумный,
Как хочешь, так и поступай,— мы все тебе послушны».
И Мелимидзиса тогда позвал он за собою,
Вторым Киннама захватил и с ними через реку
Немедля переправился, а остальные ждали
Вестей от трех разведчиков и с места не сходили.
А между тем случилось мне в тот час на стражу выйти
И, сидя на скале, держал я лошадь за уздечку.
Не подойдут ли недруги, следил неутомимо.
Заметил Филопапп меня и, показав рукою,
Так Милимидзису сказал: «Коль на скалу посмотришь,
Его увидишь хорошо,— сидит он на вершине.
Так знай же: этот человек красавицей владеет,
И неразумно будет с ним лицом к лицу встречаться,
Но лучше мы разведаем, где девушку он спрятал,
И знать дадим товарищам, согласно уговору,—
Один хоть он, да наделен достоинствами всеми,
Отвагу дивную его по опыту я знаю,
И не годится, чтоб герой одних нас здесь увидел».
Пришлись Киннаму по душе советы Филопаппа,
Но не хотел послушаться бесстрашный Мелимидзис,
Ответил: «Опозорюсь я, последовав за вами:
На тысячи врагов я шел, в подмоге не нуждаясь,
А вы, с одним лишь встретившись, товарищей[418] зовете.
Узнает госпожа о том и скажет мне с презреньем,
Что враг один единственный меня наполнил страхом;
А я погибну лучше пусть, чем назван буду трусом».
И вот, вперед он на меня пустился разъяренный,
Не обратив внимания на наставленья старца,—
Ведь недоверия полно все варварское племя.
И видя,— подъезжает он, а сзади остальные
(Поехали они вослед, увидеть, что случится),
Вскочил я сразу на коня и поскакал навстречу.
А Мелимидзис между тем — он ехал самым первым —
Копье направил на меня, стремясь сразить ударом,
Но ускользнул искусно я и, улучив мгновенье,

Дубинкой поразил врага и повалил на землю.
Следил за ним внимательно — поднимется ли снрва,
И вот, пока отвлечено мое вниманье было,
Подкрался сбоку Филопапп, приблизился неслышно
И ранил моего коня, в бедро копьем ударив,—
Деревья тесно там росли, и все в тени скрывалось.
Страдал от боли мой скакун, перепугался сильно,
А я, увидев старика, спасавшегося бегством,
Ему вдогонку закричал: «Зачем бежишь постыдно?
Лицом к лицу сойдись со мной,—ведь недостойно храбрых,
Подобно бешеному псу, из-за угла кусаться!»
Но все быстрее от меня испуганный он мчался,
С Киннамом переправился обратно через реку,
А я, преследуя врагов, когда к реке подъехал,
На том увидел берегу бойцов вооруженных.
Подумал, что идти на них не стоит без оружья,
И жалко было мне коня, хромавшего от раны.
И к девушке вернулся я, не медля ни минуты,
Оружье захватил[419] с собой и взял коня другого,
Свою прекрасную позвал: «Идем, мой свет, быстрее,
На холм тебя я отведу, укрою там надежно,
И гибель наших недругов глазам твоим предстанет,
И снова вознесешь хвалу всевышнему владыке
За то, что даровал тебе защитника такого».
И на коня она со мной без промедленья села
(А все, что нужно для пути, я раньше приготовил),
Назначенного места мы достигли, и оставил
Я на холме любимую в укрытье потаенном.
Пещеру, словно для жилья, там создала природа,
От глаз людских сокрытую среди густых деревьев;
Далекий из пещеры вид для взора открывался,
Того ж, кто прятался внутри, никто не мог увидеть.
В надежном том убежище я девушку оставил
И наказал ей смелой быть, сраженья не пугаться
И понапрасну не кричать, когда начнется битва:
«Смотри же, как бы голос твой не стал для них вожатым,

Не то придут к тебе враги — ведь занят битвой буду,—
И как сумеем справиться с опасностью великой?»
Затем к реке направился, противникам[420] навстречу,
И переправу стал искать; вдоль берега я ехал
И увидал, как Максимо от войска отделилась,
А рядом с нею четверо сильнейших апелатов,—
То были Филопапп-старик, Киннам, Иоаннакис
С Леандром[421] — славным воином испытанной отваги.
Скакали быстро воины и к берегу спустились —
Посередине Максимо, а по бокам другие.
На быстром скакуне[422] она была молочно-белом,
Не весь он белизной сиял, но цвет окрасил красный
И гриву с чолкою, и хвост, и уши, и копыта;
Седло на нем с уздечкою от золота сияло,
А на груди ремень лежал краями золотыми[423].
И повернулась всадница, и старика спросила:
«Скажи-ка мне, о Филопапп, кто девушкой владеет?»
И показал он на меня, ответил: «Этот самый».
«А где же воины его?» — она спросила снова.
Сказал он : «Никаких ему помощников не надо,
Лишь на одно надеется — на высшую отвагу
И, не имея спутников, повсюду разъезжает».
«Будь трижды проклят ты, старик! — она сказала гневно,—
Один ведь он, а ты меня и слуг моих тревожишь.
Одна с господней помощью к нему я переправлюсь
И с головой врага вернусь, а вас мне и не надо!» —
И, яростью охвачена, помчалась к переправе,
Но крикнул я: «Эй, Максимо, зачем тебе трудиться?
Ведь приближаться к женщине мужчина должей первый,
И сам к тебе я подойду,— так будет справедливо».
Без промедленья скакуна я своего пришпорил
И прямо в воду бросился, минуя переправу;
Широко там текла река[424], и конь поплыл мой быстро
Вперед к другому берегу, где отмель выступала,
Густой травой покрытая, омытая водою.
На этом месте Максимо стояла наготове
И в полной безопасности ждала моей атаки;

Меж тем из воинов ее одни бежали к броду,
Другие — стерегли меня, устроили засады.
И вот, почувствовав, что конь ступил на землю твердо,
Погнал вперед я скакуна и меч извлек из ножен,
И. на. противницу[425] напал отважно и умело.
Она ж, готовая к борьбе, навстречу устремилась,
Копьем ударила меня, ремень задев нагрудный,
А я сломал ее копье, не пострадав нисколько,
Занес свой меч и, пощадить соперницу желая,
Я голову коня ее отсек одним ударом,
И тяжело упал скакун на землю бездыханный.
Склонилась предо мной она, проговорила в страхе:
«Даруй мне жизнь, о юноша, ошиблась я жестоко,
По неразумью женскому послушав Филопаппа».
И со вниманьем я к словам отнесся побежденной,
И красоту чудесную противницы жалея,
Живой оставил Максимо и занялся другими.
Как всех я победить сумел, сказать мне даже стыдно,
Чтобы не стали вы, друзья, считать меня хвастливым:
Ведь если подвиги свои расписываешь ярко,
Увидят многие в тебе пустое лишь бахвальство.
И я не ради хвастовства веду такие речи —
Клянусь вам тем, кто людям дал могущество и знанье,
Ведь он один поистине нам благо доставляет.
И вот поведаю сейчас я обо всех событьях,
А вы, что слышите меня, даруйте мне прощенье,
Ведь суждено мне было впасть в прелюбодейство снова
По безрассудству своему, беспечности душевной;
Об этом из речей моих узнаете подробно.
Итак, о совершившемся скажу я по порядку.
Лишилась Максимо коня,— об этом вы слыхали,—
И, побежденная, одна на отмели осталась,
А я напал на всех других, и началось сраженье.
Еще не испытав меня, пошли враги навстречу;
Когда же всех бойцов подряд, встречавшихся со мною,
Я начал сбрасывать с коней и повергать на землю,
То остальные поняли, кого посмели тронуть,

И оставалось им одно — искать спасенье в бегстве,
Но мало кто из беглецов сумел избегнуть смерти.
И вот, сраженье завершив, назад я обернулся,
Как вдруг предстали предо мной четыре апелата:
Киннам с Иоаннакисом и Филопапп с Леандром,
Из рощи выбрались они и стали приближаться.
Пока Леандр и Киннам мне двигались навстречу,
Старик поехал позади, а с ним и остальные[426],—
Хотели окружить меня, стремились уничтожить,
Но понапрасну тщетные лелеяли надежды:
Передних двух увидел я, что с криком приближались,
И тотчас же напал на них, не думая о прочих.
Не знал еще меня Леандр и бросился в атаку,
Но вместе с лошадью поверг я всадника на землю;
Увидел мой удар Киннам, свернул с пути прямого,
И тут же двое остальных, к удару приготовясь,
Направив копья на меня, напали вместе сбоку.
Но размахнулся я мечом, удар нанес мгновенный,
И оба вражеских копья в обрубки превратились.
Пустились в бегство воины, коней своих пришпорив,
Назад не смея поглядеть, не смея обернуться;
И видя это зрелище, я крикнул им со смехом:
«Вернитесь, ведь один я здесь, не стыдно ль вам пугаться?»—
Но все быстрее от меня они бежали в страхе.
Не стал я их преследовать и пожалел в несчастье,—
Такое правило мое: всегда жалеть бегущих,
Умеренным в победе быть, врагов встречать с любовью.
Обратно я отправился, забот не зная больше,
И к Максимо приблизившись, сказал слова такие:
«Безмерно похвалялась ты, своей кичилась мощью —
Иди же, собери бойцов из тех, кто спасся в бегстве,
И с ними, по обычаю, на подвиги пускайся,
Да только рассчитай сперва, достаточно сильна ли.
Уроком это будет пусть, чтоб впредь ты не кичилась,
И знай: высокомерных всех преследует всевышний».
И вышла Максимо вперед, чтоб встретиться со мною,

Смирения исполнена сложила руки вместе,
Склонила голову к земле движением пристойным,
Промолвив: «Благороднейший! Известны мне отныне
И мощь безмерная твоя, и состраданье к людям,
Какого ни один герой былых временем не ведал:
Легко убить меня ты мог, с коня на землю сбросив,
Но жизнь мою помиловал, герой непревзойденный.
Пускай хранит тебя господь, хранит твою супругу,
Владыка мой прославленный, воитель благородный,
Пусть годы многие он даст вам здравствовать счастливо!
Немало знала я бойцов отважных, знатных родом,
Победами прославленных, неодолимых в битвах,
Но не встречала никогда такого я героя,
Чтоб мог он превзойти тебя, затмить твои деянья».
И ноги обняла мои, почтительно склонившись,
Целуя руку правую, и тихо продолжала:
«Пусть твой отец и мать твоя благословенны будут,
Благословенной матери сосцы тебя вскормили,—
Ведь никогда не видела подобного я мужа!
Молю, владыка, окажи еще одну мне милость,
Исполни просьбу новую и, право же, получше
Узнаешь ловкость ты мою, уменье боевое:
Позволь мне сесть на скакуна, отсюда удалиться,
А завтра утром снова я вернусь на это место,
В единоборство вступим мы наедине друг с другом,
И -сможешь ты, прекраснейший, мою изведать доблесть».
«На все согласен, Максимо,— ответил я немедля,—
Куда желаешь уходи, и здесь меня ты встретишь,
А хочешь — можешь захватить с собою апелатов
И испытаешь воийов, узнаешь, кто сильнее»[427],
Бродили лошади вокруг,— хозяева их пали,
Сражаясь рядом с госпожой,— поймал одну я лошадь
И быстро к Максимо подвел, чтобы верхом садилась.
Еще ведь раньше[428], лишь с коня противицу я сбросил,
Как, словно птицы хищные, враги вокруг собрались,—
Одни мечами длинными размахивали грозно[429],

Другие копьями в меня нацеливались с силой,
А третьи стрелами пронзить соперника хотели.
Кто был защитой мне в тот час, помощником надежным?
Господь лишь и никто иной, судья великий, правый,
С небесной выси мне послал могучую поддержку
И в безнадежности самой оставил невредимым.
Когда враги несчетные со всех сторон насели,
То постыдился я бежать и отражал удары,
Ведь превосходное имел и крепкое оружье
И оставался невредим, хранимый в битве богом.
Но не надолго у врагов хватило той отваги,—
Угас их пыл воинственный по милости господней,
А мне святые воины — Георгий и Димитрий,
И Феодоры[430] помогли, и всех врагов прогнал я.
Копья не обратил на них, не тронул даже лука,
Но в рукопашную вступил, одним мечом сражаясь,
И всех, кого ни настигал, рубил без сожаленья,
И приняла тогда земля[431] бездушные тела их;
Хотели многие бежать, но догонял бегущих,
Сопротивляться ни один не в силах был достойно,
Оставили коней своих, оружье побросали,
Бежать постыдно бросились[432], охваченные страхом.
И вот от этих воинов коней осталось много,
И побежденной Максимо одну я лошадь отдал
И снова реку пересек, а Максимо к жилищу
С великой благодарностью пустилась в путь обратный.
Затем в палатку я вошел, сложил с себя оружье,
В роскошную тончайшую накидку[433] облачился,
Надел я шапку красную, отделанную мехом[434],
И сел на бурого коня[435] со звездочкою белой —
Сама природа создала того коня для битвы;
Свой меч я захватил и щит, и взял копье в дорогу,
И через реку перешел, когда настал уж вечер.
Не захотел я к девушке в то время приближаться,
Но двух прислужниц[436] к ней послал, что ей принадлежали,
—

Их было несколько у нас, и нам они служили,
И от палатки в стороне жилье их находилось.
Не вместе жили слуги все, но для мужчин отдельно
Палатки мы поставили, отдельно и для женщин.
И перейдя через Евфрат — уж говорил об этом —
Улегся на лужайку я, покой вкушая сладкий,
Доставил отдых и коню, и быстро ночь промчалась.
Когда же начало светать, то встал я, сел на лошадь,
И на равнину выехал сопернице навстречу.
И вот сиянье[437] ясное всю землю озарило,
Над горными вершинами взошло, сверкая, солнце,
Когда на поле Максимо без спутников явилась.
На вороном коне она сидела благородном,
Бобровым мехом плащ ее был шелковый отделан,
Зеленый головной платок расшит искусно златом,
Орлиных крыльев на щите изображенье было,
И аравийское копье и меч она держала.
Без промедленья двинулся я Максимо навстречу,
Приблизился к противнице, мы обняли друг друга,,
И дружеским приветствием, как должно, обменялись
И вот, пришпорив лошадей, сраженье завязали;
То поднимались на конях, то пригибались низко
И вскоре сшиблись копьями, но ни один не дрогнул;
Затем разъехались опять, мечи мы обнажили
И, вновь сойдясь, вступили в бой, упорный, рукопашный..
Боялся я, мой дорогой, увечье нанести ей:
Позорно, если женщину лишит мужчина жизни;
Позорно, если силой с ней померяться захочет;
Но Максимо по всей земле за доблесть прославляли,
И оттого сражаться с ней никто б не постыдился.
Нанес по правой ей руке удар повыше пальцев,
И меч моей соперницы упал на землю сразу,
И трепет охватил ее, и страх необычайный,
Но закричал я: «Максимо, пугаешься напрасно!
Как женщину прекрасную тебя я пожалею,
Но чтоб о подвигах моих ты знала впредь получше,
Хочу на скакуне твоем попробовать я силу».

760 И сверху по спине коня мечом нанес немедля
Такой удар, что разрубил его я на две части,
И половина лошади с наездницей упала,
А по другую сторону — другая половина.
И поднялась соперница, охваченная дрожью,
765 Срывающимся голосом воскликнула: «Помилуй!
Помилуй, повелитель мой, я горько заблуждалась!
Коль не отвергнешь ты меня, давай друзьями станем.
Храню я строго девственность, осталась непорочной,
Лишь ты сразил меня в бою и ты владеть мной будешь[438],
770 И стану помогать тебе в сражениях с врагами».
«Не бойся смерти, Максимо,— на это я ответил,—
Но невозможно сделать мне[439] тебя своей супругой:
Владею по закону я женой прекрасной, знатной,
И не могу пренебрегать ее любовью чистой.
775 Так спустимся же к дереву, укроемся под тенью,
И все тебе я расскажу, чтоб обо мне ты знала»..
Тут подошли к деревьям мы, у берега растущим,
И Максимо пошла к воде, свою омыла руку,
И место раны смазала целительным бальзамом[440],
780 Который по обычаю всегда мы в битву брали.
И плащ свой[441] сбросила она — палило солнце жарко,—
А был хитон[442] у Максимо подобен паутине,
Все тело, словно в зеркале, виднелось под хитоном,
Сосцы на грудях девичьих слегка уж выдавались,—
785 Прекрасна Максимо[443] была и ранила мне душу...

*** * ***

Т 2632 И вот сошел я с лошади, а дева подбежала,
Воскликнула с покорностью: «Привет тебе, владыка!.
Отныне я раба твоя, по прихоти сраженья»,—
2635 И руку правую мою поцеловала нежно.
И разгораться начало во мне желанья пламя,
Не знаю, стало что со мной: огонь сжигал все тело.

Старался всеми силами порока я избегнуть
И уговаривал себя и обвинял нещадно:
«Проклятый, что стремишься ты к чужому достоянью,
Владея чистым родником[444], от всех других укрытым?» —
Так убеждал я сам себя, друзья мои, но тщетно,—
Еще сильнее страсть мою воспламенила дева.
Внимал я, зачарованный, речам ее сладчайшим,
Была красива и юна, прелестна и невинна,
И уступил рассудок мой преступному желанью,
И совершился весь позор и сочетанье наше.
Затем сказал я Максимо, чтоб шла она обратно,
И напоследок произнес, стремясь ее утешить:
«Иди же с миром, девушка, о нашей встрече помни».
И через реку на коне я быстро перебрался;
Она же девственность свою в воде омыла чистой,
Взывая горестно ко мне, прося назад вернуться[445].
И возвратился я тогда к своей любимой снова,
С коня сошел и целовал супругу ненасытно,
Сказал: «Смотри, душа, какой владеешь ты опорой,
Какого дал защитника тебе творец всевышний».
Но ревность в душу ей вошла, и так она сказала:
О, повелитель мой, за все тебе я благодарна,
Лишь мучаюсь, что с Максимо посмел ты задержаться.
И хоть не ведаю о том, что делали вы вместе,
Но есть господь, которому все тайное известно.
Тебя прощу я, дорогой, проступок твой забуду,
Не вздумай только в будущем вторично провиниться,
Не то накажет бог тебя — судья он справедливый!
На господа всевышнего надежды возлагаю —
От зла тебя обережет, спасет твою он душу,
И наслаждаться радостно красой твоей чудесной
Он даст мне многие года, мой милый[446] и прекрасный!»
И стал я убеждать ее и, обмануть желая,
Ей по порядку рассказал, как с Максимо сражался...

*** * ***

ГФ 826 О том, как в руку правую противницу ударил[447];
Т 2674 Сказал, что сильно кровь текла у Максимо из раны,
Что девушка от этого могла расстаться с жизнью,
ГФ 827 Коль сразу б я не спешился, водой полил ей руку
Из состраданья к женщине, поверженной и слабой:
«Омыл я руку Максимо, перевязал ей рану,
Поэтому и медлил я, мой свет благоуханный,-—
Иначе, женщину убив, подвергся бы позору».
И облегченье девушке доставили те речи,
И все, рассказанное мной[448], сочла она за правду.
Но над упреками ее задумался я вскоре,
И ярость величайшая во мне забушевала.
Вскочил я сразу на коня, как будто для охоты,
Настиг немедля Максимо, убил без состраданья
Распутницу[449] и, совершив злосчастное убийство,
Назад отправился туда, где девушку оставил.
На этом месте целый день мы провели друг с другом,
Назавтра же отправились в свою палатку вместе,
Пошли к лужайкам, что всегда нам радость доставляли.
Весь день затем я размышлял и, хорошо подумав,
Решил переменить жилье, отправиться к Евфрату,
И дом себе там выстроить, чудесный, небывалый.

Книга седьмая[450]

Василий Дигенис Акрит, достойный изумленья,
Цветущий, восхитительный каппадокийцев отпрыск,.
Светило доблести мужской и первый по отваге,
И украшенье славное всех юношей достойных,
В боях тяжелых покорил бесстрашно все границы
И занял много городов, земель врагов строптивых.
И поселиться вслед за тем задумал у Евфрата.
А красотой река Евфрат затмила все другие,—
В раю[451] ведь воды той реки берут свое начало,
И сладостью наделены они благоуханной,
Прохладою живительной растаявшего снега[452].
И от Евфрата Дигенис отвел искусно воду,
На землях орошенных сад он вырастил прекрасный[453]
С причудливою рощею, что радовала взоры;
И с четырех сторон стена вкруг рощи возвышалась,
И мрамор полированный служил ему для стройки;
Внутри же стен торжественно растения густые
Склоняли ветви пышные, покрытые цветами,
И состязались будто бы в красе своей деревья.
Повсюду лозы чудные свисали винограда,
Росли в том месте[454] тростники, поднявшись вверх высоко,
Плоды свисали над землей, цветы теснились всюду.
А под деревьями[455] внизу раскинулась лужайка,
Пестрела всеми красками, в цветах сияла ярко;
Нарциссы ароматные росли там, розы, мирты,
И розы цветом пурпура окрашивали землю,
Белели, словно молоко, нарциссы на лужайке,
Сверкали и фиалки[456] там, морской подобны глади,
Когда лишь тихий ветерок едва ее колышет;
И орошала луг вода в великом изобилье.
Немало всевозможных птиц[457] в том месте обитало:
Одни ютились средь людей и корма дожидались,
А прочие пернатые летали, где хотели,

И по верхушкам, по ветвям порхали беззаботно.
Там птички были певчие, что сладко щебетали,
И красовались многие нарядом крыльев пестрым;
Встречался там ручной павлин, и попугай, и лебедь,
По водам плыли лебеди, прогуливались важно,
И слышно было, как поют на ветках попугаи,
Гуляли, крылья распустив, павлины меж цветами,
И краски все на крыльях их цветы напоминали.
А в середине дивного и сладостного сада
Воздвигся дом[458] невиданный — Акрит его построил,—
Прямоугольный и большой, из тесаного камня,
С колоннами тяжелыми, отверстьями для окон,
А кровлю дома Дигенис мозаикой украсил
Из дорогого мрамора, что излучал сиянье;
И пол камнями выложил, блиставшими на диво.
Внутри он сделал комнаты, трехсводчатые сверху,
Со сводами высокими, украшенными пестро;
Покои крестовидные[459], причудливые спальни[460],—
Сверкали мрамором они, сиянье излучали.
И так создание[461] свое сумел украсить мастер,
Что взорам, словно сотканной, постройка представала
Из образов тех каменных, дававших людям радость.
Поверхность пола ониксы в покоях покрывали,
Отполированные так[462], что всякий бы подумал:
Замерзли капельки воды и льдинки пол покрыли.
С боков построил Дигенис по сторонам обеим
Триклинии чудесные[463] со сводами златыми,
Там подвиги старинные прославленных героев
Он золотой мозаикой изобразил искусно.
С Самсона начал[464],— как герой пошел на иноземцев,
Как с дивной силой разорвал руками льва[465] на части,
Ворота как с засовами[466] из вражеского града
На гору он перетащил, подвергшись заточенью,
Как насмехались недруги, героя ослепили[467];
И наконец изобразил, как храм до основанья[468]
В те дни давно минувшие Самсон разрушил мощный

И вместе с иноземцами обрек себя на гибель.
Посередине был Давид[469] представлен без оружья,—
Одну пращу в руке своей держал он наготове,
А рядом Голиаф стоял гигантского сложенья,—
Был страшен великана вид, была безмерна сила,
От головы[470] его до ног железо защищало,
Копье в руке его навой напоминало ткацкий[471].
И цвет железа передал с умением художник,
И все событья показал он этого сраженья:
Как метко камнем поражен был Голиаф, как сразу,
Едва лишь получил удар, повержен был на землю,
Как подбежал к нему Давид, поднявши меч высоко,
И голову отсек врагу, с победой бой закончив.
Затем — как гневался Саул[472] и как Давид спасался,
И козни бесконечные, и господа отмщенье.
Ахилла легендарные изображались битвы
И Агамемнона краса, и пагубное бегство,
И Пенелопа мудрая, и женихов убийство,
И Одиссея мужество перед Киклопом страшным[473],
И смерть Химеры огненной от рук Беллерофонта[474],
И Александра подвиги: над Дарием победа[475],
Как встретился с Кандакой[476] он, царицею премудрой,,
И как брахманов посетил, а после — амазонок[477],
И Александра мудрого деянья остальные;
Немало подвигов других, разнообразных, дивных:
И Моисея чудеса, и бедствия египтян[478],
Народа иудейского исход, греховный ропот,
Негодованье господа, служителя молитвы;
И то, чем Иисус Навин прославился навеки,—
Все это в двух триклиниях[479] и многое другое
Там Дигенис изобразил мозаикой златою,
И восхищали зрителей безмерно те картины.
И в доме этом во дворе площадка находилась,
В длину была и в ширину больших она размеров,
Воздвиг он знаменитый храм на ней посередине
И мученику посвятил святому Феодору[480].

Отца в том храме Дигенис похоронил достойно,
Когда из Каппадокии его доставил тело,
И гроб отцовский камнями бесценными украсил.
То горе было первое, постигшее героя,
Когда услышал вести он о недуге отцовском,
О том, что занемог отец и что конец уж близок.
Достичь скорей он поспешил земли каппадокийцев,
Но вот, когда приблизился к родительскому дому,
Ему навстречу вышли все, рыдая неутешно,
И понял он: отец его уже простился с жизнью[481].
Одежду разорвал свою[482], сошел с коня на землю,
Войдя в покои, заключил он мертвеца в объятья
И восклицать стал горестно, слезами заливаясь:
«Восстань, отец, взгляни хоть раз на дорогого сына,—
Один ведь был он у тебя, скажи ему хоть слово,
Совет и наставленье дай, не уходи в молчанье!»
И» вслед за этим снова плач еще сильнее поднял,
И слышно было каждому, как громко восклицал он:
«Неужто не ответишь ты любимейшему сыну,
Не станешь говорить со мной, как говорил когда-то?
Умолкли вещие уста, божественные речи,
О горе! Навсегда затих твой голос, сладкий слуху.
Куда девался свет очей? Где облик твой прекрасный?
Кто руки заковал твои? Кто силу уничтожил?
Кто помешал ногам твоим в их беге несравненном?
Кто положить предел любви осмелился безмерной,
Отцовской дорогой любви? Где в мире справедливость?
О, бедствие великое! О, горькое страданье!
Скорбящий и измученный с душою ты расстался
И сына призывал к себе до самой до кончины,
А я бы стал счастливей всех, хотя бы ненадолго,
Когда б услышал голос твой, последнюю молитву,
Когда бы вздох последний твой в своих объятьях принял,
И тело бы омыл твое, и очи дорогие
Навеки бы закрыл тебе, родитель мой любимый.
А ныне стал несчастней я любого человека,—
Страданье безграничное мою терзает душу,

И лучше умереть бы мне — не знать такого горя!
Зачем, о смерть, ты милости меня своей лишила
И не взяла меня к себе взамен отца родного?
Зачем ты в этот краткий миг была несправедлива?»
Так плакал Дигенис над ним, такие вел он речи,
И говорят, что плакать он заставил даже камни;
А мать его достойная скорбела с сыном вместе.
Ив эти тягостные дни обряды погребенья
С почетом все исполнили над дорогим умершим,
И взял с собою Дигенис отцовский прах в дорогу,
Вернулся вместе с матерью назад, в свое жилище,
И там торжественно отца похоронил родного
В том храме, что воздвигнул сам по своему желанью,
А мать Акрита с той поры у сына поселилась.
О том, как время шло у них, приятно протекало,
Узнаете сейчас от нас — расскажем хоть немного[483].
В веселье день за днем они в том доме проводили,
Кифару часто брал Акрит перед концом обеда
И начинал играть на ней, а дева сладко пела,.
Сирен[484] она и соловьев своим затмила пеньем,
И всех, кто слушал, изумлял ее сладчайший голос[485].
Когда же танца музыка звучала на кифаре,
То поднималась девушка прекрасная немедля,
И подстелив под ноги шелк, на пол легко ступала.
Движенья дивные ее не в силах описать я,
Представить повороты рук, чарующую поступь,
Сказать, как быстро и легко, с мелодией согласно,
Кифаре в такт танцовщица всем телом изгибалась.
Не в состоянье ведь никто представить сладость[486] меда,
Когда не пробовал его,— и так же не представить,
Какою грацией полны ее движенья были.
Затем, оставив трапезу, обычаю согласно,
И эти сладости вкусив[487], шли в сад они чудесный,
К лужайке направляли шаг — о ней мы говорили —
И восхваляли господа в веселии великом,
Прославлены среди людей, юны и благородны.
Одно лишь[488] горе день за днем печалило их души:

Бездетности страшнейшее, негаснущее пламя;
Один лишь тот его узнал, кто не имел потомства,
И было это в жизни их несчастьем величайшим.
О детях господу они молились ежедневно,
Себе в заслугу первое из всех достоинств ставя —
Благотворительность свою и милостыню бедным;
Но хоть и не судил господь надеждам этим сбыться,
Все ж бога славили они, полны благоразумья,
Причину видя бедствия в своих же прегрешеньях.
И вот болезнь тяжелая[489] постигла мать Акрита,
Четыре дня всего прошло, и дух оставил тело[490].
Оплакал Дигенис ее, скорбя по ней безмерно,
И рядом со своим отцом похоронил в гробнице.
Пять лет жила она вдовой, похоронив супруга,
И всеми благами земли успела насладиться,
Была воистину хвалы достойна среди женщин
И некогда красой своей врагов поработила,
Из заточенья страшного вернула многих пленных,
Желанный даровала мир и городам, и селам;
Благополучье принесла она с собою людям
И с помощью всевышнего вражду остановила,
Распространила по земле покой она и радость,—
Родился отпрыск у нее, прекрасный, благородный,
Конец бесчинствам агарян он положил кровавым
И города опустошил, и власть над ними принял[491].
А ведь в былые времена, до славного Акрита,
Без страха вылазки свои свершали эфиопы[492],
Без состраданья города ромеев разрушали,
Свободорожденных людей, почтенных, благородных
Порабощали дерзостно рожденные рабами.
Но тот, кто ради нас на свет от девы появился,
Почел за благо даровать освобожденье людям,
Чудесную и славную послал господь нам милость.
И в друга превратился тот, кто недругом был раньше,
И Дигениса породил — венец отваги высший.
Спасенье всем принес герой от вражеских нашествий,
Благодеянья совершил несчетные он людям,

И все, кто в тягостном плену томились на чужбине,
Поработили под конец своих хозяев страшных.
Сколь радость велика была, когда освобожденных
Увидели их близкие и обняли родные!
Сражениям настал конец — ни слова о сраженьях
В те дни, когда он здравствовал, нельзя услышать был»
Великое спокойствие и мир царили всюду,
И непрестанно господа все люди восхваляли
И благодетелем своим считали Дигениса,
Заступником божественным, опорою великой.
И радовались многие владычеству героя
И восхваляли троицу, чистейшую, святую,
Которая во все века достойна поклоненья.

Книга восьмая
О ЕГО СМЕРТИ[493]

Непостоянны радости в непрочном нашем мире,
В Аиде их пристанище, Харон[494] — их повелитель.
Как сновиденье, отлетит, как тень, промчится мимо,
И, словно дым, развеется богатство в этой жизни.
Настигла точно так же смерть и дивного Акрита,
И было бедствию тому купание[495] причиной.
Друзья его из Эмела[496] однажды навестили,—
То были православные, отца его родные
(Ведь все почти сородичи благим советам вняли
Отца его и приняли святое православье).
Стремленье охватило их, великое желанье
Героя видеть самого, узнать его отвагу;
Религии отцов своих немногие держались,
Но стали христианами, послушавшись Акрита.
И вот, как было сказано, к нему они явились,
И встретил Дигенис гостей с сердечной добротою,
Всем благородным среди них и остальным достойным
Покои превосходные радушно предоставил,
Что для гостей он выстроил поблизости от дома.
И день за днем он проводил, родными окруженный,
Пиры богатые давал гостям своим на радость,
И отправлялся каждый день с друзьями на охоту.
И были все изумлены, поражены безмерно,
Героя силу увидав и бег непревзойденный:
Коль находил добычу он, то настигал мгновенно;
Пускай с ним лев, или олень встречался быстроногий,—
Никто живым не уходил, какой бы зверь то ни был.
Ни псов он не водил с собой, ни леопардов быстрых[497],
И не садился на коня, не обнажал оружья,—
На руки лишь надеялся, на ноги полагался.
И вот однажды приказал купальню приготовить
Прекрасную, что выстроил посередине сада;

С друзьями искупался там и было то причиной,
Что на Акрита славного, достойнейшего мужа,
Болезнь обрушилась тогда, страшнейший из недугов,
Что опистотоном[498] врачи зовут между собою.
Великую почуяв боль, друзей своих оставил,
Назад домой вернулся он, на ложе распростерся,
Старался боль не показать и скрыть свои страданья,
Чтоб девушке достойнейшей не опечалить душу.
Но вот, когда еще страшней, еще невыносимей
Терзанья сделались его, то догадалась дева
И, вздох глубокий испустив, сказала: «Господин мой,
Поведай мне, какая боль несет тебе страданья?
Не скажешь разве, что тебя, любимейший, тревожит?
Лишь мучаешь меня сильней, когда молчишь о горе,
И разрываешь сердце мне, недуг скрывая тяжкий».
А он, все больше стонами любимую тревожа,
Ответил ей, не захотев ее страданий видеть:
«Душа моя! Ничто меня не мучает на свете,
Да только боль в костях своих я вынести не в силах,
И в пояснице больно мне, в спине мне больно, в почках,
И сочлененья все полны невыносимой болью.
Так пусть же врач какой-нибудь придет скорей из войска»[499].
И вот назавтра врач один пришел и, пульс пощупав,
По лихорадке увидал, что наступила слабость
И что недугом сломлены все жизненные силы.
Заплакал горько врач тогда, удерживая стоны,
И понял дивный наш герой, что близится кончина.
Ни слова не сказал врачу, лишь повелел, чтоб вышел;
А девушка тем временем в покоях находилась,
И тут же он призвал ее, пришла она поспешно.
Все силы Дигенис собрал и, глубоко вздыхая,
Промолвил так: «О горькое с любимой расставанье!
О счастье и утехи все, что знал я в этом мире!
Напротив сядь, чтоб утолить свои взор хоть напоследок —
Ведь больше не увидишь ты того, кто любит страстно —
И расскажу тебе о нас я с самого начала:

Ты помнишь ли[500], душа моя, свет глаз моих чудесный,
Как некогда один тебя похитить я решился,
Не струсив пред отцом твоим, несчетными бойцами?
Когда же небывалое то войско попыталось
Нас разлучить, любимая, в долине незнакомой[501],
То всех убил, кто отступить добром не согласился,
И, угодить тебе стремясь, твоих обоих братьев
Так ловко сбросил с лошадей, что никого не ранил.
А помнишь, как один тебя я взять решил с собою,
Готовый твоему отцу приданое оставить?
То было[502] из любви к тебе безмерной, дорогая,
И совершил я это все, стремясь владеть тобою.
Припоминаешь ли, душа,— вблизи Влаттоливади[503]
У родника дракон тебя увидел беззащитной?
Бесстыдно соблазнить тебя страшилище пыталось,
И закричала громко ты, зовя меня на помощь.
Услышал я, к источнику помчался как на крыльях,
И страшного чудовища ничуть не испугавшись,
Отсек все головы его, что пламя извергали,—
На -это я отважился, любви к тебе исполнен,
И лучше умер бы, чем вздох из уст твоих услышал.
А помнишь встречу ты со львом на этой же лужайке,—
Как я заснул, мой ясный свет, а хищник кровожадный
Напал, чтоб растерзать тебя, и ты кричала в страхе?
Как, услыхав, на зверя я напал без промедленья,
Убил его и от когтей тебя избавил львиных,
Как ты, любимая, тогда от страха трепетала?
Когда ж развлечь тебя хотел игрою на кифаре,
То пенье сладкое твое дошло до апелатов
Иоаннакиса, и те приблизились бесстыдно.
Грозить они осмелились— разлукой нам грозили;
И знаешь ты, душа моя, не ведал я покоя,
Пока врагов до одного не истребил нещадно.
А совершил я подвиг тот, любви твоей желая,
Весь мир бы отдал за нее и жизнь бы отдал сразу.
Ты помнишь ли, душа моя, великих апелатов,—
То были Филопапп-старик, Киннам, Иоаннакпс,

Известные отвагою, прославленные всюду,—
Как безоружным у реки нашли меня и сразу
Втроем напали на меня, на лошадях, с оружьем?
Грозили смертью мне враги, все силы прилагали,
Когда увидели тебя,— пришла ты мне на помощь
И крикнула любимому, приободрила громко:
«Смелее будь, мой дорогой, чтоб нас не разлучили!»
Обрел я силу новую и одержал победу,
Сломила мощь моя врагов, сразила их дубинка,
Но жизнь я всем им- даровал, покорностью смущенный,
—
И это тоже совершил из-за любви избытка,
О самая любимая, владеть тобой желая.
С коня я сбросил Максимо, бойцы ее погибли,
А после, из-за слов твоих, назад вернулся быстро
И тайно Максимо убил,— не знала ты об этом.
И много подвигов других, любви к тебе исполнен,
Я совершил, душа моя, стремясь владеть тобою,
Но цели не достиг своей, в надеждах обманулся,—
Конец мой приближается,— не сомневайся в этом:
Меня, непобедимого, Харон вот-вот осилит[504],
Аид лишить меня готов любви твоей великой,
В могиле скроюсь я навек, страдая нестерпимо,
Скорбя безмерно, что вдовой любимую оставлю.
Смогу ли я, желанная, твое оплакать горе?
Утешить как смогу тебя и где одну оставлю?
Чья мать поднимет плач с тобой, отец чей пожалеет?
Чей брат совет подаст тебе, всего лишенной в мире?
О самая любимая, словам моим ты внемли
И не пренебрегай моим желанием предсмертным:
Чтоб жить могла ты в будущем, не ведая боязни —
Ведь знаю: вдовьей участи не вынесешь тяжелой,—
Возьми супруга нового[505], когда меня не станет.
Сомненья нет, что молодость тебя к тому принудит;
Смотри, не соблазняйся лишь богатством или славой,
Иди за храбрым отроком, отважным, благородным,
И будешь на земле царить, душа моя, как прежде».

Сказал он со слезами так, и речь его затихла,
А девушка со стонами и с тяжкой болью в сердце,
Слезами щеки оросив, в ответ ему сказала:
«О повелитель дорогой, на бога уповаю,
На деву непорочную, святую богоматерь;
Другой не овладеет мной, твоей навек останусь,
И ждет тебя спасение от страшного недуга!».
И так сказав, направилась она в свои покои,
К востоку обратясь лицом, воздев высоко руки,
Роняла слезы горькие на пол неудержимо
И к господу всевышнему с молитвой обратилась:
«Господь, владыка наш, векам ты положил начало,
Небесный свод ты укрепил и дал земле основу,
И все, что видим мы вокруг, своим украсил словом,
Своей десницей из земли ты создал человека,
Природу из небытия воззвал к существованью!
Прошу я, недостойная,— внемли моей молитве,
Узри ничтожество мое, узри мои печали;
Расслабленного некогда ты исцелил, жалея,
Воскресла дочка сотника, восстал из гроба Лазарь[506],
А ведь четыре дня прошло, как жизни он лишился,—
Так исцели же юношу, что болен безнадежно.
На состраданье хоть мое взгляни и сам проникнись
Ты состраданием, Христос,— ведь твои слуга так молод!
Пускай грешны мы пред тобой, божественное слово,
И милосердья твоего нисколько не достойны,—
Мольбами страждущей души проникнись, умоляю,
И силы возврати тому, кто болен безнадежно.
Господь, услада ангелов, мои ты видишь слезы,
Не оставляй среди чужих и сжалься надо мною,
Над одинокой смилуйся, верни мне дорогого;
А если этому не быть, то повели, владыка,
Чтоб я сначала умерла, с душою распростилась.
Пусть не увижу, как лежит он мертвый и безгласный,
Как руки, столько подвигов свершившие отважных,
Застыли в неподвижности, покоятся крест-накрест,
Как ноги скрыты саваном, навек смежились очи,—

Молю, не дай увидеть мне подобное несчастье,
О мой создатель, господи, владыка всемогущий!»
Так помолилась девушка с великой болью в сердце
И на Акрита посмотреть обратно возвратилась,
А тот безгласен уж лежал, с душою расставался.
Не в силах боли пережить, перенести страданья,
С великой, с безграничною тоской она упала
На юношу любимого и с жизнью распростилась,—
Ни разу несравненная не испытала скорби
И сразу сломлена была утратой невозвратной.
Смотрел чудесный на нее и осязал рукою —
Все теплилась в герое жизнь по милости господней —
И лишь увидел он, что смерть постигла дорогую,
Промолвил: «Слава господу, что всем повелевает!
Не будет знать душа моя невыносимой боли,
Ведь не оставлю средь чужих вдовы я одинокой».
И благородный юноша сложил крест-накрест руки
И ангелам всевышнего спокойно душу отдал.
Так славные и юные простились с жизнью оба
В один и тот же час они, как будто сговорились.
И вот увидел мертвыми, их мальчик-виночерпий,
Немедля стольничему он о бедствии поведал,
Затем с печалью всех других они оповестили.
Повсюду разнеслась молва о горестном событье,
Немало знати прибыло с Востока: харсианцы,
Каппадокийцы[507] съехались, кукулитариоты[508]
И кондандиты[509] славные, тарсийцы, мавроните,
Багдадцы[510] благородные и вафирриакиты[511],
И многие из Эмела, и знать из Вавилона[512],—
Спешили погребением почтить они Акрита,
И множество несчетное такое их собралось,
Что было все заполнено вокруг жилья умерших.
Кто в силах горе описать, владевшее толпою,
Сказать о плаче, о слезах, стенаньях неутешных?
И рвали бороды они, от скорби обезумев,
И вырывали волосы, и восклицали громко:
«Земля пусть содрогается, пусть мир горюет с нами!

Пусть солнце скроется во мгле, лучи его померкнут,
И потемнеет пусть луна, нам факелом не светит,
И звездные огни пускай на небесах угаснут!
Ведь лучезарная звезда, светившая над миром,
Василий Дигенис Акрит, всех юных украшенье[513],
И с ним супруга славная, краса и гордость женщин,
Ушли из мира нашего, ушли одновременно!
Придите все, кто знал любовь и кто дружил с отвагой,,
Акрита благородного и храброго оплачьте,
Скорбите по могучему и грозному герою,
Что всех врагов до одного уничтоженью предал,
Спокойствие установил[514] и мир принес на землю.
Придите жены, плачьте все над красотой своею,—
Вотще хвалились вы красой, на юность полагались!
Рыдайте же над девушкой, прекрасной и мудрейшей.
О бедствие нежданное! Два светоча чудесных
Что освещали целый мир, безвременно угасли!»
Такие речи скорбные они произносили
На погребенье славных тел собравшись отовсюду.
Когда ж заупокойные пропеты были гимны,
И беднякам имущество умерших раздарили,
То погребенью предали достойному останки
И поместили наверху[515] в ущелье ту гробницу,
Недалеко от Тросиса[516],— так место называют.
На арке установлена гробница Дигениса,
Из пурпурного мрамора ее сложили дивно,
Чтоб те, кто видели ее, благословляли юных.
А эта арка и вдали для глаза открывалась,
Всегда ведь нам высокое издалека заметно.
И вслед за тем наверх взошли, исполнены печали,
Правители и знатные, и все, что там собрались,
И вот, гробницу окружив, покрыв ее венками,
Такие молвили слова, слезами заливаясь:
«Глядите, где покоится предел людской отваги,
Глядите, где покоится Акрит непобедимый,
Что род свой славно увенчал, над юными вознесся!
Глядите, где покоится цветок ромеев чудный

И гордость императоров, и светоч благородных,
Герой, страшивший диких львов и хищников свирепых!
Увы, увы! Что с мужеством подобным вдруг случилось?
Всевышний, где могущество, куда отвага делась,
Безмерный страх, что возникал при имени героя?
Ведь если имя слышалось Акрита Дигениса,
Испуг охватывал людей, неодолимый ужас;
Такую милость получил тот юноша от бога,
Что именем своим одним с врагами расправлялся;
Когда ж охотиться он шел, достойный изумленья,
Бежали звери от него и в зарослях скрывались.
И вот отныне заключен он в маленькой гробнице,
Бездейственным, беспомощным предстал он нашим взорам.
Кто наложить осмелился на сильного оковы,
Непобедимого сломил, заставил подчиниться?
То смерть — всего виновница, горчайшая на свете,
И трижды проклятый Харон, что все с земли уносит,
И ненасытный то Аид,— вот злые три убийцы[517],
Вот трое тех безжалостных, из-за которых вянут
Все возрасты и прелести, вся слава погибает.
Ведь юных не щадят они, не уважают старых,
Могучих не пугаются, не чтут они богатых
И не жалеют красоту, но делают все прахом,
Все обращают в грязь они зловонную и в пепел.
И вот теперь Акрит для них чудесный стал добычей,
Гробница давит на него, в земле он истлевает,
И плоть прекрасная — увы! — червей питает ныне,
И тело белоснежное принадлежит Аиду!
За что же уготована для нас такая участь?
Адама грех[518] на нас лежит,— на то господня воля.
Но почему, скажи, господь, ты воину такому,
Столь юному, прекрасному, велел расстаться с жизнью,
Скажи, зачем не даровал бессмертия герою?
Увы! Никто ведь из людей — так бог-отец предрек нам —
Не избегает гибели; мгновенно жизнь проходит,
Проходит все, что видим мы, тщеты полна вся слава.

Христос! Кто умирал еще, подобный Дигенису,—
Такой же юности цветок, такая ж слава храбрых?
Христос! О если б ожил он, обрел рассудок снова,
И если б увидали мы, как держит он дубинку,
А там — хоть все до одного пусть умерли бы сразу!
Увы! О горе благам всем обманчивого мира,
Веселью горе, юности и горе наслажденью!
И горе тем, кто, согрешив, раскаянья не знает,
И силой похваляется и молодости верит!»
Такие были речи их и горькие стенанья,
И в путь обратный двинулись все те, что хоронили
Останки благородные и чистые умерших.
А ныне[519] молим мы: Христос, творец всего земного!
Пускай любимый отпрыск тот, Василий благородный,
И с ним его прекрасная, цветущая супруга
И все, кто радостно идет дорогой православья,
В тот час, когда воссядешь ты судить людские души,
Пусть охраняются тобой, не ведают ущерба,
И в пастве им своей, Христос, дай место одесную.
А нас, принявших от тебя свое существованье,
Ты укрепи и огради, спаси от сил враждебных,
Чтоб имя непорочное твое мы восхваляли,
Чтобы отца, и сына мы и чтоб святого духа —
Ту троицу чистейшую, единую, святую —
Во веки славили веков, великих, беспредельных!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

I

В истории Византийского государства IX—X вв.— это время развития и укрепления феодальных отношений. Феодальные поместья расширялись за счет крестьянских общин, захватывались наделы стратиотов — мелких землевладельцев, несших воинскую службу. В интересах столичной знати и чиновничества правительство пыталось укрепить центральную власть и ограничить обогащение крупных землевладельцев — чем больше усиливались и обогащались за счет крестьян местные феодалы, тем больше проявились их сепаратистские стремления, их противодействие императорской власти. Но половинчатые мероприятия правительства не останавливали роста крупной земельной собственности. Увеличивались поместья провинциальной знати, усиливались знатные феодальные семейства — Дуки, Куркуасы, Фоки, Склиры. Нередко они вступали в прямые столкновения с центральной властью; наиболее яркий пример — восстания Варды Склира и Варды Фоки в 970—980 гг.

В IX—X вв. принимаются меры по усилению военной мощи империи. Борясь с сепаратизмом провинциальной военной аристократии, правительство стремилось в то же время и заручиться ее поддержкой. Высшие места византийская табель о рангах отводила военным чинам. На содержание войск расходовались огромные средства. Византийская армия IX—X вв. постепенно утрачивала характер ополчения крестьян; она все больше превращалась в профессиональное рыцарское войско, ядро которого составляли мелкие вотчинники-стратиоты. Военные трактаты X в. свидетельствуют о повышении среди византийцев интереса к военному делу. Серьезное внимание уделялось укреплению военно-административных областей — фем, особенно на востоке империи. Пограничные земли заселялись «акритами» (буквально «пограничниками», от греч. άκρα — «граница»). Акриты владели небольшими участками земли и находились в более привилегированном положении по сравнению с простыми

стратиотами,— они не платили налогов, нередко получали пожалования от правительства и т. д. В интересующий нас период акриты играли значительную роль в пограничных войсках; создался, как мы увидим, своего рода культ акритов. Лишь в конце XIII в. этот институт пришел в упадок.

Внимание к армии, забота об охране пограничных областей были тесно связаны с активизацией в IX—XI вв. византийской внешней политики. Империя в ту пору вела почти непрерывные войны — с арабами, болгарами, армянами. Наибольших успехов добились византийцы в X в. в войнах с халифатом на восточных границах империи. Взаимоотношения византийцев с арабами, послужившие материалом для «Дигениса Акрита», представляют для нас особый интерес. История этих взаимоотношений насчитывает около четырех веков — с 30-х годов VII в., когда войска халифа Омара вторглись в Сирию, и до 30-х годов XI в., когда византийцы одерживали последние победы над своими арабскими соперниками в Месопотамии. Борьба эта, как, впрочем, и вся совокупность византийско-арабских отношений, представляется, на первый взгляд, бесконечной цепью походов и столкновений, приносивших победу то одной, то другой стороне; города, крепости неоднократно переходили из рук в руки, все это чередовалось с мирными посольствами, за которыми следовал обычно обмен пленными и несколько месяцев или лет перемирия.

Отметим основные перипетии арабо-византийских войн на восточных границах Византии. VII — начало VIII в. ознаменованы блестящими успехами арабов, в руки которых перешли огромные территории — в Сирии, Месопотамии, Египте, Северной Африке, а затем и в Малой Азии. После неудачной осады Константинополя в 717—718 гг. византийцы перехватили инициативу, отвоевав ряд малоазийских областей. Конец VIII и первая половина IX в.— период нового натиска арабов, начатого Харун ар-Рашидом (786—809). Однако победы их все чаще сменялись поражениями; с 60—70-х годов IX в. в результате походов Василия I (867—886) малоазийские границы империи стали постепенно отодвигаться на восток и юг. Были полностью разбиты павликиане, неоднократно выступавшие в союзе с арабами против Византии. Секта павликиан, возникшая около VI в. в Сирии и Армении, по своей догматике была близка манихейству; павликиане боролись с официальной церковной идеологией, и эта

борьба во многом выражала протест широких слоев населения восточных провинций империи против феодального и церковного гнета. Восстания павликиан в начале IX в. были разгромлены, в 872 г. к Византии перешла их столица — Тефрика. Победы византийцев привели к созданию новых малоазийских фем — Ликанда (около 914 г.), Месопотамии (около 938 г.). 920—940-е гг. ознаменовались успешными походами Иоанна Куркуаса, взятием Мелитины, Самосаты. Дальнейшие успехи были связаны с военными действиями Никифора Фоки (963—969), Иоанна Цимисхия (969—976), Василия II Болгаробойцы (976—1025). Византийцы отвоевали Крит, Кипр, Киликию, обширные земли в Сирии и Палестине. Одной из последних побед, завершивших четырехвековую эпопею греко-арабских войн, было взятие Георгием Маниаком Эдессы в 1032 г.

Византийско-арабские отношения отнюдь не ограничивались бесконечными войнами. Многие годы Византия оживленно торговала с арабами, играя в то же время роль торгового посредника между западноевропейским и мусульманским миром. Соседство это отражалось и на внутренних процессах в жизни обоих государств,— фемный строй Византии явился на востоке империи наиболее целесообразной организацией для противодействия арабскому нашествию и в свою очередь оказал несомненное воздействие на военно-административное устройство мусульманской Сирии. Ислам был пусть не самым главным, но все же существенным фактором, влиявшим на византийское иконоборчество. Военные столкновения отнюдь не препятствовали культурному общению двух государств; немалую роль играли здесь образованные пленные с обеих сторон.

В IX—X вв. Византия вступила в полосу значительного культурного подъема. Выдвинулась плеяда талантливых ученых, историков, писателей. Подъем этот во многом был подготовлен достижениями VIII — начала IX в.; можно назвать здесь имена Иоанна Дамаскина, Никифора, Иоанна Грамматика, Игнатия. Деятельность Иоанна Грамматика, а позже его племянника Льва Математика (IX в.), программа обучения в восстановленном в 863 г. университете Константинополя, предусматривавшая изучение «семи свободных искусств» и среди них арифметики, геометрии, астрономии,— все это свидетельствует о подъеме научной мысли, об интересе к естественным наукам. Другая характерная черта византийской

культуры того периода — рост интереса к античному наследству. Интерес этот во многом стимулировался увлечением светской тематикой и естественно-научными исследованиями; в свою очередь ознакомление с античной культурой давало новую пищу византийскому научному и художественному творчеству. В этом отношении характерна деятельность Фотия, Арефы Кесарийского, Льва Хиросфакта. Трудно переоценить значение интереса византийцев к античной культуре. Именно в рукописях византийских монахов дошла до нас большая часть творений античности.

Характерная особенность литературы X в.— составление разного рода словарей, хрестоматий, энциклопедий, сборников по. самым различным дисциплинам — по праву, государственному управлению, истории, военному делу, сельскому хозяйству, медицине и т. д. Создаются лучшие образы византийской исторической литературы — труды Феодора Дафнопата, Симеона Логофета, Льва Диакона. Вошедшая в труд Продолжателя Феофана биография основателя Македонской династии Василия I, принадлежавшая, по-видимому, Константину VII (913—959), свидетельствует о популярности жанра исторической биографии. Для упомянутых историков характерен интерес к военной тематике; не исключено, что они использовали в своих трудах не дошедшие до нас жизнеописания отдельных византийских полководцев. Известно, например, что некий Мануил составил жизнеописание Иоанна Куркуаса в 8 книгах, к сожалению, до нас не дошедших. Интерес к светской и, в частности, военной тематике, к образу воина характерен и для поэтов X в. (Феодосии, Иоанн Геометр), для агиографической литературы того времени (житие Евдокима, образ Константина Дукив житии Василия Нового и др.). Изображения воинов нередко встречаются в искусстве той поры. Атмосферой византийско-арабских войн проникнуты многие народные песни; несомненно, отдельные из них восходят к описанным выше событиям, хотя и дошли до нас в гораздо более поздних записях, в основном относящихся к XIX—XX вв.

Таковы некоторые характерные черты византийской жизни IX—X вв.: усиление роли военно-феодальной знати, растущее значение армии в жизни страны, успешные войны с арабами, увлечение светской тематикой в литературе и искусстве. В этой обстановке в восточных областях империи и слагались песни об акритах-шограничниках» и

среди них — песни о жизни и подвигах Дигениса Акрита, воплотившего в себе идеал византийского воина. Песни той поры до нас не дошли; дошли лишь записанные в новое время песни о Дигенисе до неузнаваемости измененные многовековой устной традицией; речь о них пойдет ниже. Зато мы располагаем единой, композиционно завершенной поэмой о Дигенисе Акрите — единственным в своем роде эпическим памятником, созданным на греческом языке после Гомера. Поэма эта сложилась на основе народных сказаний того времени; ее старейшая рукопись относится к XIV в.

При всей своей гиперболичности поэтические сказания о Дигенисе доносят до нас дыхание своей эпохи. Они повествуют о том, как жили и воевали византийские воины, передают взгляды и обычаи этих людей, описывают их жилище и одежду,— то есть многое, о чем, говоря словами Ш. Диля, «история... не удостоила поведать нам или не имела к тому случая»[520].

В настоящее время нам известно пять стихотворных (Гротта-Ферратская, Трапезунтская, Андросская, Эскуриальская, Оксфордская) и одна прозаическая (Андросская) версии «Дигениса Акрита»[521]. Хотя каждая из версий отличается языковыми, стилистическими, композиционными особенностями, все они, как правило, содержат одни и те же эпизоды в одном и том же порядке, свидетельствуя тем самым о первоначальном единстве поэмы. Вот ее содержание.

У стратига Каппадокии Андроника Дуки и его жены Анны рождается дочь, названная Ириной. Новорожденной предсказывают, что ее похитит эмир, который примет из-за нее христианство. Когда девочке исполняется семь лет, ее помещают в отдельном дворце, досреди чудесного сада, где она тщательно охраняется[522]. Между тем сирийский эмир Мусур, сын Хрисоверга и Панфии[523], совершает набег на ромейские (византийские) земли и вторгается в Каппадокию. Стратиг в это время находится в ссылке, сыновья его отправились охранять границы, и, пользуясь их отсутствием, эмир похищает девушку. Мать похищенной пишет сыновьям, заклиная их спасти сестру, и те отправляются в путь. Они прибывают в лагерь эмира, который предлагает решить спор единоборством. Младший из братьев[524], Константин, одерживает верх над эмиром. В конце концов тот соглашается освободить их сестру. Эмир клянется, что не

прикоснулся к девушке, и говорит, что готов из любви к ней принять христианство и поселиться в Романии, если они согласятся на свадьбу. Братья обещают эмиру выдать за него сестру, и все вместе отправляются в обратный путь. Дома они совершают над эмиром обряд крещения и справляют свадьбу. От этого брака рождается Василий Дигенис Акрит.

Между тем мать эмира пишет ему письмо из Сирии. Она напоминает о подвигах его отца и дяди, упрекает за то, что он отрекся от веры, от родины, от близких, и призывает вернуться. Письмо это приводит в смятение эмира,— мать грозит ему проклятием за ослушание. Происходит столкновение между эмиром и братьями Ирины, которые подозревают его в измене. Однако недоразумение быстро выясняется, и эмир отправляется в дорогу.

Мать эмира торжественно встречает сына и обращается к нему с увещаниями, на которые эмир отвечает ей длинной речью. Он восхваляет христианство, говорит о страшном суде, который покарает неверующих геенной огненной и дарует вечную жизнь праведникам. Слова эти убеждают мать и других его родных, они уверот вали в Христа и вместе с эмиром отправляются в Романию, Эмир совершает над родственниками обряд крещения и отводит для них покои в своем доме.

После этого начинается жизнеописание самого Дигениса Акрита. С малых лет отец отдает Дигениса в учение, и тот овладевает множеством знаний. Затем он обучается искусству верховой езды. Когда мальчику исполняется двенадцать лет, он уговаривает отца взять его с собой на охоту. На этой охоте Дигенис душит голыми руками медведицу, с такой силой швыряет на землю медведя, что ломает ему хребет, хватает за задние ноги газель и разрывает ее пополам, а под конец ударом меча разрубает голову льва. Изумленные отец и дядя ведут героя к источнику, омывают ему руки, ноги, лицо. Дигенис переодевается и в роскошном убранстве возвращается домой.

Следующий подвиг Дигениса — первая его встреча с апелатами[525]. Прослышав об этих людях, скрывающихся в укромных местах и совершающих нападения на путников, Дигенис хочет встретиться с ними и приходит к их вожаку — старому Филопаппу. Тот предлагает ему всевозможные испытания, но Дигенис отвечает, что все это он совершил ребенком, и вызывает апелатов сразиться с ним

дубинками»: кто победит, тот заберет дубинку побежденного. Он одерживает верх над всеми соперниками и приносит Филопаппу их дубинки.

Как-то раз Дигенис проезжал мимо дома стратига Дуки, отца прекрасной Евдокии, молва о которой дошла до героя. Юноша и девушка видят друг друга, и взаимная любовь овладевает ими. Девушка дает Дигенису колечко в залог своей любви, и тот отправляется домой. Когда же наступает ночь, он возвращается и увозит девушку. Похищение вызывает переполох в доме. Стратиг берет с собой воинов и вместе с сыновьями пускается в погоню за беглецами.

Тогда Дигенис прячет Евдокию в укромном месте, один уничтожает все войско стратига, после чего тот дает согласие на брак. Дигенис отвозит невесту к себе домой, и справляется пышная свадьба.

После свадьбы Дигенис живет на границах вместе со своей супругой. Молва о его подвигах доходит до императора Василия[526], и тот посещает героя. Юноша дает ему советы, как править государством, затем он укрощает на его глазах дикого коня, без оружия убивает льва и подносит своему гостю мертвого зверя. Император осыпает Дигениса милостями и назначает его правителем на границах.

Вслед за этим рассказывается об измене Дигениса Евдокии. Повествование ведется здесь от лица самого героя, который кается в своем прегрешении перед встречным каппадокийцем. Однажды (ему шел тогда пятнадцатый год), путешествуя по Сирии, Дигенис повстречался с плачущей девушкой необычайной красоты. Та оказалась дочерью Аплорравда, эмира одного из сирийских городов, и его жены Меланфии 8. Она полюбила юношу-грека, которого держал в заключении ее отец, и, воспользовавшись удобным моментом, бежала с возлюбленным из родительского дома. Однако в пути тот покинул ее. Дигенис, который, как выясняется, еще до этого встретился с тем юношей и даже спас его от разбойника Мусура, успокоил девушку, обещав отвезти ее к возлюбленному. Они отправились в дорогу, но тут Дигениса охватила страсть к своей спутнице, и он овладел ею, несмотря на сопротивление. Затем Дигенис разыскал того юношу, заставив его взять девушку в жены и поклясться ей в верности. И тогда, раскаиваясь в своем грехе, он возвратился к супруге.

Дальнейшее повествование снова ведется в первом лице. Дигенис рассказывает друзьям о своих подвигах. Он рассказывает, как убил трехглавого дракона, как поразил дубинкой льва. Он рассказывает о том, как проезжавшие мимо апелаты решили похитить его жену и как он перебил их; как на следующий день он вступил в единоборство с главарями апелатов — Филопаппом, Киннамом и Иоаннакисом и одолел всех. Вскоре после этого он встретился с девой-воительницей Максимо, которую Филопапп призвал на помощь. Началось единоборство, и Дигенис отсек голову у коня Максимо. Та в страхе запросила пощады, и юноша пожалел ее красоту. Затем он перебил почти всех ее воинов и снова обратил в бегство главарей апелатов. Побежденная Максимо попросила разрешить ей еще раз попытать счастья, и наутро они снова вступили в единоборство. Юноша ударил Максимо по руке, и меч ее упал на землю. Тогда, чтобы показать свою силу обезоруженной противнице, он одним ударом разрубил пополам ее коня. Устрашенная Максимо стала молить о пощаде; до сих пор хранила она девственность, пусть же Дигенис, единственный, кто сумел победить ее, владеет ею. Юноша сначала отказывался, но соблазн овладевал им все сильнее. Так совершилось его второе грехопадение[527]. Вслед за тем Дигенис возвратился к жене, а чтобы рассеять ее подозрения, сказал, будто задержался, помогая Максимо перевязать рану. Поверив ему, Евдокия успокоилась. Однако после этого гнев овладел Дигенисом; он поехал за Максимо, нагнал и убил ее[528]. Вскоре герой снова решил переселиться и выстроить себе дом у Евфрата.

После этого изложение снова идет от автора. Дигенис строит себе чудесное жилище на берегу Евфрата. Описывается прекрасный сад, раскинувшийся вокруг дома, и дворец героя. До Дигениса доходит весть о тяжелой болезни отца. Герой спешит в Каппадокию, но уже не застает отца в живых. Горестно оплакав его, он увозит с собой тело умершего и хоронит его в храме, воздвигнутом рядом со своим домом. После смерти мужа мать Дигениса переселяется к сыну. Пять лет спустя после смерти эмира умирает и она, и Дигенис хоронит ее рядом с эмиром.

Но вот и к самому Дигенису приходит смерть[529]. Как-то после купания герой чувствует невыносимые боли во всем теле. По поведению врача он угадывает, что конец его близок. Дигенис зовет к

себе супругу, напоминает ей обо всех совершенных ради нее подвигах и завещает ей не оставаться вдовой и взять себе другого мужа. Евдокия клянется, что не будет принадлежать никому другому. Видя Дигениса в предсмертной агонии, она падает на тело любимого и умирает. Весть о смерти супругов разносится далеко вокруг. Из Харсианы, из Каппадокии, из Багдада и из других мест собирается множество народа. Все горько оплакивают покойников; тела их кладут в мраморную гробницу, которую помещают на высоком месте над ущельем, так, чтобы ее можно было видеть издалека. Затем все собравшиеся расходятся по домам. Поэму завершают традиционные молитвы, где испрашивается милость Дигенису, его супруге и всем праведникам.

II

Уже перед первыми исследователями поэмы встал вопрос о томг действительно ли существовал Дигенис Акрит и другие герои византийского эпоса. Для греческого писателя XVIII в. Константина Дапонтиса реальность действующих лиц и событий, описанных в эпосе, не вызывала никакого сомнения. Того же наивного взгляда придерживались и некоторые ученые прошлого века, например С. Иоаннидис[530]. В настоящее время никто не говорит всерьез о буквально воспроизведенных в эпосе событиях и людях. Вместе с тем поиски отдельных исторических прототипов, в той или иной мере отразившихся в эпическом произведении, оказались вполне правомерными для многих памятников такого рода; правомерны они и для «Дигениса Акрита».

При рассмотрении образа главного героя обращает на себя внимание совершенно реальный исторический фон, на котором протекает его жизнь — рождение в семье знатных византийцев, пышная свадьба с богатым приданым, пограничные стычки с арабами, победы над разбойниками, встреча с императором и т. д. Все это, не говоря уже о множестве рассеянных по поэме деталей быта, вполне реальные события в жизни византийского вельможи. И вместе с тем, пожалуй, больше, чем какой-либо другой персонаж поэмы, Дигенис наделен чертами эпического героя. Перечисления его походов (напр., ГФ I, 5 сл.; IV, 968—970) охватывают почти весь восточный театр

военных действий между греками и арабами. Быть может, лишь упоминание о Тарсе и маврохионитах в ГФ IV, 969 (ср. VIII, 205 — «мавроните») напоминает нам походы Никифора Фоки в 965—968 гг. Образ героя скорее исторически характерен, чем исторически реален; тщетно мы будем сравнивать с ним кого-либо из византийских полководцев тех лет. Дигенис ни разу не выступает во главе войска и даже старается держаться подальше от воинов императора (IV, 997 сл.). Свои подвиги герой совершает один, отказываясь от услуг, которые предлагают ему побежденные Филопапп и Максимо. Дигениса окружает целый ряд аттрибутов эпического героя. Смешанное происхождение, сказочно быстрое развитие, небывалая сила, смерть на 33-м году — все это вызывает скорее фольклорные, чем исторические, ассоциации. Дигенис — это идеальный образ воина-акрита, имя которого он носит. Именно под этим, в сущности, нарицательным, именем и был он, по-видимому, популярен в Византии. Восхваляя императора Мануила I Комнина (1143—1180), поэт Феодор Продром называет его «подражателем Христа, истинным светочем, крепким военачальником, новым Акритом». В другом своем стихотворении против игуменов монастыря, где он жил, Продром желает, чтобы нашелся какой-нибудь другой Акрит, который подобрал бы полы своей одежды (ср. ГФ IV, 116, 1058), взял бы дубинку и сокрушил монахов. Первое из этих свидетельств — насколько известно, единственных в византийской литературе,-1- по справедливому замечанию Г. Дестуниса, скорее всего доказывает легендарный характер образа Дигениса,— действительно, вряд ли поэт рискнул бы льстить всемогущему императору, сравнивая его с подданным, как бы тот ни был знаменит. Между тем сравнение с народным героем отнюдь не нарушало придворного этикета[531].

Все это значительно обесценивает отдельные попытки идентификации Дигениса, основывавшиеся не столько на конкретных свидетельствах источников, сколько на весьма произвольных допущениях. Давно уже никто не разделяет теории К. Сафы и Э. Леграна, сопоставлявших Дигениса с родственником императора Романа Лакапина (920—944) Панфирием[532]. Не более убедителен и прототип, предложенный А. Грегуаром[533] — турмарх Анатолика Диоген, павший, как сообщает о том историк Феофан, в битве с арабами в 788 г. Заметим в этой связи, что за исключением сцены

сражения с отрядом арабов (V, 178—190) поэма ни разу не описывает битв героя с мусульманами; арабы фигурируют только в перечнях его побед, а детально описываются лишь сражения героя с христианами — воинами стратига Дуки, главарями апелатов, воинами Максимо. Мы говорили уже, что Дигенис вообще ни разу не выступает во главе войска — деталь, которая сама собой подразумевалась бы в биографии, пусть опоэтизированной, любого полководца.

Хотя попытки идентификации главного героя с каким-либо определенным историческим лицом крайне ненадежны, это отнюдь не исключает влияния на образ Дигениса тех или иных черт реальных исторических лиц. Весьма возможно, например, что самое имя Василий, данное герою при крещении,— свидетельство популярности, которой был окружен в X—XI вв. основатель Македонской династии Василий I. Дигенис убивает на своей первой охоте оленя, на глазах императора он укрощает дикого коня, и все это, весьма возможно,— отражение сходных подвигов, приписываемых историками Василию I (не исключено, впрочем, что наоборот, историческая традиция следовала в данном случае за эпической).

Вряд ли связано с каким-либо определенным лицом и самое имя Дигенис — «двоерожденный»; скорее всего оно отражает традицию смешанного происхождения литературного героя. Таков царь Кир у Геродота; «двоерожденным» называет в 70-х годах X в. историк Симеон Магистр византийского императора Льва V (813—820); один из популярнейших в житийной и фольклорной литературе святых-воинов, Георгий — сын перса и гречанки. Отметим, кстати, что культ последнего особенно усиливается в интересующую нас эпоху; в поэме Георгий назван защитником и покровителем Дигениса (I, 23; VI, 701), который, убивая дракона, повторяет самый известный подвиг Георгия. Двоерожденных героев знает и эпос других народок — таковы, например, герои «Шах-намэ» — Рустем, Зохраб, Исфендиар и т. д.

Итак, Дигенис Акрит предстает в поэме как олицетворение отваги, силы, благородства византийских воинов-акритов, как герой символический, хотя и окруженный совершенно реальной обстановкой. Что же касается образа Дигениса в новогреческих народных песнях, а также в «Девгениевом деянии», то здесь он — чисто фольклорный персонаж.

Гораздо больше ассоциаций с историческими лицами вызывают родичи Дигениса.

Мать героя — дочь каппадокийского стратига, имя которого в ГФ — Антакин (по-арабски — «антиохиец»), А и Т называют его «по-сирийски» Аароном, а «по-гречески» Андроником. Как и его жена, он ведет происхождение от Дук — одного из самых знатных византийских семейств, возводившего свой род к императору Константину Великому (306—337). Среди его предков названы ш Киннамады — также знатный византийский род, по-видимому, парфяно-армянского происхождения. Дед Дигениса впадает в немилость у императора и умирает в ссылке; виною тому доносчики (Э 140 называет причиной его ссылки мятеж войска). Младший сын его (в Т и А старший) — Константин, которого поэма выделяет среди других братьев. Персонажи эти напоминают нам исторических представителей семейства Дук — Андроника и его сына Константина. Первый также был стратигом на востоке империи и прославился, в частности, победой над арабами при Марате в 904 г. Позже он был оклеветан фаворитом Льва VI Самоной (886—912) и, боясь императорского гнева, бежал в 907 г. в Багдад, где был заключен в тюрьму со своими родственниками и вскоре умер. Сыну его Константину удалось бежать на родину и достичь Константинополя: там он погиб во время восстания 913 г. У нас, разумеется, нет оснований идентифицировать с ними деда и дядю Дигениса, но вполне возможно, что предания об этих популярных в народе героях дали материал для византийского эпического творчества (вспомним песнь о родившемся в неволе сыне Андроника[534]).

Возможно, еще один намек на историческое лицо содержит имя прадеда Дигениса с отцовской стороны. Это — «чудесный» Муселом (он упоминается в Т, А и З). Перед нами, очевидно, прозвище, употребительное в знатном армянском роду Кринитов. Один из членов этого рода, Алексей Муселе, стоял в конце VIII в. во главе каппадокийских войск; он участвовал в восстаниях против Константина VI (780—797) и Ирины (797—802), но потерпел поражение и был ослеплен. Внук его, тоже Алексей Муселе, был зятем императора Феофила (829—842); он воевал в Италии, сделал блестящую карьеру при дворе, затем попал в немилость и окончил свои дни в монастыре. Здесь опять-таки нет оснований приписывать

генеалогии Дигениса историческую реальность — византийские источники, например, ничего не говорят о родстве Дук и Кринитов; но не исключено, что и судьбы Алексеев, особенно старшего, во многом схожие с судьбой исторического Андроника Дуки и Андроника — деда Дигениса, могли отразиться в эпосе. Предками Дигениса названы в Г, i, 3 также Кирмагистры; это, скорее всего, употребительное в Византии семейное прозвище, происходящее от известного титула (магистр). Подразумевал ли автор поэмы здесь какое-нибудь конкретное историческое имя — сказать трудно.

К роду Дук принадлежит и жена Дигениса — Евдокия. Имена бабки, матери и жены героя — Анна, Ирина, Евдокия,— известные только из Г, А, Аι я О, принадлежат к наиболее распространенным греческим женским именам. Некоторые исследователи (Н. Адонц, С. Кириакидис) указывали в этой связи на употребительность имен Ирина и Анна в династии Комнинов (1081—1185), предполагая, что группа версий, содержащая эти имена, восходит к редакции памятника, созданного при императорах этой династии. Следует, однако, сказать, что эти имена встречаются и в других византийских династиях/ а имя главной героини — Евдокии — вообще не характерно для Комнинов. Естественнее предположить, что Константин, Ирина, Евдокия, а также такие родовые имена, как Дуки, Киннамады и т. д.,— лишь дань автора наиболее известным и распространенным в Византии именам.

Пожалуй, не столь случайны совпадения, связанные с некоторыми из предков Дигениса с отцовской стороны. Некоторые подвиги его отца, эмира, напоминают действительные исторические события, правда, совершенные разными лицами. Так, поход, о котором он рассказывает братьям девушки (ГФ I, 292 сл.), напоминает военные действия арабов в VIII—IX вв., в частности, схожий поход предпринял халиф Харун ар-Рашид (786—809). Описание битвы при Меллокопии, в которой эмир вывел свой отряд из окружения (III, 67 сл.), сопоставляется по некоторым признакам с битвой 863 г., в которой византийский полководец Петрона одержал победу над эмиром Мелитины Омаром; последний был убит в сражении, лишь его сыну удалось спастись с небольшим отрядом. Деда эмира поэма называет Амброн,— согласно византийским источникам, имя это тождественно Омару. Переход эмира с родными в христианство переносит нас в

атмосферу 20—30-х годов X в., когда эмир Мелитины Абу Хафс (кстати Э 506 дает имя одного из спутников эмира, спасшегося с ним при Меллокопии,— Апохалпис), внук того же Омара, вступил в переговоры с Курку асом и перешел около 1328 г. к византийцам, приняв христианство. Он признал над собой власть императора и с тех пор участвовал в военных действиях на стороне греков. Таким образом, эмир в поэме предстает своего рода двойником Абу Хафса, и вымысел тесно переплетается здесь с историей. Другая параллель — имена отца и дяди (брата матери) эмираг Хрисоверга и Кароеса, знаменитых походами на византийцев. Исследователи единодушно сопоставляют их с вождями павликиан Хрисохиром и Карвеасом. Карвеас служил первоначально у стратига фемы Анатолик, затем из-за гонений на павликиан бежал к Омару, предоставившему ему и его сторонникам земли для поселения. Карвеас неоднократно выступал против греков совместно с Омаром,— павликиане и мусульмане вообще поддерживали в те годы дружественные отношения, между ними нередко заключались браки. После смерти Карвеаса (863) во главе павликиан встал его зять (а не шурин, как в поэме) Хрисохир. Деятельность его в конце 60-х — начале 70-х годов IX в. вполне соответствует словам вдовы эпического Хрисоверга (II, 62 сл.): вождь павликиан доходил до Никомидии и Эфеса, опустошая Малую Азию до ее западных берегов; он грозил сплои изгнать Василия I из азиатской части империи, если тот не оставит ее по доброй воле. Однако в 872 г. под Тефикой греческие войска нанесли сокрушительное поражение павликианам, их вождь был настигнут и убит. Не исключено, что описание героической смерти Хрисоверга, окруженного врагами (II, 66 сл.),— отзвук какой-то неизвестной нам, быть может павликианской, версии событий 872 г., но с уверенностью сказать этого нельзя. Здесь же следует подчеркнуть, что поэма не содержит ничего специфически павликианского. Хрисоверг и Кароес ничем не выделяются среди других мусульманских предков Дигениса; это, кстати, созвучно византийской традиции X в., подчас смешивавшей павликиан с мусульманами — их союзниками и родичами. Если павликиане и принимали какое-то участие в создании византийского эпоса, то известные нам тексты «Дигениса Акрита» не дают никаких оснований судить о степени, этого участия.

Совершенно фольклорный характер носят образы предводителей апелатов — Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса. Отдельные сопоставления, предлагавшиеся в этой связи А. Грегуаром (например, что Иоаннакис — Иоанн Каппадокийский, префект претория при Юстиниане[535]), совершенно произвольны. То же следует сказать и о деве-воительнице Максимо. Начальник ее воинов Мелимидзис (в Т и А — Мелемендзис) сопоставлялся со стратигом фемы Ликанд в 10—20-х годах X в.— армянином Мелиасом (арм. Mleh-metz — «Млех великий»), но и эту параллель нельзя считать доказанной. Один из убитых Дигенисом воинов стратига Дуки, отца Евдокии,— сарацин Судалис (в А и Э). Так же звали и одного из греческих полководцев, посланных в 855 г. против павликиан. Если это лицо и послужило прототипом для указанного персонажа, то остается непонятным, почему Судалис назван в поэме сарацином. Так или иначе, связь эта уже не ощущалась редакторами А и З. Трудно сопоставить с каким-либо историческим лицом эмира Аплорравда, так же как и стратига Антиоха, плененного и убитого «персами» (ср. прим. к V, 259—260). Остановимся в этой связи лишь на любопытном параллелизме: как и исторический Андроник Дука, Антиох оканчивает жизнь во вражеском плену; имя его перекликается с именем, Антакин («антиохиец») в ГФ. Дочь Антакина уводит в плен сирийский эмир, который женится на ней, приняв христианство. Сын, Антиоха попадает к другому эмиру, и это оканчивается его браком с дочерью эмира, также принявшей ради него христианство.

Бесспорно, одним из интереснейших исторических свидетельств поэмы является участие в действии византийских императоров, современников героя. В ГФ это Василий, который ссылает деда Дигениса, а затем во время похода «на персов» посещает героя и осыпает его милостями. В Т, А, А1 и О вместо Василия назван Роман, который во время похода на монголов (Μαγουλάς — Т 1481—1482) также одаряет героя, а затем отправляется на войну в Ахайю. Кроме этого, А сообщает о податях, которые Дигенис собирал с «язычников» для Романа, а в Т и А герою, уже незадолго до его смерти, шлет богатые дары император Никифор. Обо всех императорах поэма неизменно говорит в прошедшем времени; — автор или редакторы писали уже после смерти этих императоров.

Каких же именно императоров имеет в виду поэма? Эпитеты, которыми наделяет Василия ГФ, подходят к обоим византийским императорам, носившим это имя. Срок, протекший между ссылкой деда и чествованием внука (которому, судя по ГФ V, 24, было тогда не больше 14, а по Г 1610 и А 2497—18 лет), должно быть, немногим превышал 20 лет и укладывается не только в полувековое царствование Василия II, но и в двадцатилетнее Василия I — натяжка эта вполне допустима для эпоса. Гораздо менее вероятно предположение о том, что автор поэмы имеет в виду двух разных Василиев, отделенных друг от друга 90-летним интервалом. Ряд исторических параллелей (Хрисохир, Карвеас, Омар, Муселе, Судалис, Андроник Дука) заставляет вспомнить скорее о времени Василия I. Мы говорили уже о некоторых биографических параллелях между этим императором и Дигенисом (охота, укрощение дикого коня), предполагающее близость поэмы к источникам середины X в. (Генесий, Продолжатель Феофана), которые восхваляли основателя Македонской династии. Заметим, что жена Дигениса Евдокия — тезка жены Василия I; быть может, это преднамеренный параллелизм. Указанные соображения заставляют нас склониться скорее к Василию I (ср. точку зрения А. Грегуара, П. Калонароса, С. Импеллиццери, Н. Адонца и др.). Тем самым мы отнюдь не датируем жизнь Дигениса второй половиной IX в.— историческая реальность неразрывно сплетена здесь с вымыслом, и искать в поэме точные хронологические соответствия, как делали это первые исследователи «Дигениса» (например, Э. Легран, А. Милиаракис), нет никакого смысла. Полностью доказать тождество Василия поэмы Василию I у нас пока нет возможности. Это — лишь более вероятная, на наш взгляд, гипотеза.

Существует и другая точка зрения, сопоставляющая императора с Василием П. А. Хадзис[536] исходит здес£ из своей теории о том, что автором поэмы был писатель XII в. Евстафий Макремволит,— теории, отвергнутой всеми исследователями. С. Кириакидис говорит о следах редакции, сделанной при Никифоре III (1078—1081), гордившемся своим происхождением от Василия П. И Хадзис и Кириакидис считают первичным упоминание Г и А о Романе. Дж. Маврогордато без достаточных оснований видит в «персах» свидетельство о походе Василия II в Грузию в 1021 г. Другой его аргумент — длительность

царствования Василия II, наиболее вероятного современника и деда и внука,— этого вопроса мы уже касались. Вместе с тем, в отличие от Хадзиса и Кириакидиса, Маврогородато считает вариант с Василием первоначальным, а с Романом— вторичным[537]. Таким образом, проблема эта остается нерешенной; каждая из гипотез имеет свои уязвимые стороны. Нам, однако, кажется, что доводы в пользу Василия I в большей мере исходят из самого текста памятника, в то время как сторонники противоположной точки зрения руководствуются более общими, зачастую предвзятыми, суждениями.

С большей достоверностью можно уточнить свидетельство Т, А, А1, О. Долголетнее правление Романа, хвалебные эпитеты по адресу Романа и Никифора — все это свидетельствует скорее всего о том, что в поэме подразумеваются Роман I Лакапин (920—944) и Никифор II Фока (963—969).

Вопрос о том, какие версии представляют собой оригинальную редакцию памятника — ГФ и Тихонравовская редакция «Девгениева деяния», где говорится о Василии[538], или Т и А с Романом и Никифором,— не может быть пока окончательно разрешен за отсутствием архетипа поэмы. Как мы видели, на это существуют прямо противоположные точки зрения. Сопоставление отдельных стихов ГФ, Э, Т и А, свидетельствующее о большей древности оригиналов первых двух версий, следы более позднего редактирования в соответствующих местах Г и А («монголы», и Ахайя, относящиеся к XIII в., тогда как «персы» ГФ, могли появиться гораздо раньше) заставляют нас считать вариант с Василием первоначальным,— скорее всего эпос упоминал сначала Василия I, замененного в более поздней редакции Романом I.

Весьма существенно было бы здесь установить, оригинальна ли сцена битвы Девгения с Василием в русской повести. Однако и эта проблема вряд ли может быть сейчас разрешена из-за отсутствия необходимых текстов (мы лишены не только архетипа «Дигениса», но и архетипа древнерусской повести и ее греческого оригинала). М. Сперанский, А. Грегуар, А. Стендер-Петерсен, А. Шмаус считают, что эта сцена оригинальна и содержалась уже в первоначальной редакции византийского эпоса. Для Грегуара указанный эпизод является краеугольным камнем его теории о происхождении эпоса в павликианских кругах (вражда к гонителю павликиан Василию I).

Теория эта, однако, не находит подкрепления в греческих текстах памятника. В то же время многие ученые — Г. Вартенберг, П. Калонарос, С. Кириакидис, А. Вайян — подвергают серьезному сомнению оригинальный характер этого эпизода; некоторые (А. Мазон, Дж. Маврогордато) вообще считают, что при анализе средневековых памятников нельзя привлекать фольклорные тексты, сохранившиеся в гораздо более поздней записи. Действительно, «Девгениево деяние» носит ярко выраженный фольклорный характер, оно серьезно уступает в историчности греческой поэме, а Тихонравовская редакция известна нам лишь в рукописи 1744 г. При этом во всех других редакциях повести указанный эпизод отсутствует — в том числе в Мусин-Пушкинской, восходящей к тому же прототипу, что и Тихонравовская, и в Титовской (отличающейся в целом значительной архаичностью лексики и полнотой (см. ниже, стр. 174 сл.).

Эти обстоятельства заставляют подходить с большой осторожностью к гипотезе Грегуара и его сторонников; предположение последнего о том, что правительственная цензура уничтожала в X в. «антиимператорские» тексты «Дигениса» и заменяла их лояльными, в то время как оппозиционная павликианская версия была сохранена болгарскими павликианами и через них попала на Русь [539], представляет собой чисто теоретическое построение, не подкрепляемое никакими источниками.

Исследователи обращали внимание на сходство в русской повести эпизодов столкновения Дигениса с императором и его же битвы с Филиппапом и Максимианой. А. Шмаус считает второй эпизод вторичным, сделанным по образцу первого, но, не говоря уже о том, что это отнюдь не доказывает присутствия сцены битвы с императором в архетипе греческой поэмы, указанный параллелизм получил и прямо противоположное истолкование (А. П. Каждан, С. Кириакидис). По мнению последнего, образу Дигениса вообще придана в русской повести гораздо большая воинственность, чем в греческой поэме[540]. Так, в «Девгениевом деянии» (Тихонравовская редакция) герой сбрасывает с коня отца Стратиговны, к которому он полон почтения в греческих версиях. Вообще сцены с императором и отцом Стратиговны отнюдь не единственные, отличающие Тих. от греческой поэмы. После первой охоты герой убивает трехглавого змея,

прилетевшего к источнику; он отпускает на свободу находившихся у него в плену Филиппапа и Максиму, а затем Канама и Иаакима, которых отнюдь не забирает в плен в «Дигенисе Акрите».

Внимательное чтение греческих текстов также не дает таких доказательств. Вряд ли есть основания видеть намек на поражение императора в его словах Дигенису «владей (εχε), дитя мое, всей Романией» (Т 1541, А 2407). Прежде всего, мы не знаем, точно ли отражает этот стих оригинальную редакцию (сопоставление его с ГФ IV, 1023 сл. заставляет усомниться в этом). Если же он и оригинален, то как совместить указанное толкование с тем, что несколькими стихами ниже император назван в этих же версиях «победителем»? Не более понятно, как может император всерьез отдать Дигенису свое царство, после того как герой в самых верноподданнических выражениях обещал подчинить императору его врагов. Как может он, отдав царство, жаловать после этого Дигенису владения его сосланного деда, обещая скрепить это хрисовулом, дарить ему драгоценные ткани, а затем отослать его (так и сказано в А 2415—έπρόπεμψε). Истолковать έχε как намек на поражение — значит допустить в двух сохранившихся версиях явные несообразности, пропущенные редакторами. Не проще ли считать, что последние были далеки от такого толкования и вложили в уста восторгающемуся императору ни к чему не обязывающую поэтическую гиперболу. Вспомним, что в ГФ IV, 1027 он предлагает герою дать все, что тот пожелает, а в IV, 1080 сл. ставит его выше всех людей. В таком понимании место это вполне увязывается со своим контекстом. Император предлагает в следующем стихе Дигенису: «можешь проходить (διέλ&ε) по Романии с севера и по всем ее землям и встречай почет вместе со своими приближенными...»; затем речь идет о владениях сосланного деда Дигениса. Скорее всего герою просто предоставляется право свободно разъезжать по всей стране, встречая всюду почет. Смысл £χε: «Вся Романия — перед тобою»; «в твоем распоряжении» и т. п.

Разумеется, у нас нет возможности неопровержимо доказать и отсутствие в каких-либо не известных нам греческих версиях «Дигениса Акрита» (в том числе и в оригинальной версии) этого эпизода из русской повести. Мы хотели показать лишь неизбежную

гипотетичность упомянутых теорий, вызванную современным состоянием источников.

Выше уже говорилось о некоторых исторических событиях, отразившихся в поэме,— битве 863 г., походах Хрисохира, переходе внука Омара, Абу Хафса, на сторону греков. Поэма содержит и другие исторические, а также географические свидетельства. Неоднократное упоминание Евфрата говорит о 928—1071 гг., когда берега этой реки служили границами империи. Слова матери эмира (ГФ III, 150) о «платке Неемана», хранящемся в Эдессе, могли бы дать для первоначальной версии поэмы terminus ante (juem — 944 г., когда из Эдессы в Константинополь была перенесена известная реликвия — платок с изображением Иисуса, который, по преданию, осушил этим платком свое лицо и послал его царю Эдессы Абгару. Однако недоказанным остается прежде всего тождество этих реликвий. Вполне вероятно существование в Эдессе или в другом месте (под словом ήμιν: «у нас» мать эмира не обязательно подразумевает Эдессу, а, возможно, говорит вообще о мусульманах — ср. III, 139 сл.) какой-то неизвестной нам реликвии, связанной с библейской легендой о пророке Елисее и Неемане (IV Книга царств, 5). Таким образом, стих этот не может считаться надежным свидетельством.

Покорение Дигенисом Тарса и «маврохионитов» связано, по-видимому, с походами Никифора Фоки в 965 и 968 гг. Упоминание об Эдессе (Рахабе) как мусульманском укреплении свидетельствует о времени до 1031 г., когда город этот был взят греками. Трудно сказать, насколько ценно для хронологии поэмы свидетельство о прочном мире, установленном Дигенисом (ГФ VII, 221 сл., VIII 227); можно предположить, например, что здесь имеются в виду последние годы правления Никифора Фоки (это совпало бы с Т и А), но не исключено, что автор имел в виду какую-нибудь другую передышку,— мирные договоры и обмены пленными между греками и арабами не были редкостью на протяжении IX—XI вв.

Отмеченные реминисценции существенны для датировки первоначальной редакции памятника. Действие поэмы развертывается, как мы видим, на фоне событий IX—X вв., в основном в 30-х — 60-х годах X в. и во всяком случае — не позже 1031 г. Судя по содержанию поэмы, автор первоначальной редакции (мы имеем в виду редакцию, в основном соответствующую содержанию ГФ, Т, А) не знал о взятии

Эдессы и знал о победах Никифора Фоки. Таким образом, первоначальная редакция была составлена скорее всего между 70-ми годами X в. и 20-ми годами XI в. Быть может, уже тогда появились различные версии поэмы — так Василий I (если справедливо наше предположение) мог быть еще в X в. заменен более близким по времени Романом I.

Поэма содержит и ряд более поздних напластований (со 2-й половины XI и до XIV в.), целью их, вероятно, было осовременить повествование. Они существенны для датировки отдельных версий «Дигениса Акрита» (ср. ниже, стр. 168 сл.). В ГФ это, например, упоминание о дани Иконию (XII—XIII вв.), косвенное свидетельство об обесценении монеты (с середины XI в.); быть может, упоминание о войсковых врачах (институт, получивший более широкое распространение при Алексее I Комнине); в Т и А — упоминавшиеся уже «монголы» (скорее всего, вторая половина XIII в.); в А — победа императора в Ахайе (очевидно, намек на битву при Пел агонии в 1259 г.); в Э — «турецкие мечети» (возможно, с конца XI в.) и т. д.

Так, около второй половины XIII в. появляются новые обработки поэмы, старые тексты, восходящие к событиям IX—X вв., «осовременива́ются». Эту особенность известных нам версий, разумеется, следует учитывать, говоря об отражении в поэме византийской идеологии, быта, предметов материальной культуры.

III

В период складывания византийского эпоса, как было уже сказано, обостряется борьба внутри господствующего класса — между столичной и провинциальной знатью. Кульминационный пункт этой борьбы — восстания Варды Склира и Варды Фоки в 970—980-х годах — близок по времени к созданию «Дигениса Акрита». Этот конфликт отразился и в сцене встречи Дигениса с императором.

Обращаясь к императору, Дигенис в соответствии с византийским придворным этикетом почтительно приветствует его. Вместе с тем он не желает встречаться с воинами императора,— среди них много неопытных, они еще, чего доброго, скажут, что-нибудь неподходящее, и тогда он, Дигенис, наверняка лишит их жизни. Когда император с небольшим числом спутников приходит к герою, тот обращается к

нему с любопытными наставлениями (IV 1030 сл.). Лучше давать, чем брать,— поучает он царя; пусть тот жалеет бедняков, защищает угнетенных, прощает невольно согрешивших, не поддается клевете, избегает несправедливости. Власть и царство,— говорит он,— зависят не от силы людей, а от божьей воли. В Т 1520 сл. он просит, кроме этого, раздать предназначенные для него дары бедным стратиотам и любить обращенных в христианскую веру (вспомним отца героя). Отметим, что такие качества императора, как справедливость, милосердие к бедным, соблюдение законов, восхваляют и другие источники X в., например, Продолжатель Феофана, Генесий, склонные вместе с тем превозносить представителей провинциальной знати. Еще более интересные параллели содержит более поздний памятник, вышедший из тех же кругов — «Стратегикон» Кекавмена (ок. 1075—1078). Советы Дигениса императору сильно напоминают советы Кекавмена сыну — соблюдать справедливость, заступаться за бедных, помогать невинно страждущим и т. п. В то же время в своем сочинении Кекавмен стоит за ограничение царской власти: император — человек, и он должен руководствоваться благочестивыми законами; если царь отдает безумные приказания, нечего его слушаться. Надо держаться за свою землю,— говорит сыну Кекавмен,— не отдавать ее царю: тот, кто ищет на царской службе богатств и титулов, становится рабом[541]. Надо думать, что поэма отражает здесь мировоззрение феодальной провинциальной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. Вероятно, именно это обстоятельство, а не гипотетичные павликианские тенденции первоначальной редакции поэмы, должно объяснить нам известную сдержанность и даже враждебность Дигениса по отношению к императору и его спутникам. За это говорит также прямое свидетельстве поэмы об императорской немилости, которую до конца своих дней терпел дед героя — каппадокийский стратиг.

«Дигенис Акрит» в полной мере отражает и религиозную идеологию византийцев: существенное место занимает в поэме восхваление православия, в частности, пропаганда его среди мусульман. Нередко встречаются библейские реминисценции. И одновременно важно отметать здесь отсутствие религиозного и тем более расового фанатизма. Не следует забывать, что византийско-арабские отношения в течение X в. претерпевают определенную

эволюцию. После крупных военных успехов византийцев, после ряда случаев обращения в христианство отдельных мусульманских вождей и даже целых племен, дух реванша, характерный для IX — начала X в., сменяется более спокойным, часто дружелюбным отношением к арабам. Это нашло отражение и в нашем памятнике. Представители ислама (причем не только принявшие крещение) рисуются здесь в столь же привлекательных тонах, как и христиане; таковы родичи эмира, сам эмир, дочь Аплорравда. Сам Дигенис гораздо чаще скрещивает оружие с христианами, чем с мусульманами. Автор обнаруживает знакомство с верованиями и обычаями мусульман (ср. I, 100 сл., 194, 278; III, 138 сл. и т. д.), а устами матери эмира он даже славит Хрисохира, который предпочел смерть вероотступничеству. Об арабах и «сарацинах» говорится обычно без всякой неприязни, часто даже с лестными эпитетами; автор враждебно относится лишь к «эфиопам» — так называли византийцы мусульман Египта и Северной Африки. Некоторые мусульмане носят греческие имена (мать эмира — Панфия, жена Аплорравда — Меланфия).

Вместе с тем христианская религиозность причудливо сочетается в поэме со следами античной мифологии, с языческими народными поверьями (Харон, Аид, дракон у источника, обращение братьев к солнцу и т. д.).

Основная идея поэмы — культ силы и отваги. На своей первой охоте, при встречах с апелатами, с Максимо, с войсками стратига Дуки Дигенис обнаруживает чудесное мужество и силу и неизменно одерживает победу. Те же качества восхваляются и в других действующих лицах — в родственниках Дигениса (Хрисоверг, эмир, Константин) и его врагах (Филопапп, Максимо, Мелимидзис и др.), к которым, кстати, герой всегда относится с уважением и рыцарской предупредительностью. Культ силы и отваги скорее всего перешел в нашу поэму из фольклора. Того же происхождения должно быть и культ красоты в поэме — вспомним портреты отца и матери Дигениса, его жены, дочери Аплорравда, Максимо и т. д., хотя в отдельных описаниях здесь и сказалось влияние позднеантичного романа. В поэме воспевается и любовная страсть, порабощающая, Дигениса и других героев. Ни звери, ни разбойники, ни вражеские войска не могли одолеть эмира,— его сразила жешжая красота, ради которой он оставляет свою страну, родичей, веру. Поэма изобилует

рассуждениями о неодолимой силе любовной страсти. Темы эти, несомненно, отражают увлечение светскими мотивами в византийской литературе того времени.

Среди персонажей поэмы встречаются лица самых разных положений, но в центре — образ знатного и богатого византийского воина. Автор, впрочем, гораздо больше подчеркивает знатность и благородство Дигениса и других героев, чем их богатство. Герой готов взять дочь стратига Дуки без приданого, он не прельщается императорскими дарами; советуя жене выйти замуж после его смерти, он наказывает ей не гнаться за богатством или славой, а идти за отважного и благородного человека.

Наряду с вельможами в поэме выступают сопровождающие их воины. Часто это юные слуги-воины — άγουροι. Впрочем, они не играют в повествовании существенной роли. Упоминаются здесь и служанки, окружающие мать и жену героя. В перечне свадебных подарков упоминаются конюшие, повара, пекари, евнухи, рабы. Братья, разыскивающие сестру, пользуются услугами переводчика. О жестоком обращении героя со слугами свидетельствует лишь эпизод Т 1460 сл. и А 2326 сл.,— здесь говорится о том, как он в гневе одним ударом вышиб глаза своему повару.

В поэме выступают и апелаты — «угонщики скота», которые укрываются в ущельях и нападают на путников. Судя по словам главарей апелатов, отряды их держали в страхе целые области. По-видимому, это были популярные народные герои, песни о которых хронологически предшествовали акритским песням (ср. ГФ IV, 33 сл.). Вместе с тем новые герои, затмившие своими делами апелатов, отнюдь не вытеснили их из фольклора,— Филопапп и Яннакис (современное произношение) по сей день фигурируют в греческих песнях. Для эпических черт «Дигениса Акрита» характерно, что поэма, несмотря на основную свою тенденцию — всяческое подчеркивание превосходства Дигениса,— все же сохранила следы народного преклонения перед апелатами. Автор отдает должное их силе и отваге, недаром юный Дигенис сам мечтает стать апелатом, пока не знает еще, насколько он превосходит их силой. Интересно, что, уверяя Евдокию в своей любви, юноша клянется ей «святым Феодором — великим апелатом» (А 1921, Э 891).

Множество сведений о быте рассеяно по «Дигенису Акриту». Разумеется, круг этих свидетельств ограничен тематикой эпоса — почти все они рисуют окружение византийского воина. Соответственно этому мы встретим здесь множество сведений из военного быта — описания битв, единоборств, военных.приемов и т. д. Мы узнаем о вооружении, характерном, как показывает сравнение с византийскими военными трактатами, для тяжеловооруженных всадников — «катафрактов»: копье, меч, дубинка, щит. Здесь в разных версиях приводится до десятка различных названий боевых коней, описывается их убранство.

Поэма говорит о воспитании, полученном Дигенисом; содержит много характерных сведений о византийской свадебной церемонии. Мы узнаем об одном из любимых развлечений знатных византийцев и арабов — об охоте на львов, медведей, оленей. Другое развлечение — игра на музыкальных инструментах. Герой превосходно играет на кифаре; на свадьбе раздаются звуки труб, рогов, барабанов, цимбал, флейт; гостей развлекают пением, танцами, мимическими представлениями. Нередко поет и сам Дигенис, аккомпанируя себе на кифаре. Поет и танцует его жена. Трудно перечислить все стороны быта, затронутые в поэме: встреча прибывших, прием гостей, пир, омовение, проводы в дорогу, лечение, плач над мертвецами, сцена погребения, различные суеверия и т. д.

В «Дигенисе Акрите» немало говорится о различных памятниках материальной культуры. Описывается дворец, окруженный чудесным садом, внутренние покои, картины, предметы обстановки, различные одежды, украшения, благовония. Скудость наших сведений о многих сторонах средневековой греческой культуры делает «Дигениса Акрита» незаменимым источником для изучения византийского быта.

IV

Поэма о Дигенисе причудливо сочетает черты ученой поэмы и фольклора. Дигенис — это подлинно народный герой; несмотря на то, что нам неизвестны какие-либо непосредственные фольклорные источники поэмы, почти все исследователи признают ее происхождение из народных песен. О широком распространении песенного творчества среди византийцев говорит ряд источников. Мы

знаем, что народ Константинополя распевал пзсенки о своих императорах — о Маврикии, Фоке, Алексее I Комнине и других. Такие песенки распевались и далеко за пределами Константинополя. Без сомнения существовали и героические песни. К сожалению, ни предшествовавшие, ни современные «Дигенису» сказания об апелатах и акритах до нас не дошли.

С известной вероятностью можно относить к IX—X вв. лишь несн «О сыне Арму риса», которая дошла до нас в рукописи XIV—XV вв. Это отличает ее от других греческих песен, записанных уже в новое время. Впервые она была издана Г. Дестунисом 24. Содержание песни вкратце таково: малолетний сын Армуриса, томящегося в заключении у эмира, просит мать разрешить ему ехать к отцу. Он седлает отцовского коня, переправляется через Евфрат, ударом кулака калечит насмехавшегося над ним сарацина и покоряет вражеское войско. В погоне за одним из сарацинов, похитившим у него коня и дубинку, он достигает «ворот Сирии» и отрубает у похитителя руку. Между тем отец его, сидящий у дверей тюрьмы, узнает своего коня и поднимает тревогу; однорукий сарацин рассказывает всем о подвигах героя, и испуганный эмир освобождает Армуриса. Эмир обещает выдать за юношу свою дочь и просит, чтобы тот щадил сарацинов и жил с ними в любви.

Как мы видим, песня эта сохраняет тот же исторический фон, что и наша поэма, ряд тех же мотивов (герой, обращающий в бегство сарацинов, переправа на коне через Евфрат, смешанный брак между христианином и мусульманкой, призыв к миру и т. д.). А. Грегуар предполагает, что имя Армурис — искаженное название Аморня, города, у которого греки в 838 г. потерпели жестокое поражение, а «однорукий» сарацин — упоминавшийся уже эмир Мелитины Омар, 24 «Об Армуре». Греческая былина византийской эпохи. Издал, перевел и объяснил Г. Дестунис. СПб., 1877; его же. [Разыскания..., стр. 100—114. убитый в 863 г.; прозвище его al-Aqta также означает «однорукий». В таком случае перед нами отзвук событий 830 — 860-х гг., а песня воспевает победы греков в 859—863 гг. под командованием Петроны в виде расплаты «сына аморийца» с арабами за поражениег нанесенное его отцу. Однако гипотезу эту нельзя считать доказанной.

Песня «О сыне Армуриса» не была в те годы единственной. Епископ Кесарийский Арефа (861 — ок. 934 гг.) сообщает о

«попрошайках или шарлатанах — проклятых пафлагонцах», которые сочиняют песни о подвигах знаменитых мужей и ради обола распевают их у каждого дома. Это прямое свидетельство о распространенности песенного творчества как раз в интересующий нас период. О популярности таких песен говорят и другие авторы — Михаил Пселл, Анна Комнина, Никифор Григора.

Сопоставление поэмы с современными греческими акритскими песнями, записанными уже в новое время, вряд ли может привести к научно достоверным выводам в отношении нашего памятника. Восстановить их первоначальный вид у нас нет возможности; многие из них («О сыне Андроника», «О Порфирисе», «О Ксанфине») дошли до нас не как живое свидетельство тех лет, а как результат почти тысячелетней устной традиции. За это время одни темы исчезли, другие изменились до неузнаваемости. По сути дела, это уже новые народные произведения на старинные сюжеты, произведения, значительно более поздние, чем, например, отдельные версии «Дигениса Акрита» — ГФ, Т, Л. Этим, по-видимому, и следует объяснить тот факт, что, несмотря на ряд стилистических параллелей, характерных для средне- и новогреческого фольклора, в сюжетном отношении «Дигенис Акрит» и песни о Дигенисе, Филопаппе, Яннакисе совершенно не похожи друг на друга. Отдельные, в самых общих чертах схожие, эпизоды трактуются в поэме и в песнях совершенно по-разному. Так, в песнях о сватовстве Дитениса герой посылает к родителям невесты сватом Филопаппа, образ которого далек от воинственного вождя апелатов в «Дигенисе Акрите». В одних песнях Дигенис похищает невесту (или жену) Яннакиса, в других герой сам возвращает похищенную у него жену. В поэме же мы находим лишь отдельные намеки на это (Филопапп обещает Иоаннакнсу жену Дигениса — ГФ VI, 351, 415; апелаты задумывают похитить Евдокию, но с самого начала терпят неудачу — IV 965 сл., VI 130 сл.). Не знает поэма и единоборства Дигениса с Хароном; лишь метафорически говорит герой об одолевающем его Хароне (VIII 125). Песням неизвестен мотив бездетности Дигениса; напротив, одна из них наделяет его двенадцатью сыновьями. Подобные примеры можно было бы продолжить. Таким образом, ни одного хотя бы в общих чертах совпадающего эпизода мы здесь не найдем. Параллели устанавливаются лишь для отдельных немногочисленных деталей

повествования и самых общих тем, вообще характерных для фольклора.

Говоря о традиционных эпических сюжетах «Дигениса», сопоставляя его с фольклором других народов, следует иметь в виду, что такие параллели, являются ли они результатом самостоятельного творчества или заимствования, могли стать возможными лишь благодаря созданию аналогичных общественных и культурных условий. Так, во многом сходные исторические условия по обе стороны византийско-арабской границы сделали возможными интересные параллели между нашей поэмой и повестью об Омаре ибн ан-Нумане в сказках 1001 ночи (Амброн — Омар, эмир и Дигенис — Шаркан, Максимо — Абриза, апелаты — пограничные бедуины и т. д.). Ученые отмечали историко-литературные параллели между «Дигенисом Акритом» и турецким эпосом о Сайид Баттале. Византийский герой во многом напоминает Рустема из персидского эпоса, Давида Сасунского из армянского, Марко Кралевича из сербского и т. д. Самым различным народам известны такие мотивы византийского эпоса, как похищение невесты, образ девы-воительницы, убийство героем дракона и т. п.

Другая существенная эпическая черта «Дигениса Акрита» — это следы устного распространения поэмы, наряду с письменным. Эскуриальская версия прямо говорит о слушающих повествование вельможах (άρχοντες — 1673, ср. там же стихи 619, 710, 712 и др.). Подобные намеки сохранились и в других версиях. Об устной традиции свидетельствуют и некоторые ошибки в отдельных словах и целых стихах, также больше всего характерные для Э. Приведем интересный пример — загадочные Алделаг и Олопа в Т 2816 и А 4021. Сопоставление с ГФ VII, 85 сл. убедительно показывает, что речь идет здесь об Агамемноне и Пенелопе[542]. В такого рода ошибках очень трудно видеть описки и в то же время вполне естественно объяснить их как ошибки слуха и памяти[543]. Мотив устного рассказа о подвигах широко использует и сама поэма,— на нем целиком построены V и VI книги Г Ф (VI и VII в Т и А). Надо думать, что устная традиция не только предшествовала письменной, но и существовала параллельно с ней,— лишь так можно объяснить запись в XVI в. Эскуриальской версии.

Автор «Дигениса Акрита» нам неизвестен. О создателе первоначальной версии вообще трудно сказать что-либо определенное. Должно быть, им был один из сказителей, упоминаемых Арефой, возможно, какой-нибудь стратиот, использовавший песни, которые бытовали среди его товарищей. Начало же письменной традиции положил, вероятно, какой-нибудь монах; грамотность в Византии была в основном привилегией духовенства. Нет никаких оснований считать, подобно А. Хадзису, автором поэмы Евстафия, упомянутого в начале рукописи А, и тем более отождествлять его с Евстафием Макремволитом (XII в.), автором романа об Исмине и Исминии. Это был, вероятно, монах, переписавший, в лучшем случае заново отредактировавший в XVI в. поэму, известную задолго до него,— труд, который в XVIII в. задумал, но не осуществил Константин Дапонтис (см. стр. 164). По всей видимости, автор поэмы был уроженцем Малой Азии, возможно, Каппадокии,—- он обнаруживает хорошее знание пограничных восточных областей империи. Это был достаточно образованный по тому времени человек, знакомый с античностью, с современной ему светской и церковной литературой, и — в какой-то мере — с обычаями и верованиями арабов.

Неизбежно гипотетичен и вопрос о характере языка первоначальной редакции. Уже давно были высказаны противоположные суждения — о народном языке такой редакции (К. Крумбахер) и об ученом (Д. Хесселинг). Нам кажется, что, коль скоро речь идет уже о записанной мало-мальски образованным человеком поэме, язык ее, вероятно, сочетал как народные черты, так и черты ученого стиля, в зависимости от источников, использованных автором. К подобной точке зрения склоняются в последние годы такие исследователи, как А. Грегуар, С. Импеллиццери, С. Кириакидис[544].

Несмотря на ряд эпических черт, стиль «Дигениса Акрита» во многом характерен для памятников византийской ученой литературы. Мы не будем останавливаться здесь на многочисленных литературных реминисценциях поэмы — они отмечены в комментариях. Из античных героев автор упоминает Ахилла, Гектора, Агамемнона, Одиссея, Пенелопу, Беллерофонта, Харона, Сирен и т. д. В числе его источников — Илиада, Гомеров гимн Гермесу, I Олимпийская ода Пиндара, «Киропедия» Ксенофонта, биографии Александра Македонского (Плутарха, Арриана, Квинта Курция, Псевдо-

Каллисфена). В отдельных описаниях (красота, сила любви, свидание влюбленных, сад и т. д.) поэма зачастую почти дословно следует за позднеантичным романом — «Левкиппой и Клитофонтом» Ахилла Татия,«Эфиопикой» Гелиодора, «Дафнисом и Хлоей» Лонга.

Ряд параллелей существует и с византийской литературой, хотя весьма приблизительная датировка версий поэмы (в основном, редакции XIII в. и записи XIV—XVII вв). не позволяет точно установить, испытывал ли эпос влияние того или иного текста, сам ли оказывал влияние, или оба произведения использовали какой-то общий источник. Так или иначе, установлены отдельные совпадения с Генесием, продолжателем Феофана, Анной Комниной, Феодором Продромом, с некоторыми житиями. Должно быть, общими позднеантичными источниками вызван ряд совпадений с произведениями Евстафия Макремволита, Никиты Евгениана, с более поздними анонимными поэмами XIV—XVI вв.— «Либистром и Родамной», «Флорием и Платцафлорой», «Имберием и Маргароной», «Ахиллеидой», с «Эротокритом» Винцента Корнаро. В отношении последних, в особенности «Ахиллеиды», можно предполагать уже скорее влияние «Дигениса Акрита». Ряд стихов поэмы (в описании сада и дворца) совпадает с аллегорической поэмой о добродетели Феодора (?) Мелитениота (XIII—XIV вв.), причем все это — параллели, общие для ГФ, Т и А.

Среди библейских реминисценций отметим общие места с книгой Бытия, Книгой судей (рассказ о Самсоне), I Книгой царств (рассказ о Давиде и Голиафе), Книгой притч Соломоновых, с Псалмами, и т. д.

Точно так же переплетаются черты народного эпоса и ученой поэмы в художественных приемах «Дигениса Акрита», в его стиле и языке. С одной стороны, мы находим здесь эпический прием повествования Дигениса о своих похождениях, авторские ремарки, свидетельствующие об устной традиции памятника, ведение диалога лишь между двумя лицами, независимо от числа присутствующих, поэтические сравнения, характерные эпитеты, вульгаризмы, переходные формы, приближающиеся к новогреческим. С другой стороны, поэме свойственны риторические описания, дидактические отступления, заимствования из древнегреческих и раннехристианских текстов.

Поэма написана так называемым «политическим» стихом (πολιτικός — «гражданский», «обыденный», также «светский»). Это характерный для средне- и новогреческой поэзии размер. Он употребителен, в частности, в народных песнях. Стих содержит 15 слогов с цезурой после 8-го. Ударение на 2-м и 4-м слогах каждого полустишия — факультативное (оно может стоять и на 1-м и 3-м), а на 6-м (или в 1-м полустишии на 8-м) — обязательное. В этих пределах политический стих допускает известные вариации.

*** * ***

«Дигенис Акрит» представляет собой один из своеобразнейших памятников византийской культуры. Эпический вымысел переплетается здесь с воспоминаниями об исторических событиях, песенность — с позднеантичной риторикой, классицизмы — с формами, близкими к новогреческому языку. Такая причудливая смесь отразилась и в социальной природе поэмы. С одной стороны, мы находим здесь интересные параллели с идеологией провинциальной земельной знати, что позволяет говорить об отдельных феодальных чертах византийского эпоса. Но даже в дошедших до нас сравнительно поздних ученых обработках нетрудно проследить фольклорную основу. Дигенис обнаруживает черты подлинно народного героя; есть все основания полагать, что такими качествами, как отвага, сила, уважение к врагам, сострадание к побежденным и к беднякам, он обязан не ученому редактору поэмы, а народным сказителям, создателям акритского эпоса. Поэму эту, как нам кажется, правильнее всего было бы назвать эпосом с народной основой и феодальными наслоениями.

При всей своей эпичности образ Дигениса глубоко характерен для атмосферы, царившей на византийско-арабских границах. Столь же реален и фон, окружающий героя. Немного памятников средневековой греческой литературы дает нам столько интересных сведений о жизни, о нравах и обычаях жителей восточных областей Византийского государства. Неслучайно «Дигенис Акрит» перекликается с самыми разнообразными византийскими источниками той поры — с историческими хрониками, военными трактатами, житиями. Ни

поэтический вымысел, ни ученая стилизация не заглушают жизненности и историчности этого произведения.

«Дигенис Акрит», в том виде, в котором он дошел до нас, далек от художественного совершенства. Здесь много сухой риторики, дидактики, шаблонных описаний. Отдельные строки, близкие к народной поэзии, чередуются с ученой версификацией. И все же, несмотря на это, поэма не лишена живых, красочных описаний драматических сцен,— вспомним поиски братьями своей сестры, расставание эмира с женой, отчаяние дочери Аплорравда, предсмертную речь Дигениса. Читателя привлечет психологическое мастерство, с которым автор рассказывает о прегрешениях своего героя, делающих его живым человеком, не чуждым людских слабостей. Актуально звучат в наши дни такие идеи поэмы, как уважение к другим народам, терпимость к иноверцам. Автор прославляет мир и спокойствие, установленные героем; прославляет время, когда пленные вернулись к родным очагам, когда не слышно было даже самого упоминания о войне.

Византийский эпос давно вышел за пределы своей родины. Возможно, уже в XII—XIII вв. был сделан древнерусский его перевод или близкий к тексту пересказ. Это — «Девгениево деяние», пользовавшееся в нескольких редакциях большой популярностью на Руси (см. ниже, стр. 173). Около того же времени был, по-видимому, сделан перевод или пересказ нашей поэмы во Фландрии. Об этом свидетельствует фландрское стихотворение «О жизни нашего господа» (ок. 1270 г.), где среди различных старых историй о войнах и о любви упоминается поэма о Дигенисе (Digenen), «мучившемся ради прекрасной женщины». Текст этот, возможно, ограничивался историей Дигениса и Евдокии; он нам неизвестен[545]. Исследование параллелей между византийским и сербским эпосами заставляет предполагать существование древнеболгарских переводов песен о Дигенисе, распространявшихся южнославянскими певцами[546]. Многочисленные параллели с «Тесеидой» Боккаччо и с одним из «Ста рассказов» Джиральди Чинцио (7-я новелла 3-го дня, послужившая материалом для шекспировского «Отелло») говорят о том, что акритский эпос был, возможно еще в XIV—XV вв., занесен греками в Италию[547].

Образ Дигениса отразился и в искусстве. При раскопках в Афинах и Коринфе была найдена керамика XII—XIII вв. с изображениями

воина, поражающего змея. По некоторым деталям (одежда, вооружение) рисунки эти убедительно отождествляются с Дигенисом. Другое такое же изображение — воин, держащий за пасть льва, на плитках пола в церкви св. Екатерины в Фессалонике (ок. XIIв.). Свидетельства эти, если даже они не относились непосредственно к нашему герою, так или иначе доказывают широкую популярность сюжетов «Дигениса Акрита» в тот самый период, когда оформлялись отдельные версии поэмы. Вместе с тем некоторые памятники искусства прямо связываются с героем акритского эпоса. Народное предание видит его изображение в огромной статуе, найденной среди развалин Амафунта и перевезенной впоследствии в Истамбул. По сей день на Кипре показывают две колонны, которые в народе называют «дубинками Дигениса». Имена Акрит и Дигенис мы найдем и в греческой топонимике.

«Символом греческого народа, героизма и человечности» назвал Дигениса один из лучших новогреческих поэтов Костас Паламас (1859—1944). «Дигенис» — такое прозвище принял Георгий Гривас, возглавлявший в недавнем прошлом борьбу за независимость Кипра. Любовь и популярность окружают имя Дигениса в Греции, где о нем поныне поются сотни песен. Образ Дигениса — народного героя-богатыря — надолго пережил Дигениса — знатного византийского воина, воспетого в средневековой греческой поэме.

ВЕРСИИ «ДИГЕНИСА АКРИТА»

Первое известное нам упоминание о Дигенисе Акрите в литературе нового времени принадлежит греческому писателю, монаху Константину Дапонтису (1714—1784). В своей «Книге царств» — компилятивной истории Византии — он говорит о жившем при императоре Романе I Лакапине, знаменитом Василии Дигенисе Акрите, сыне мусульманина и христианки и внуке правителя Каппадокии Андроника. Дапонтис сообщает, что видел два экземпляра рукописи о Дигенисе (с иллюстрациями и без иллюстраций), содержащей восемь книг. Ученый монах, писавший эти строки должно быть уже незадолго до смерти, обещает «если господь продлит его жизнь», переложить «Дигениса Акрита» стихами[548] и издать его. Замысел этот не осуществился, а рукописи, о которых писал Дапонтис, до сих пор остаются нам неизвестными. Судя по тому, что он упоминает о предистории похищения Ирины и об именах ее родителей — Андроник и Анна,— рукописи эти, видимо, представляли редакцию, близкую к А.

В мае 1868 г. греческий историк С. Иоаннидис, собиравший материалы по истории Трапезунта, нашел в одном из монастырей этого города рукопись XVI в., содержащую неизвестную до того времени (свидетельство Дапонтиса было опубликовано в 1880 г.) поэму о Дигенисе Акрите. Версия эта, получившая название Трапезунтской, была издана в 1875 г. Г. Сафой и Э. Леграном[549]. Они сопроводили свое издание обширным введением, теперь уже сильно устаревшим, и французским прозаическим переводом en regard. В 1887 г. С. Иоаннидис предпринял в Константинополе вторичное издание этой версии. К сожалению, судьба рукописи, перевезенной впоследствии из Трапезунта в Анкару, в настоящее время неизвестна.

К этому времени стали известны новые версии поэмы. В 1878 г. епископ Ставрополиса К. Плизиотис обнаружил на Андросе другую рукопись «Дигениса», которая также восходит к XVI в. Эту Андросскую версию в 1881 г. опубликовал А. Милиаракис (издание его было без изменений перепечатано в 1920 г.). В 1941 г. рукопись эта, хранящаяся ныне в Национальной библиотеке Афин (No 1072), была

издана под названием Афинской П. Калонаросом, предпринявшим новое издание ряда версий поэмы (А, ГФ и Э). Публикацию свою он снабдил богатым критическим аппаратом; текст Андросской рукописи дополнен здесь с помощью Трапезунтской.

В 1880 г. С. Ламброс публикует еще одну — Оксфордскую — версию, хранившуюся в Оксфорде в библиотеке Линкольнского колледжа (No 24) и датируемую 1670 г.

Еще за несколько лет до этого византинист И. Мюллер обнаружил в монастыре Гротта-Ферраты близ Рима рукопись поэмы, относящуюся к XIV в. (Z. α XLIV). Между И. Мюллером и А. Н. Веселовским велись переговоры, имевшие целью издание Гротта-Ферратской версии русской Академией наук. Предполагалось параллельное издание сводного текста (ГФ, дополненной по Т и А) и ГФ[550]. К сожалению, И. Мюллер сильно затянул работу по этой публикации и совсем отказался от нее, после того как Э. Легран, получивший из Гротта-Ферратской библиотеки копию рукописи, издал ее в 1892 г. Публикация Э. Леграна с отдельными исправлениями была переиздана в 1902 г.; позже ее опубликовал в уже упомянутом издании П. Калонарос, а в 1956 г.— английский ученый Дж. Маврогордато, сопроводивший свое издание подробным введением, примечаниями и английским переводом.

В 1898 г. стало известно, что Д. Пасхалис нашел на Андросе прозаическую версию памятника, датированную 1632 г. Версия эта была опубликована им лишь в 1928 г. Рукопись находится в библиотеке Фессалоникского университета. Наконец, в 1904 г. К. Крумбахер обнаружил в рукописи XVI в. из Эскуриальской библиотеки (Ψ — IV —22) еще одну стихотворную версию «Дигениса Акрита». Полная публикация Эскуриальской версии была осуществлена в 1912 г. Д. Хесселингом; в 1941 г. ее вновь издал П. Калонарос.

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении тексты «Дигениса Акрита». Отметим, что наряду со свидетельством К. Дапонтиса, нам известны и другие (правда, менее достоверные) упоминания о текстах поэмы, так и оставшихся не обнаруженными. В 1880 г. появилась газетная заметка («Ἐφημερίς», 23 ноября 1880 г.), из которой явствовало, что Э. Легран нашел в Константинополе и собирается опубликовать древнейшую версию поэмы, написанную ямбическими стихами и содержащую имя автора. Никаких других сведений об этой

«Константинопольской версии» мы не имеем. Возможно, упомянутая заметка явилась результатом недоразумения. Другое аналогичное сообщение содержится в предисловии С. Иоаннидиса к его изданию Трапезунтской версии. По его словам, доктор Мордтманн сообщил ему, что видел в Константинополе прозаическую версию «Дигениса Акрита», по-видимому, восходящую к XVI—XVII вв. Свидетельство это также не получило до сих пор никакого подтверждения.

*** * ***

Гротта-Ферратская версия поэмы дошла до нас в рукописи на 79 листах. Рукопись датируется XIV в., переписчиком был, по-видимому, грек из Южной Италии. Поэма занимает здесь л. 1—73. ГФ содержит 3749 строк и делится на 8 книг. Заголовок в рукописи отсутствует. Поэме предшествует введение, где в 29 стихах перечисляются завоевания Дигениса. Следует заметить, что составитель этого введения, по-видимому, монах, не был даже хорошо знаком с памятником: Дигенису здесь приписывается ряд подвигов, совершенных, согласно тексту, эмиром и дядей эмира. Можно предположить даже, что введение это первоначально было связано с другой редакцией поэмы.

Содержание I книги — похищение эмиром девушки, его согласие принять христианство и жениться на ней; II — их свадьба и отъезд эмира к матери в Сирию; III — обращение матери эмира в христианство и их совместное возвращение в Романию. С IV книги начинается жизнеописание Дигениса — первая охота, похищение им дочери стратига Дуки, их свадьба, переселение на границу, посещение Дигениса императором Василием. V кн. — эпизод с дочерью эмира Аплорравда; VI — убийство Дигенисом дракона и льва, напавших на его жену, его победы над апелатами и над девой-воительницей Максимо; VII — описание сада и жилища Дигениса, смерть его отца и затем — матери; VIII — смерть самого героя и его жены, их погребение.

Повествование ведется в третьем лице, за исключением V и VI книг, где герой сам рассказывает о себе. Перед нами достаточно правильный литературный греческий язык XI—XIII вв., не свободный,

правда, от вульгаризмов. Вместе с тем чувствуется влияние памятников позднеантичной и византийской литературы и греческого перевода Библии. Лакун и трудных для понимания мест в тексте почти нет. Это выгодно отличает ГФ от остальных версий. Другое преимущество ГФ — простота и ясность изложения, стройность композиции. Представленная наиболее древней рукописью, ГФ вместе с тем, по мнению исследователей, в целом лучше других версий отражает первоначальную редакцию поэмы[551]. Ряд особенностей этой версии придает ей специфически византийские черты — больший, сравнительно с другими версиями, историзм, обилие деталей, характерных для обстановки того времени, ряд выражений из военной и административной областей. Встречаются здесь и отсутствующие в других версиях отголоски отдельных событий (например, свидетельство об обесценивании монеты — IV, 705; упоминание о дани, которую империя платила Иконию —IV, 1042 сл. и др.), что весьма существенно для датировки как самой ГФ, редактировавшейся, по всей вероятности, в XIII в., так и первоначальной редакции поэмы. Все это побудило нас предпринять перевод именно с текста ГФ.

Одновременно ГФ носит явные следы ученой, монашеской обработки. Фольклорный, сказочный элемент здесь в известной мере отступает на второй план. Многочисленны литературные реминисценции, большинство которых, кстати сказать, наиболее хорошо передано именно в ГФ. Встречаются риторические отступления в стиле поздней античной софистики (например, рассуждения о могуществе любви в начале III и IV книг, о заблуждениях юности — в начале V, о красоте мая — в начале VI, о тщете всего земного — в начале VIII). Изложение неоднократно и часто без особой нужды прерывается авторскими объяснениями и поучительными сентенциями. Принадлежность автора ГФ к церкви особенно ярко проявляется в благочестивых отступлениях — как при изложении тех или иных событий, так и в речах героев. Особенно показательна в этой связи III книга, посвященная, по сути дела, пропаганде христианства среди мусульман (речь эмира к матери). И вместе с тем автору хорошо известны мусульманские реликвии, сплошь и рядом он тепло и без всякой вражды говорит о мусульманах;

с другой стороны, он отдает дань античной культуре и языческим суевериям.

Рукопись Трапезунтской версии содержит 90 листов и датируется XVI в. В поэме 3182 политических стиха, десять книг. К сожалению, рукопись в довольно плохом состоянии: здесь целый ряд лакун, часть их — следствие утраты отдельных листов рукописи, часть вызвана пропусками в тексте, служившем оригиналом переписчику. Особенно досадны лакуны первого рода — мы лишены всей I книги Т, начала II, части VII, конца X, и это — лишь самые крупные пропуски. Уцелевшая часть II книги начинается с поисков братьями сестры в лагере эмира; повествование обрывается на предсмертной речи Дигениса к своей жене.

Язык Т также литературный, но уже менее правильный, чем ГФ; здесь значительно больше вульгаризмов. Все же, сравнительно с другими версиями, Т стоит ближе всего по языку к ГФ, хотя ее изложение не отличается такой же ясностью. Немало мест в тексте свидетельствует о непонимании переписчиком находившегося в его распоряжении оригинала. Однако Т — отнюдь не более поздний и худший вариант ГФ, а во многом самостоятельная редакция. Отдельные ее эпизоды (первая встреча Дигениса с апелатами; рассказ о воине Анкиле, сраженном героем; расправа Дигениса над поваром) отсутствуют в ГФ. Как и остальные версии, она в отличие от ГФ называет императора, посетившего Дигениса, Романом, а в конце VII книги сообщает о дарах, посланных герою императором Никифором. Эта версия дает интересные варианты имен действующих лиц поэмы, отдельные новые детали в генеалогии героя. Вместе с А она приводит не встречающееся в ГФ имя жены Дигениса — Евдокия. Интересно упоминание здесь μαγούλιοι, обозначающее, по всей видимости, монголов и позволяющее вместе с некоторыми другими свидетельствами отнестп составление Т ко второй половине XIII в.

Рукопись Андросской поэтической версии содержит 189 листов. Рукопись находится в хорошем состоянии; по почерку ее относят к XVI в. А — самая большая по объему версия «Дигениса Акрита» — в ней 4778 политических стихов, разделенных на 10 книг. Поэме предшествует заголовок «Ευστάθιου προς τίναΜανουήλ προσφιλέστατον αυτού, Δέκα Λόγοι περί του Διγενούς 'Ακριτου και των γονέων» («Евстафия любимейшему его Мануилу Десять книг о Дигенисе

Акрите...»), на основании которого греческий ученый А. Хадзис пытался в ряде статей доказать, будто автором «Дигениса Акрита» был византийский писатель Евстафий Макремволит (XII в.). Однако тождество упомянутого здесь Евстафия с Евстафием Макремволитом крайне сомнительно; как уже говорилось, он был, по всей вероятности, лишь редактором (а то и просто переписчиком) А, приписывать ему авторство первоначальной редакции поэмы нет никаких оснований. В распределении содержания по книгам А в точности совпадает с Т. Столь же близки эти версии и в текстовом отношении,— сплошь и рядом дословно совпадают целые отрывки и содержатся даже общие ошибки. Это заставляет предполагать наличие общего прототипа для Г и А. Вместе с тем в основе А лежал более полный оригинал, при этом рукопись ее сохранилась гораздо лучше. Благодаря этому она дает немало ценных дополнений к Г. Это, прежде всего, I книга — предистория похищения матери Дигениса. А содержит начало II и конец X книг, отсутствующих в Т, а также восполняет немало лакун этой версии (например, эпизод борьбы Дигениса с воином стратига Дуки Судалисом). По языку она стоит ближе к народному и дальше от литературного, чем Т, и носит в сравнении с ней более однотипный характер. Исследователями отмечалось, что А содержит ряд более поздних добавлений, что вместе с Г она представляет более позднюю редакцию поэмы, нежели ГФ и Э[552]. Таким поздним добавлением, в частности, является, возможно, и содержание ее первой книги. Что касается датировки первоначального варианта А, содержащей те же исторические реминисценции, что и Г, то его возникновение также может быть отнесено ко второй половине XIII в.

А1 дошла до нас в рукописи на 107 листах, датированной 1632 г. и сохранившей имя переписчика — Мелетия В ласта. Листы 1, 24, 52, 53, 101 утрачены. Это единственная известная нам прозаическая обработка «Дигениса Акрита». Версия содержит 10 книг, каждой из них предшествует краткое изложение содержания в 5—6 строк. Композиционно Аι полностью совпадает с А; встречаются буквальные повторения отдельных выражений и даже целых стихов. Вместе с тем нельзя утверждать, что А1 просто пересказывает А; трудно даже сказать, восходят ли эти версии к одной и той же редакции. В отличие от А, А1 следует в отдельных местах Г, «9, ГФ; описание болезни жены эмира Аплорравда вообще содержит детали, не встречающиеся в

других версиях. Таким образом, прототип А1, по-видимому, несколько отличался от А. Язык А1 представляет собой смесь народных и литературных форм, с явным преобладанием разговорного элемента. Здесь отразились некоторые черты хиосского диалекта.

Эскуриальская версия сохранилась в рукописи, содержащей на 228 листах различные произведения светского и религиозного содержания. «Дигенис Акрит» занимает здесь л. 139—185 об. и 198—201. Рукопись датируется XVI в. По-видимому, она была задумана как иллюстрированная: на листах, занятых «Дигенисом Акритом», насчитывается в общей сложности 34 пустых места, размером в 6—9 строк каждое,— можно вспомнить здесь свидетельство К. Дапонтиса (см. выше, стр. 164). Версия эта не разделена на книги и содержит 1867 стихов. Начало поэмы утрачено, и текст начинается с поисков братьями своей сестры, похищенной эмиром. Изложение событий в целом соответствует ГФ, А, Т и ведется лишь более лаконично. Здесь имеются эпизоды первой встречи Дигениса с апелатами и битвы его с Судалисом, отсутствующие в ГФ. С другой стороны, нет сцены посещения Дигениса императором и истории с дочерью Аплорравда, известных по остальным версиям, и некоторых других эпизодов. Так же как и в ГФ, здесь отсутствует рассказ Дигениса об Анкиле, сообщение о награде, пожалованной герою императором Никифором (ср. А, Т). Зато в отличие от остальных версий Э упоминает о мосте и гробнице, построенных Дигенисом. Э заканчивается сценой смерти Дигениса и его жены, описание плача по ним и похорон отсутствует. К сожалению, на основании этого текста мы не можем составить себе достаточно точное представление о его прототипе, ибо Э дошла до нас в крайне неудовлетворительном состоянии; рукопись изобилует лакунами, за счет которых можно отнести пропуск в Э отдельных эпизодов поэмы. Нередко встречаются бессмысленные стихи, отдельные слова зачастую предстают в совершенно искаженном виде, а многие строки требуют перестановки. Текст Э очень относительно можно назвать стихотворным,— нарушения ритма встречаются на каждом шагу, причем с уверенностью восстановить ритмический рисунок оригинала зачастую нет никакой возможности. Тем не менее Э вызвала значительный интерес среди исследователей. Причина этому — ее язык и стиль: среди известных текстов «Дигениса Акрита» она больше всех наделена чертами фольклорной поэзии, язык ее —

народный, с характерными чертами критского диалекта XV—XVI вв. Отдельные отрывки Э обнаруживают явное сходство с народными песнями. Это натолкнуло К. Крумбахера на мысль о том, что первоначальная редакция «Дигениса Акрита» была составлена на народном языке и Э ближе всех других версий стоит к этой редакции[553] (ср. выше, стр. 159). Такая высокая оценка Э отнюдь не встретила общей поддержки. Уже Д. Хесселинг указал на ряд мест Э, представляющих собой искажение текста, представленного другими версиями, и предположил, что Э является более поздней обработкой памятника, испытавшей воздействие народной поэзии[554]. Следует отметить, что и Э содержит явные следы ученого текста,— здесь мы также находим античные и библейские реминисценции, дидактические отступления. Как уже говорилось, состояние ее заставляет предполагать, что Э воспроизводит устную традицию памятника, а это требует осторожного подхода к проблеме соотношения Э с первоначальной редакцией поэмы. В то же время сопоставление Э с другими версиями показывает, что в ряде мест она вместе с ГФ отражает более старую традицию поэмы нежели А и Т[555]. Отдельные исторические реминисценции, в частности, вероятное упоминание Никеи (την Ικέαν) делают возможной датировку прототипа Э XIII в. Возможно, что такой текст, как 3, мог в свою очередь оказывать влияние на народную поэзию.

Оксфордская версия дошла до нас в рукописи на 127 листах. Поэма занимает в ней л. 8—107, затем следует религиозный текст. Рукопись поэмы сохранила имя версификатора — хиосского монаха Игнатия Петрици, закончившего свой труд 25 ноября 1670 г. и посвятившего его константинопольскому священнику Хрисанфу. Заглавие рукописи гласит: Διήγησις ωραιότατη του ανδρειωμένου Διγενή. («Прекраснейший рассказ о храбром Дигенисе»). Рукопись содержит 3094 стиха и разделена на 8 книг. Прототип ее был, по-видимому, близок к редакции, представленной А, которую О довольно точно повторяет в более сжатом виде (I—VII книги О = I—VII А, а VIII О == VIII—X А). Оксфордская версия — хороший образец народного языка XVII в. со следами хиосского диалекта. Стих ее — с парной рифмой; по-видимому, такого рода версификацию и имел в виду Дапонтис, не знавший о существовании подобной обработки. Здесь мы также встречаем античные и библейские реминисценции. Петрици опускает

сцену насилия Дигениса над повстречавшейся ему в пустыне девушкой. Вместо арабов в поэме упоминаются более знакомые редактору турки. В описании свадебных и похоронных обрядов у Петрици фигурируют священники, отсутствующие в других версиях поэмы. Для восстановления архетипа «Дигениса Акрита» О представляет мало интереса.

*** * ***

Византийский эпос о «Дигенисе Акрите» тем более интересен для нас, что уже в древней Руси существовал перевод или пересказ этого памятника, вошедший в историю литературы под названием «Девгениево деяние». В настоящее время известно четыре списка этой повести. Ниже мы вкратце остановимся на этих списках[556].

Один из них находился в рукописном сборнике XV—XVI вв., который принадлежал А. И. Мусину-Пушкину и сгорел во время пожара Москвы в 1812 г. Из рукописи этой успели опубликовать лишь знаменитое «Слово о полку Игореве», что касается интересующего нас текста, то сохранился лишь краткий пересказ и несколько выписок из него, сделанные Н. М. Карамзиным. Сначала здесь повествовалось о событиях, предшествовавших рождению героя — похищение его матери амиром (эмир), поиски сестры тремя ее братьями, женитьба эмира. Затем следовали подвиги юного Девгения: победа над Филипатом (Филопапп) и Максимой (Максимо); наконец, ухаживание героя за Стратиговной (Евдокия), похищение ее, победа над ее отцом и братьями и свадьба, где, между прочим, описывалось приданое, пожалованное стратигом зятю. Судя по особенностям языка и графики единственного известного нам текста сборника — «Слова о полку Игореве»,— можно предположить, что Мусин-Пушкинская {МП) редакция — северо-западного происхождения и относится, по-видимому, к XV—XVI вв. Знакомый с МП Карамзин отмечал «древность слога» памятника и относил возникновение этой «старинной русской сказки» к XII—XIII вв.[557]

К утраченной МП близко стоит другая редакция повести, обнаруженная Н. С. Тихонравовым и опубликованная в 1922 г. М. Н. Сперанским, предпринявшим детальное исследование древнерусской

повести и издавшим все известные ему тексты «Девгениева деяния». Тихонравовская редакция {Тих.) сохранилась в двух отрывках в рукописи, датированной 28 февраля 1744 г. и сохранившей имя переписчика — Семена Малкова. Один отрывок носит заголовок «Житие Девгения», повествование начинается здесь с юношеских подвигов героя. Описывается первая охота — победа над медведицей, медведем, лосем и львом; затем — омовение, во время которого герой убивает прилетевшего к источнику трехглавого змея, и переодевание. В другом отрывке (начало его утрачено) герой похищает Стратиговну и затем побеждает ее отца, вышедшего на него с большим войском. Следует описание пышной свадьбы и богатого приданого. После описания свадьбы начинается «Сказание како победи Девгений Василия царя». Слава о герое доходит до царя Василия и тот, желая одержать над ним победу, выступает с войском к Евфрату. Девгений обращает в бегство воинов Василия, побеждает в единоборстве самого царя, вступает в его город и начинает там царствовать. Здесь упоминается об отпуске на волю пленных и среди них «Канама со Иаакимом»,— вспомним Киннама и Иоаннакиса из «Дигениса Акрита». На этом кодчается второй отрывок Тих. Любопытный эпизод с победой над царем, известный только из этой редакции «Девгениева деяния», привлек к себе внимание исследователей; на его основе были выдвинуты интересные, вызвавшие оживленную полемику гипотезы, на которых мы уже останавливались (стр. 146 сл.). Путем тщательного анализам. Н. Сперанский показал, что МП и Тих. «в пределах соответствия самого текста по содержанию» восходят к одному основному тексту, отличавшемуся значительной архаичностью[558].

Еще один список повести был обнаружен в 1857 г. А. М. Пыпиным в сборнике из собрания М. П. Погодина. Погодинскую редакцию (П) издал в 1858 г. Пыпин, а впоследствии — Сперанский. Она содержится в рукописи конца XVII — начала XVIII в. Текст повести содержит две части. Первая носит заглавие: «Деяние прежних времен и храбрых человек, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгения». Повествование начинается с похищения эмиром девушки и существенно отличается в отдельных деталях от греческих редакций. Описываются свадьба, рождение Девгения, первая охота героя на 14-м году жизни. Вторая часть, озаглавленная: «Послание Филипъпапы и от дочери его Максимианы к Девгению

прекрасному» также отличается любопытными деталями. Услышав о подвигах Девгения, Филиппапа и его дочь Максимиана задумали одолеть юношу. Они прибывают с войском к Евфрату, и Максимиана посылает Девгению письмо, прося его прийти туда же с немногими людьми, чтобы она могла полюбоваться на него. Сцена эта во многом напоминает эпизод с царем из Тих. Отец отговаривает героя от встречи с ними, но тот подъезжает к Евфрату. Он побивает вражеское войско, а Филиппапу и Максимиану сбивает с коней и связывает. Те просят у героя пощады, и Максимиана предлагает взять ее в жены. Тут Девгений смотрит в книгу «О житии своем и о смерти» и узнает, что если женится на Максимиане, то проживет 16 лет, если же возьмет в жены прекрасную Стратиговну, будет жить 36 лет. Затем он отправляет Филиппапу и Максимиану пленниками к своим родителям. Следует описание его встречи со Стратиговной, которая в отличие от Евдокии греческой поэмы, охарактеризована как храбрая воительница («мужескую дерзость имеет»). Она видит героя из окна и через кормилицу просит его вернуться назад, пока не приехал ее отец и братья. Здесь текст П обрывается.

По ряду особенностей языка П близка к МП и Тих. Вместе с тем редакция эта, как показал Сперанский, довольно плохо сохранила оригинальный старый текст повести, главным образом в отношении композиции. Ее следует признать более поздней, «обрусевшей» редакцией «Девгениева деяния», носящей явные следы обработки редактора XVII—XVIII вв. в стиле русской воинской повести и устно-народного творчества.

В 1953 г. В. Д. Кузьминой был опубликован найденный ею список «Девгениева деяния» из рукописи середины XVIII в. собрания А. А. Титова. Титовская редакция повести {Тит.), как показала В. Д. Кузьмина, по ряду признаков (фразеология, композиция) представляет собой общую с П редакцию. Вместе с тем Тит. отличается большей архаичностью лексики и большей полнотой, нежели П. Повествование начинается с разговора матери похищенной девушки с сыновьями, которых она призывает спасти сестру (первый лист рукописи утрачен). Изложение довольно точно соответствует П. Побежденный эмир возвращает братьям девушку, затем приезжает к ней и крестится; от их брака рождается Дигенис. Следующая часть озаглавлена: «Преждени (ошибка вместо «О рождении») Девгениеве сына Амира цара». Здесь в

целом сходное с П описание детства Девгения и его первой охоты. Наконец, третья часть озаглавлена (в исправленном издателем виде): «О Девгениеве храбрости писание како сотворили сие послание Филипат и Максимияна девица». И здесь изложение сходно с П, но не обрывается, а доводится до конца,— Девгений похищает Стратиговну, одерживает победу над ее отцом и братьями, после чего отправляется с ней в дом стратига, где они три месяца справляют свадьбу. Затем герой возвращается к своим родителям и счастливо живет с женой до самой смерти. Заключительные слова: «Конец оной истории» заставляют предполагать, что в прототипе Тит. и П эпизод с царем Василием отсутствовал. Несмотря на неудовлетворительную орфографию, Тит. дает сравнительно с П целый ряд лучших чтений,— по-видимому его оригинал старше, чем оригинал П и лучше сохранил первоначальный текст «Девгениева деяния».

Как мы видим, редакции «Девгениева деяния» дошли до нас в довольно плохой сохранности и даже в совокупности передают далеко не все эпизоды греческой поэмы. Мы, впрочем, и не имеем достаточных оснований полагать, что «Дигенис Акрит» был полностью переведен на русский язык[559]. По-видимому, первоначальная редакция повести, как предполагал уже Карамзин, возникла в XII—XIII вв., вероятно, в Галицко-Волынском княжестве, в период расцвета жанра воинской повести в древнерусской литературе (перевод «Иудейской войны» Флавия, «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского» и др., с которыми повесть эта обнаруживает значительное стилистическое и лексическое сходство). Известные нам редакции восходят, по всей видимости, к одной и той же редакции, переведенной с неизвестного греческого текста. Несомненно, повесть эта пользовалась значительной популярностью, — не случайно она стоит в известных нам списках рядом с такими произведениями, как «Слово о полку Игореве», «Сказание о трех богатырях» и т. д. Отзвуки этой популярности сохранили нам Псковская летопись (под 1265 г.) и «Житие Александра Невского», сравнивающие своих героев с «Акритом»[560].

До тех пор, пока не будет обнаружен греческий оригинал «Девгениева деяния», пока нам неизвестна первоначальная редакция «Дигениса Акрита», все предположения о том, насколько близка русская повесть к этой первоначальной редакции будут более или

менее гипотетичными. Встает также неразрешимый пока вопрос о том, насколько точно передает русская повесть греческий оригинал. Сравнение с отдельными местами Т и А, с которыми «Девгениево деяние» обнаруживает большее сходство, чем с остальными версиями, а также сравнение с ГФ, привело Сперанского к предположению о том, что русская повесть представляет собой не пересказ, а перевод[561], но степень точности этого перевода остается пока неизвестной. «Девгениево деяние» как сюжетно, так и стилистически наделено фольклорными, сказочными чертами; вместе с тем до нас дошли лишь сравнительно поздние редакции повести, и это сильно затрудняет выделение в ее тексте элементов византийского эпического творчества. Следует отметить, что фольклорный характер повести сам по себе еще не служит доказательством наибольшей древности ее оригинала,— об этом говорит хотя бы пример Эскуриальской версии. С отмеченной особенностью связано почти полное отсутствие в повести исторических реминисценций; это существенно отличает ее от ГФ, А, Т и весьма затрудняет датировку ее греческого оригинала.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий перевод сделан с Гротта-Ферратской версии памятника в издании Дж. Маврогордато; причины, обусловившие такой выбор, указаны выше. При переводе были учтены конъектуры и толкования издателей ГФ —Э. Леграна, П. Калонароса, Дж. Маврогордато (см. библиографию). Отдельные пропуски в рукописи восстановлены с помощью Трапезунтской и Андросской версий.

При переводе мы следовали установившейся у нас традиции передачи политического стиха пятнадцатисложным ямбическим стихом с цезурой после восьмого слога. Такой размер достаточно близок звучанию подлинника; вместе с тем мы, как правило, отказывались от переноса ударения на нечетный слог, как это нередко свойственно политическому стиху. В передаче собственных имен мы следовали тексту рукописи; соответствующие толкования даны в комментариях.

---

notes

Примечания

1

Заголовок в рукописи отсутствует. Вступление это, написанное ямбическим триметром, принадлежит по-видимому какому-нибудь монаху, лишь в общих чертах знакомому с поэмой. Герою здесь приписываются подвиги его отца — эмира (Сирия — I, 292; IV, 39;- Харсиана и Каппадокия — I, 56; IV, 42; Аморий и Иконий — I, 295) и дяди эмира (Анкира, Смирна, поход к морю — II, 75 сл.). Упоминания об Армении в ГФ вообще нет, оно встречается в Э 263, где также идет речь о завоеваниях дяди эмира. Не исключена возможность, что вступление это было первоначально связано с другой редакцией поэмы.

2

Акрит (Акρίτας, Άκρι'της) «пограничник» — прозвище героя поэмы, олицетворявшего доблесть акритов (άκραι — границы) — воинов, селившихся на границах империи, где они обрабатывали землю и защищали ее от набегов врагов Ср. стр. 128.

3

В 630-х годах Сирия переходит во власть арабов, которые в течение веков удерживают ее. С конца IX в. византийцы совершают ряд успешных военных операций в Северной Сирии, а с конца 950-х годов начинают активное наступление на эту область. В результате успешных походов императоров Никифора Фоки (963—969), Иоанна Цимисхия (969—976), Василия II (976—1025) значительная часть Сирии с Антиохией, Дамаском и другими городами снова переходит во власть Византии. Но уже во 2-й половине XI в. земли эти были завоеваны турками-сельджуками

4

Вавилон — в византийской литературе название это иногда обозначает Каир, Рим, Багдад. В последнем значении оно здесь, по-видимому, и употребляется. Согласно А 303, Багдад — родина эмира, отца Дигениса. Город этот, основанный халифом Аль-Мансуром в 762 г., в продолжение почти пяти веков до завоевания его в 1258 г. монголами был столицей Аббасидского халифата. В этот период своей истории Багдад часто становился ареной междоусобия внутри халифата; в руках византийцев город этот никогда не находился.

5

Харсиана (Χοφζιάνη, также Χοφσιανον) — пограничная область, выделившаяся к концу VIII в. из византийской фемы (θ-έμα) Армениак в качестве клисуры (κλεισούρα). Фемы — военно-административные единицы империи, управлявшиеся стратигами; начало их формирования относится к VII в. В начале IX в. в азиатской части Византии существовали следующие девять фем: Анатолик, Армениак, Фракисийская, Опсикий, Букеллариев, Каппадокия, Пафлагония, Халдия, Колония. Клисурами назывались пограничные крепости с прилегающими к ним сравнительно небольшими территориями; во главе их стояли клисурархи. В указанный период на восточных границах Византии было две клисуры: Харсиана и Селевкия. К середине IX в. Харсиана стала фемой (см. E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 50). Местность эта, расположенная к северо-востоку от северных границ с Сирией, была в IX—X вв. ареной ожесточенной борьбы греков с арабами. В результате военных успехов Византии в X — начале XI в. границы империи отодвинулись на восток и па юг от Харсианы.

6

Армения была завоевана в конце VII в. арабами и лишь с восшествием на престол Ашота I (886) начала постепенно освобождаться от зависимости. В начале X в. халифат всячески противодействует консолидации армянского государства, арабы совершают неоднократные набеги на страну. Несмотря на это, в X в. армянское Анийское царство значительно усиливается. К концу X в. начинается экспансия Византии, которая захватывает южноармянские земли, освободившиеся от арабов. К 1045 г. Византия присоединяет все Анийское царство. Однако уже через несколько десятилетий земли эти перешли к туркам-сельджукам. Упоминание в подобном перечне Армении (как и ряда других областей) могло относиться поздними переписчиками поэмы как к Дигенису, так и к его мусульманским предкам (см. выше прим I 1—29).

7

Каппадокия — византийская фема на юго-востоке Малой Азии, прилегающая к северным границам Сирии. Родина героя поэмы (ср. III, ?106; tVII, 2). К середине IX в. была пограничной фемой,|но уже в результате походов Василия I (867—886) греки добиваются здесь существенных успехов, а к середине X в граница империи переносится далеко на восток от Каппадокии, доходя до Евфрата.

8

Аморий — город в малоазийской области Фригии; входил в фему Анатолик. В VII—VIII вв. подвергался неоднократным нападениям арабов. В 838 г. был взят и разрушен халифом Мутасимом (833—842). Впоследствии город был восстановлен, но в 931 г. был сожжен эмиром Тарса Тамалом, после чего не играл никакой роли. В настоящее время представляет собой развалины.

9

Иконий — город во Фригии, юго-восточнее Аморий, совр. Кония. Был центром фемы Анатолик. После захвата его турками стал столицей образовавшегося в] 1077 г. Иконийского султаната, просуществовавшего до начала XIV в.

10

Анкира — город в Галатии, центральной области Малой Азии, совр. Анкара. Была центром фемы Букелляриев. В VII—IX вв. неоднократно подвергалась набегам арабов. В 838 г. была захвачена халифом Мутасимом, но затем снова перешла к грекам. В 871 г. подверглась набегу павликиаи (см. стр. 129). В 70-х годах XI в. была захвачена турками.

11

Смирна — город на западном побережье Малой Азии, совр. Измир. В VII—IX вв. служила ареной столкновения византийцев с арабами. В 1092 г. была захвачена турецким морским разбойником Цахасом, но с 1097 г. снова перешла к Византии. Турки окончательно овладели городом лишь в начале XV в.

12

Здесь, по-видимому, имеется в виду южнее побережье Малой Азии.

13

Феодор Стратилат («военачальник») и Феодор Тирон («новобранец») — христианские свитые. Согласно легендам, жили в Малой Азии и пострадали за веру в начале IV в. Возможно, образы их возникли из преданий, первоначально группировавшихся вокруг одного лица (См. H. D e 1 e h a y e. Les legendes grecques des saints militaires. Paris, 1109 p. 11—Щ. Of a Феодора считались покровителями воинов.

14

Георгий — один из популярнейших христианских святых. Согласно легендам, происходил из знатной каппадокийской семьи и был обезглавлен в начале IV в. при императоре Диоклетиане (284—305). Вокруг образа Георгия сложилась огромная литература —жития, сказания, народные песни,— испытавшая влияние легенд древнего востока (образы«'Митры, Таммуза и т. д.). Наиболее распространенное его изображение — в виде вооруженного всадника, поражающего копьем дракона. В IX—X вв., с усилением военно-служилого сословия при императорах Македонской династии, в Византии усиливается культ святых-воинов, и Георгий занимает среди них первое место, почитаясь как покровитель воинов.

15

Димитрий — по преданию, великомученик из Фессалоники, также пострадавший при Диоклетиане. Наряду с Георгием, Феодорами, Меркурием, Евстафием и другими святыми также почитался в Византии покровителем войной.

16

Агаряне — прозвище арабских племен, родоначальницей которых, согласно легенде, была Агарь, наложница библейского патриарха Авраама.

17

Исмаилътяне — другое название арабов — по имени сына Агари Исмаила, поселившегося, согласно библейской легенде, в Аравийской пустыне и ставшего родоначальником арабов.

18

Именем скифов в Византии нередко обозначались различные народы, жившие к северу и западу от империи. Здесь, может быть, имеются в виду куманы (половцы) — тюркское племя, селившееся в южно-русских степях. Ср. аналогичное употребление σκυ-9-οι у Анны Комниной (1083 — ок. середины XII в.),— Anna C o m η e η a. Alexiadis, libri XV, vol. I, ed. L. Schopenus. Bonnae, 1839, p. 330 sq.

В XI—XIII вв. куманы совершали частые набеги на русские земли, проникли на Балканы и в Малую Азию. В конце XI в. при императоре Алексее I Комнине (1081—1118) куманы были опасными противниками империи. В XII — XIII вв. они выступали в союзе с Болгарским царством. Никейский император Иоанн Ватаци (1222—1254) селил их в качестве воинов-земледельцев на границах своей империи. Стих этот существен для датировки вступления.

19

Начало ГФ соответствует А 302 (II книга).

20

Эмир ('αμηρας от араб, аипг — «вождь», «начальник»), первоначально — название полководца; с халифа Омара (634—644) — титул правителя. Т 3070, А 302, 4306 называют эмира, отца Дигениса, Мусур (Моизоър).

21

Под эфиопами здесь подразумеваются мусульмане Египта и северной Африки. Так же, как и в случае со скифами, здесь — характерный прием обозначения современников с помощью старого названия. Ср. у Георгия Пахимера (1242—ок. 1310) —Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis, libri XIII, vol. I. Rec. I. Bekkerus. Bonnae,] 1835, p. 178 sq.; 428i7. Схожее описание — в романе Гелиодора (III в.). «Эфиопика» (VII, 10).

22

Густые... — условный перевод πεπανόν (?)

23

... И взгляд живой... Ср. описание красоты у Ахилла Татия (V в.) в «Левкиппе и Клитофонте» (кн. 1, гл. 4).

24

С IX в. турки часто служили наемниками в арабских войсках.

25

Дилебиты (Διλεβίτας), по-видимому, тождественны тюркскому племени дилемитам (ср. E. Honigmann. Op. cit., S. 164), которые были известны византийцам еще с VI в.

26

Арабов ... В тексте — 'Αραβΐται (= 'Άραβοι). Ср. ГФ II, 154.

27

Троглодитами (ΤρωγλοΒυται, букв, «пещерные жители») греки называли в древности жителей африканского побережья Красного моря (совр. Эфиопия, Эритрея), название это встречается, например, в «Эфиопике» (VIII, 16; IX, 16), позже в том же значении у Анны Комниной (v. I, p. 3129). Интересно, что Лев Диакон (2-я половина X в.) говорит в своей «Истории» (Leonis Diaconi Caloensis historiae libri X, ex rec. C. B. Hasii, vol. I, Bonnae, 1828, p. 355) о троглодитах в Каппадокии.

28

Вместо гулабиев (Γουλαβίους) следует, очевидно, читать «гуламии» (от араб, ghulam — слуга на военной службе, дружинник), что примерно соответствует греч. άγουροι (см. ниже, прим. II, 2).

29

... кто у него служил ... — άδνουμιάτας— набранные, занесенные в списки воины (от аВуооулсл/.лат. ad nomen).

30

Романией (Ρωμανία) средневековые греки называли Византию, считавшуюся, согласно официальной идеологии, законной преемницей императорского рима (Ρώμη). Соответственным образом употреблялись (как и в нашей поэме) слова «ромей», «ромейский» (ρωμαίος) в качестве синонимов византийского, греческого, христианского.

31

Иракл, чаще—Ираклия (Ηρακλέος, ср. 1,294—Ηράκλεια) — крепость на пути из Киликии (юго-восточная область Малой Азии) в Иконий. Совр. Эрегли. Неоднократно переходила то к арабам, то к грекам. В 1091 г. была захвачена турками.

32

См. выше, прим. к 6 и 7.

33

Стратиг — титул полководца, также — начальника фемы (см. выше прим. К 6), области.

34

О ссылке отца девушки см. ниже прим I, 270.

35

... язычники ... буквально «народы» (εθ-νη). Так, следуя библейской традиции, называли византийцы всех нехристиан, в том числе и мусульман.

36

все пятеро ... В «Девгениевом деянии» (МП, П и Тит.) —их трое.

37

Здесь τά φουσσατα употреблено в своем первоначальном значении (=fossatum; ср. ниже, I, 210). Обычное его значение в византийской литературе — «армия».

38

Непроходимое (букв: «труднопроходимое») ущелье (κλεισούραν... Δύσκολον; ср. «страшные ущелья» — Βεινάς κλεισούρας, A 976), по-видимому, обозначает Киликийские ворота (Гюлек-Богаз) — проход в горах Центрального Тавра (юго-восток Малой Азии).

39

Панорм — быть может, имеется в виду город на северном побережье Сицилии, совр. Палермо. В 831 г. был захвачен арабами, в 1072 г. перешел в руки норманнов. В таком случае, это — единственная ссылка в ГФ на город в Европе. Неизвестно, какая мусульманская святыня имеется здесь в виду. Сопоставляется также с Πανόρμον λιμένος в Аравии, упоминаемом Диодором Сицилийским (III, 38, 4).

40

О существовании такой святыни в Панорме ничего не известно. Возможно, здесь имеется в виду огромный камень, занимающий центральное пространство под куполом знаменитой мечети Омара в Иерусалиме, которая была выстроена в 688—691 гг. Камень этот представляет собой верхушку горы Мории, служившей некогда алтарем стоявшего на этом месте храма Соломона, и почитается мусульманами как величайшая святыня —центр и основание мира.

41

Гробница пророка, т. е. основателя ислама Мухаммеда (ок. 570—632), находится в Медине (Саудовская Аравия).

42

ромейским языком... См. выше, прим. к 49.

43

Константин — единственный из братьев матери Дигениса, которого выделяет поэма. Это имя популярного героя акритских песен, песен, посвященных Дукам. Младшим из братьев он назван также в Погодинской редакции «Девгениева деяния» (изд. Сперанского, стр. 152). В Т 303, 898, А 320 Константин — старший брат.

44

... сказал... С этого места начинается рукопись 9.

45

в А 324 ел, и Э 1 сл. слова эти произносит мать братьев.

46

Сарацинами (Σαρακηνοί, saraceni,— этимология неясна; м. б. связано с араб, shark! — восточный) в первые века н. э. греческие и римские авторы называли кочевые племена Сирии и Аравии. В средние века название это было перенесено на всех арабов, а позже — вообще на мусульман.

47

См. выше, прим. к 45. Интересно, что почетное прозвище акрита (см. прим. к 2) дано здесь «сарацину». Здесь можно видеть одно из проявлений расовой терпимости, характерной для поэмы.

48

Вступили в рукопашную... έσω-θεν χείρας Βδντες. Ср. VI, 687 (εσω χει,ρί).

49

... стойкостью ... (в тексте — εκστασιν). Принято толкование Дж. Мавpогордато: ενστασιν.

50

О мире. .. здесь в этом значении употреблено αγάπη ср. VI, 277).

51

... сложил крест-накрест пальцы . . . (τους δάκτυλους έσταυρωεν). В А 391, Э 53, говорится, что эмир просто показал палец (Τον δάχτυλον ίΖειξεν), что сопоставляется П. Бернхардом (Eine heute noch in der islamischen Welt gebrauchliche Form des Tauhid in dem Epos von Dijenis Akritas. Actes du X Congres international d' etudes bysantines. Istanbul. 15—21. IX. 1955. Istanbul 1957, p. 260) с употребительным у мусульман поднятием указательного пальца,— символ веры, признание того, что бог един.

52

... И все... букв.: «оба» (αμφότεροι). Такое же употребление этого слова встречается и ниже (II, 244, где также идет речь о братьях; IV, 213 — о Дигенисе и его спутниках; VI, 177 — о трех апелатах).

53

Убитых много... Ср. с описанием убитых у Гелиодора («Эфиопика» I, 3),

54

... Подняли прах они... Ср. эпизод из прозаического романа Евстафия Макремволита (XII в.) («Исмина и Исминий», X, 10 (Erotici scriptores graeci, I Л, ex. гее. R. Hercher. Lipsiae, 1859, p. 159—286).

55

Обращение к солнцу (ср. А 450 ел, Э 88—94), встречающееся у Евстафия Макремволита (см. предыд. прим.),— характерный пример сохранения следов античных верований в византийской народной поэзии и художественной литературе.

56

Эмир! ... В отличие от ГФ в других версиях братья обращаются на этот раз к эмиру с бранью, называя его «сирийской собакой» (κύων της Συρίας — А 477, Т 42; σκύλε τής Συρίας — Э 129).

57

О фемах см. выше прим. к 6.

58

Фема Анатолии с городами Аморий и Иконий лежала к западу от Каппадокии

59

Относительно генеалогии Дигениса по материнской линии в разных версиях поэмы содержатся противоречивые сведения (см. стр. 139 сл.). Киннамады — известный в Византии род, по-видимому, парфяно-армянского происхождения; еще более знаменитый византийский род — Дуки, ведшие свое происхождение, согласно историкам Зонаре и Вриеннию, от двоюродного брата императора Константина Великого (306—337) и давшие ряд крупных деятелей. Дед Дигениса по матери называется потомком Киннамадов также в Т 54? А 490, где он носит имя Аарон. ГФ IV, 54 называет его Антакином из Киннамадов, Т 834, А 1367 — Андроником из Киннамадов, 0 1 — Андроником, А 22—23 — «Аароном... на сирийском языке, Андроником — на греческом». Вместе с тем, согласно А 20, 489, Т 54, Э 137, он — потомок Дук. Т 56, А 491, Э 146 называют его отца Муселомом (см. стр. 140). Жена его, бабка Дигениса, именуется в поэме стратигиссой (так же, как впоследствии и мать жены Дигениса) и носит в А 30, О 19 имя Анны. Т 839, А 1372 также причисляет ее к Дукам, а Т 57, А 492, Э 138 — к семейству Кирмагастров (Κυρμαγάστρων); А 29, 493 и Alt 323 дают разночтения этого имени. В 267 стихе возможно имеется в виду Константин Великий.

60

... дядья и братья (собственно, двоюродные братья — εξάδελφοι) наши, двенадцать их у нас ... Т 59, Л 494, Аχ 323, Э 139 говорят о двенадцати дядьях и шести двоюродных братьях.

61

... из-за причины глупой . . . —Βιά τίνα μωρίαν, ср. А 495. Интересное чтение дает Э 140; Ъ\,а μούρτη και $ιά φουσσάτα, что означает, возможно: «за мятеж войска».

62

Багдад (см. выше, прим. к 6) является одним из религиозных центров ислама.

63

В Т 78, Л 516 отец эмира назван Хрисохерп, в Аг 323 — Хрисотерп. О его подвигах см. ГФ, II 60 сл. Возможно тождествен вождю павликиан Хрисохиру, убитому в 872 г. (см. стр. 142) Павликиане в тот период часто заключали союзы с мусульманами, и браки между ними не были редкостью.

64

Панфией (Πανθία) мать эмира названа также в Аг 323. Это же имя носит мать Исмины в романе Евстафия и мать Левкиппы у Ахилла Татия. Не исключено, что оно взято из «Киропедии» Ксенофонта (IV, 6,11 сл.), где рассказывается история верной супруги Πάν&εια. Т 3067 и А 516, 4303 называют ее Спафией (Σπα&ία).

65

Амброном (5/Αμβρων) дед эмира по матери зовется и в других версиях. Возможно, тождествен эмиру Мелитины (город в западной Месопотамии) Омару, убитому в 863 г. (см. стр. 141).

66

Кароесом (Καρόης) дядя эмира назван и в других версиях поэмы. Сопоставляется с павликианским вождем IX в. Карвеасом (см. стр. 142).

67

. . ,в законе Магомета... Место испорченное: είς το ευ μετά πόθου (ср. A 519, T 81). Принято чтение Д. Маврогордато (εις Μωαμέτ τήν πίστιν), учевшего конъектуру К. Сафы и Э. Леграна.

68

... Куфер ... В рукописи ГФ читается Ко*5φε, исправленное Э. Леграном по Т 86 и А 524 на Κουφερ. Грегуар отождествляет его с Куфой (Kufa), расположенной в Южной Месопотамии на западном рукаве Евфрата. Город этот подвергался в IX—X вв. неоднократным набегам арабов. С XII в. приходит в запустение.

69

Об Ираклии (Иракле) см. выше, прим. к 50.

70

. . И овладел Аморием, Икония достигнув, (το Ἀμόριν δέ καταλαβών άχρι του ^Ικονίου), ср. выше, прим. к 1,8. Иконий по смыслу назван здесь как пункт, достигнутый вслед за Аморием, между тем как он расположен значительно юго-восточнее последнего. Дж. Мавpогордато («Digenis Akrites», p. 20) предполагает, что текст здесь испорчен и первоначально содержал название Акроина (Ἀκρόϊνον) — города во Фригии, северо-западнее Амория, где греки сталкивались с арабами в VIII в. А 525 дает вместо Икония неизвестный ^Ιφερ (ср. Т 87 — >Ιφέριν).

71

. . . Я . . . перейду . . . (νά γένομαι). Здесь характерное для языка поэмы употребление конструкции с νά в значении будущего времени, взамен исчезающих форм древнего futurum. Вместе с тем современная форма с θά (из д-ίλω νά) еще не входит в употребление.

72

В тексте: παρ'έλπίδα. . . 'ανελπίστως. Такое близкое расположение одних и тех же или схожих по звучанию слов — весьма употребительный прием в «Дигенисе Акрите».

73

... Сколь славна мощь ромеев! Гораздо лучшее чтение дают здесь У 126 и А 564: Βυναμιν Των ερώτων («сила страстей»).

74

Заглавия в рукописи ГФ даны лишь ко II, III, и VIII книгам.

75

отроков . . . "Αγουροι — юные слуги-воины, окружавшие военачальника и сопровождавшие его в походе. Ср. с «отроками» в Древней Руси.

76

... обычаи ... в тексте — γνώμην.

77

... как язычник . . . См. прим. к I, 67.

78

Так пела... Не исключено, что в архетипе ГФ здесь была песня, по-видимому, подвергшаяся обработке, так как конец речи стратегиссы мало соответствует словам χαίρουσα έμελωδει. Строки 24—25 напоминают отрывок из греческой народной песни «О мертвом брате».

79

. . . и мать . . . Здесь — библейская реминисценция (Псалом 112, 9).

80

... еще счастливей . . . Принято чтение Мавpогордато, относящего περιχαρή к матери невесты. Т 169 и А 607 дают здесь περικαλλή τω εΥδει (о женихе)

81

На этом стихе обрывается II книга Т.

82

Об отце эмира см. прим. к I, 284.

83

Топарх — правитель области.

84

Патрикий — один из высших титулов византийской табели о рангах. Согласно Константину VII Багрянородному (X в.), принадлежал к чинам (ἀξιο')ματα), т. е. был соединен с инсигниями и в отличие от должностей даровался пожизненно.

85

Протостратор (πρωτοЗτράτωρ) — начальник императорской конницы, одна из высших должностей в византийской армии (см. Du Gang e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688, s. v.).

86

Возможно, эпизод этот — отголосок битвы 872 г., в которой погиб вождь павликиан Хрисохир.

87

Здесь дядя эмира Кароес (ср. I, 285) назван о Μουρσης о Καρόης. В соответствующем месте Т 201 и А 656 (ср. А 4313, Ах 327) он назван Μουσούρ Ταρσίτης (ср. Э 261 — Μουρατασίτης). Вспомним, что в Т и А сам эмир также зовется Мусуром (см. прим. I, 30). Таким образом, в этих версиях ясно говорится о двух разных братьях матери эмира, а ГФ, если считать Μουρσής искажением Μουσουρ, отождествляет их. Следующие строки (76—79), возможно, навеяны воспоминаниями об успешных походах Карвеаса.

88

Абидос — город на северо-западе Малой Азии, на побережье Геллеспонта. В "период византино-арабских войн подвергался набегам арабов. Т 203 и А 658 дают вместо Абидоса 5Ακινάν τήν πόλιν. Акина, возможно, тождественна Экинейе в Месопотамии (совр. Кемалие (Эгин) на правом берегу Карасу).

89

... Африку .... (Αφρικήν). Все исследователи сходятся на том, что здесь следует читать Τεφρικέ. Тефрика — город, расположенный близ армяно-византийской границы (совр. Дивриги к северо-западу от Кемалие). Основана ок. середины IX в. павликианами и стала их центром. В 872 г. в результате успешного похода Христофора перешла в руки византийцев.

90

Терента (Τέρεντα, также Τάραντα) — город юго-западнее Тефрики (совр. Даренде на р. Тохма). Некоторое время находился в руках павликиан и в 872 г. был занят византийцами вместе с Тефрикой.

91

... Эксакомию.. . (Ἑξακωμίαν) — о такой местности нам неизвестно.

По-видимому, в тексте ГФ ошибка. Т 204 и А 659 дают Ἑπτακωμίαν, что, б ыть может, связано с гептакомитами — племенем, жившим в горах Скирдисы к югу от Трапезунта (Страбон XI, 497; XII 548; Птолемей, V, 6,7), по-видимому, восточнее совр. Гюрлейк Дага. Была известна также Пентакомия на Евфрате (E. Honigmann, Op. cit., S. 16).

92

... язычницы ... В тексте: -χανζιρίσσης (от араб, hanzir — свинья; ср. Э 269 — χατζιροφαγούσα — «поедающая свинину») Свинья считается, согласно мусульманским законам, нечистым животным, и употребление в пищу свинины запрещается. Отсюда — приведенное здесь оскорбительное прозвище христиан.

93

... обезглавят . . . вместо рукописного νά ποταμήσουν («утопят») принято чтение: ν5άποτομήσουν.

94

Здесь, как и в других версиях, говорится об оставленной в Сирии семье эмира, который как мусульманин имел нескольких жен.

95

. . . гнедого . . . вороного . . . бурого . . .— βάΒεαν (-лат. badius — каштановый, гнедой) . . . μαόρην . . . δαγάλ5 (= alezan, рыжей масти; может быть, от Βάος — головня, факел). Поэма содержит целый ряд различных названий для лошадей: άλογον, βάΒεας, βούλχας, γρίβας δαγάλλος, μαύρος, φάρα и т. д.

96

...Лаккопетра (Λακκοπέτρα, ср. ГФ И, 140). Т 230, 296, 311 и А 680, 746, 761,> 4638 дают: Λευκοπέτρα — «белая скала»; О 635 — 5Ασπρη πέτρα — то же, Э 293, 332, 426 — Χαλκοπέτριν, Э 321 — Χαλκόπετρον — «медная скала», может быть, по аналогии с Халкургией (см. ГФ V, 238, 257). Возможно, это — холм, расположенный в долине Хериане между горами Антитавра и Парнадра. На холме этом, сложенном из белого камня, до сего времени сохранились развалины построек (ср. P. Kalonaros. c0 Διγενής Ακρίτας, т. I. Άόήναι 1941, σελ.* 47).

97

Ср. с речью Имберия к Маргароне из анонимной византийской поэмы XV в «Имберий и Маргарона» (Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers, publ. par S. Lampros. Paris, 1880, p. 239—288), стихи 460—476.

98

... когда я рада не была ... Текст исправлен по Т 256 и А 706.

99

милый... Κύρκα —уменьшительное ласкательное прозвище, употребляемое женщинами. Неоднократно встречается в нашей поэме и весьма употребительно в народных песнях. Существуют разные объяснения этого слова: его производят от совр. κουρκος (индюк), от древнегреческого κίρκος (сокол). Калонарос считает его уменьшительным от κυρ (господин), Р. Доукинс сопоставляет с именем турецкого народного героя Koroglu; см. J. M avrogo rd ato.». Op. Cit., p. 32—33; P. K a 1 o n a r o s. Op. cit., I, p. 164.

100

сокол яростный... Ср. тот же образ в Илиаде (XXI, 493—494).

101

Ср· с описанием сна в поэме XIV в. «Либистр и- Родамна» (Trois poemes grecs du Moyen age, rec. W. Wagner. Berlin, 1881, p. 241—349), где (стихи 2377 сл.) идет речь об орле и куропатке.

102

... стал толковать виденье... Искусство толкования снов было весьма популярно в Византии. До нас дошел ряд таких снотолкователей (όνειροκριτικά), например, Константинопольского патриарха Германа (ум. в 733 г.), Константинопольского патриарха Никифора (ум. в 829).

103

.·· расположились.,, (ήμπλικευσατε). От лат. adplico — «прикладывать», «располагаться». Ср. ниже ГФ III, 84.

104

·.· Я пленницей... В перевод сохранено хиастическое расположение слов подлинника.

105

··· Увидишь — меч свой обнажу... Ср. отрывок из поэмы XV в. «Ахиллеида» (L'Achillei'de byzantine, publ... par D. C. Hesseeing. Amsterdam, 1919, fp. 42—90), ст. 876 сл. 916 сл.; а также поэму конца XIV — начала [XV в. «Флорий и Платцафлора» (Le Roman de Phlorios et Platzia Phlora, publ... par D. C. Hesseling. Amsterdam, 1917), ст. 85 сл.

106

... у всей своей родни... Εύγενικόπουλα, по свидетельству Дж. Маврогордато (Op. cit., p. 36—37), употреблено здесь с презрительным оттенком.

107

Один из распространенных в византийской литературе библейских образов (Книга судей, 13—16). Самсон упоминается в ГФ и ниже (IV, 24; VII. 63)

108

... лишилась дара слова ... В тексте — редко употребляемое классическое έννεός (ср. Т 377 — σφωνος; А 828 —άλαλη).

109

... подавленной . . . Здесь также классицизм — στυγνάζουσα. Т 378 и Л 829 дают ήσυχάζουσα.

110

... собою овладела . . . (έαυτήν ώς εις πέρας λαβουσα). Маврогордато (p. 37)

предлагает читать «ώς έσπέραν»— «к вечеру».

111

... сменявшие... Вряд ли παρηλλαγμένον употреблено здесь (как в ГФ VI, 177) в смысле «чудесный, прекрасный» (ср. P. Kalonaros. Op. cit. II), p. 23; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 40).

112

Колечко как залог верности — распространенный образ в византийском романе и греческих народных песнях. Ср. «Имберий и Маргарона» 279—280, «Либистр и Родамна» 1642 сл., «Флорий и Платцафлора» 272 сл.; см. также H. P e г п о t. Chansons populaires grecques des XV et XVI siecles. Paris, 1931, No 118, p. 72.

113

... Лид... Это древнее название преисподней (αδης) встречается в поэме и ниже (VIII, 126, 270). Здесь перед нами отзвук античной мифологии

114

... двоерожденный... Употребление здесь διγενές в качестве прилагательного свидетельствует об оттенке нарицательности, которым наделено имя Дигенис в поэме.

115

... На расстоянии трех миль . . . (μέχρι τριών μιλλίων). Эта мера длины на протяжении веков не оставалась постоянной. Так, римская миля равнялась тысяче двойных шагов или восьми стадиям (1535 м). В Византии в более позднее время миля составляла 1800 шагов (Μέγα λεξικό ν δλης της ελληνικής γλώσσης. Άθ-ήναι, 1956. τ. 6. σελ. 4696). Ср. IV, 800, где идет речь о встрече на том же расстоянии; ср. также V, 100. Сходный обычай встречи знатных посетителей засвидетельствован в новое время в Персии. (J Mavrogordato. Op. cit., p. 43).

116

Восхваление могущества любви часто встречается в позднеантичных и византийских романах. См. «Эфиопика» I, 2, 9; «Левкиппа и Клитофонт» I, 7, 17; II, 5; «Исмина и Исминий» II, 14; VIII, 10; IX 21; «Дросилла и Харикл» (поэма второй половины XII в. Никиты Евгениана: Erotici scriptores graeci rec. R. Hercher, t. II, Lipsiae, 1859, p. 435—552); II, 8; «Ахиллеида», 1—19, 272—298; «Бельтандр и Хрисанца» (анонимная поэма XIII в.: ed. E. Legran d. Bibliotheque grecque vulgaire, t. I. Paris, 1880, p. 125—168), 337—360; «Каллимах в Хрисорроя»(анонимная поэма XIII в.; Le Roman del Callimaque et de Chrysorrhoe. Texte etabli et traduit par M. Pichard. Paris, 1956), 510—511; «Либистр и Родамна»,

152 сл. и в других местах. Ср. А 180 сл.

117

Такое краткое изложение предыдущего содержания встречается и в дальнейшем (ср. начало IV книги)

118

... Не спали вы... и дальше (45): здесь... Ср. обращение Ахилла к товарищам в «Ахиллеиде» (1038—1040). Ср. также народную песню CEPΑντρειωμένη ?.υγερτί (ρ· K a 1 o п a г o s. Op. cit., II, p. 207).

119

... Минуем горы страшные... Дж. Маврогордато (Op. cit., p. 46) обращает внимание на то, что здесь ничего не говорится о переходе через Евфрат, который ожидал их на пути из Каппадокии в Рахаб (см. след. прим.)

120

Рахаб (Ραχάβ; ср. II 63. А 939, 952, 997, Т 483 дают Ρούχα; Э 527 — Ραχέ; 531 — Ραχας). Так в эпосе о Дигенисе называется Эдесса — древний город в сев. Месопотамии (ассирийское название—Ruhu). Совр. Урфа в Турции. С 641 г. находилась в руках арабов. В 1031 г. была взята византийцами, после чего неоднократно переходила к различным завоевателям (турки, крестоносцы, монголы). С 1637 г.— снова во власти турок.

121

Меллокопия (Μελλοκοπία). А 956 дает Μυλοκοπόΐην; Э 503 — Μυλοκοπία (В Т здесь лакуна). Имеется в виду Малакопея в Южной Каппадокии (совр. Мелегоб). Возможно, здесь —отзвук битвы 863 г., в которой византийский полководец Петрона одержал победу над эмиром Мелитины Омаррм (см. прим. к I 285)

122

. . . в Аид . . . См. прим. к II 278.

123

А ныне нет сражения. . . См. выше прим. к III, 42.

124

... лагерем ты станешь ... В тексте αππλικτα; см. прим. II, 157.

125

... ущелья дикие . . . возможно, здесь имеются в виду Киликийские ворота

(см. прим. к I, 90)

126

… Каппадокийцу славному . . . см. прим. к I, 7.

127

Пешком . . . обутый в пурпур. Τζάγγα, τζάγγια — высокая обувь из красной кожи, носимая византийскими императорами — см. словари Дюканжа и Софоклиса (E. A. Sophocles. Greek lexicon of the roman and byzantine period, s. v). Ср. схожее место у византийского поэта XIV в. Феодора Продрома (Εκλογή μνημείων της νεωτέρας ελληνικής γλώσσης, έκδ. υπό Δ. Μαυροφρυδου, τ. Α1, Α^ήνησιν, 1866, σελ. 3967·

128

В соответствующем месте Т 505—506 и А 1019—1020 — подражание «Илиаде» (II, 489—490).

129

Мечеть в Медине, где находится могила Мухаммеда (см. прим. I, 103) почитается одной из величайших мусульманских святынь и служит местом паломничества. Здесь отзвук легенд о чудесах, свершающихся будто бы у этой могилы.

130

Платок Неемана... (του Νεεμάν ... το μανδίλιν). Нееман—сирийский военачальник, по преданию исцеленный от проказы пророком Елисеем (IV Книга царств, 5). Реминисценция эта содержится лишь в ГФ. Не»исключена возможность, что в Эдессе хранилась какая-то реликвия, связанная с именем Неемана. Подробнее об этом см. стр. 148—149.

131

Египет был завоеван арабами в 641 г. и входил в состав государства Омейядов, а затем — Аббасидов. В IX в. при Тулунидах (868—905) он становится более самостоятельным, а при Ихшидидах (939—969) достигает полной независимости от Аббасидов и завоевывает сирийские земли. С 969 г. на территории Египта утверждается государство Фатимидов, восстановивших в 970-х годах завоевания в Сирии и соперничавших с сирийской династией Хамданидов. По-видимому, здесь отзвук сирийско-египетских междоусобиц X

132

...И мне омыться даровал... т. е. креститься.

133

...в гробу, который чтишь ты тоже... Имеется в виду «могила Христа» в храме св. гроба господня в Иерусалиме. Мусульмане чтут Христа наравне с библейскими пророками, но не считают его «сыном божьим» и «спасителем».

134

И все... Обращение эмира, а затем его родных в христианство — по-видимому, отзвук событий 928 г., когда эмир Мелитины Абу Хафс (потомок Омара, см. прим. I 285) перешел на сторону греков, приняв христианство. К тому же времени относится подобный переход на сторону Византии арабского кочевого племени Бени-Хабиб.

135

... неся благие вести, τά συγχαρίκια Uoovcu; ср. ниже, III, 311 и IV, 787— ειπείν τά συγχαρίκια. Слово это обозначает вознаграждение за счастливую новость (см. словарь Дюканжа, s. v.). Здесь и дальше означает само сообщение.

136

И в шелка . . . фиалковый и белый (όξέον λευκοτρίβλαττον). Фиолетовый цвет был характерен для одежд знатных византийцев. Βλαττίον первоначально - означало «пурпур», затем — вообще «дорогой шелк». Ср. J. Mavrogorda to Op. cit., p. 58—59. К. Сафа и Э. Легран в словаре к изданию Т (Paris, 1875, p. 293) переводят: tissu triple de soie blanche et pourpre.

137

... грифами украшенный... Такие вышитые золотом изображения очень часто встречались в Византии на одежде знатных лиц.

138

... со звездочкою белой... Этот же признак (άστεράτην) встречается и ниже (VI, 717).

139

Сознанья чуть не потеряв... Подобные сцены часто встречаются в позднеантичном и византийском романе: Харитон (II—III в.) «Херей и Каллироя», VIII, 1;^«Левкшгаа и Клитофонт», III, 17; «Эфиопика» II, 6. См. также описание встречи любящих во «Флории и Платцафлоре», 1614 сл.; «Ахиллеиде» 1086—1087.

140

... телочка...— здесь ласкательное обращение к женщине: Βαμάλιν (ср. ниже, IV 767). В других версиях поэмы не встречается. Ср. уличную песенку 600 г. (K. Krumbacher. Geschichte des byzantinischen Litteratur. 2 Aufl. Mimchen, 1897, S. 792) и стихотворение поэта VI в. Агафия Схоластика (Anthologia Palatina, V. 292ι0).

141

... разбойников ... В тексте пример раннего употребления совр. множественного числа (λγ]στάδας), ср. IV, 15 — λίστας.

142

В тексте характерный прием игры созвучиями: συγχαρίκια— χαρά — χορούς — χορείας — χαρά. Ср. прим. к I, 317—318.

143

И вот вступили в дом ... — Здесь, по-видимому, под влиянием предыдущего описания прибытия эмира в дом невесты (начало II книги) — повторение II, 40 с бессмысленным в данном случае упоминанием о свадьбе. Ср. ниже III, 334 (и ликованье . . .) =11, 42.

144

с нею ... в тексте: συν αύτώ. Принято чтение Э. Леграна (συν αύτη).

145

Схожим стихом заканчиваются III книги А и Т.

146

iV книга ГФ — самая большая в поэме; она соответствует IV и V книгам Т, А и А1.

147

Отсюда начинаются... Здесь, как и в VI книге (1—3) — след так называемого ὑπόθεσις — краткого стихотворного изложения содержания книги, встречающегося в T, A, Aχ.

148

А ныне о влечении... Ср. восхваление любви в начале III книги (прим. III, 1 сл.), А 1302 сл.; А± 341; 5 702— 708: О могуществе любви[говорится и ниже: IV 342—346, 525—530.

149

Влеченье . . . любовь . . . привязанность . . . страсть . . . Так условно передано έρως . . . αγάπη . . . φιλία . .-. πό&ος. Дж. Маврогордато (Op. cit., p. 66—67) передает эту градацию: desire . . . love . . . affection . . . passion.

150

О Самсоне см. прим. П, 200. Восхваление действующего лица путем сравнения его с древними как легендарными, так и историческими героями, чьи подвиги он затмил,— употребительный прием в византийской литературе. См., например, у историка X в. Генесия (Genesios, ed. C. Lachmann, Bonnae, 1834, p. 124) сравнение императора Василия I с Алкиноем, Одиссеем и кентаврами. Ниже (27 сл.) в той же связи упоминаются Ахилл, Гектор и т. д.

151

...пустые измышленъя... Ср. дальше (36): его же—истинны дела... Здесь прием противопоставления автором своего произведения, как правдивого и истинного, старинным вымыслам. Ср., например, начало аллегорической поэмы Феодора (?) Мелитениота (XIII—XIV вв.) о благоразумии (Εἰς την σωφροσύνην, ed. M. Miller. In: Notices et extraits de manuscrits de la Bibliotheque imperiale, t. XIX,2 partie. Paris, 1858, p. 1—138), где эта «всеистиннейшая» повесть противопоставляется «лжи» Эзопа.

152

Т. е. Александр Македонский (356—323). Он упоминается в поэме и ниже (VII, SO сл.). Одним из литературных источников для автора поэмы было по-видимому апокрифическое жизнеописание Александра Псевдо-Каллисфена (Pseudo-Callisthenes, hrsg. v. H. Meusel. Leipzig. 1871), восходящее в своих первоначальных версиях к III в. н. э. и вызвавшее ряд обработок и переводов. В XIV в. оно было обработано в политических стихах (Trois poetes grecs du moyen age, rec. W. Wagner, Berlin, 1881, p. 56—241).

153

Филопапп, Киннам, Иоаннакис выступают в поэме (см. ниже) как апелаты, противники Дигениса, побежденные им. Имена эти — коммагенского и парфяно-армянского происхождения. Возможно, за ними стоят какие-то исторические лица, вокруг которых сложились легенды. Филопаппа, например, А. Грегуар отождествляет с последним царем Коммагены Гаем Юлием Антиохом Филопаппом, которому афиняне поставили в 114—116 гг. н. э. памятник (о попытках таких отождествлений см. также стр. 143; о Киннамадах см. прим. к I, 266—267). Цикл песен об этих лицах, как можно предположить из поэмы, предшествовал песням о Дигенисе и был в значительной мере вытеснен ими. Интересно, что имена эти встречаются рядом с Дигенисом и в известных нам акритских песнях, причем здесь отношения между героями не всегда столь враждебны, как в нашей поэме.

154

Здесь, прежде чем приступить к повествованию о главном герое, автор, повторяя предыдущие места поэмы (ср. I, 49 сл.; 285 сл.; III, 10 сл.), вкратце излагает историю его отца. Об Амброне и Кароесе см. прим. к I, 285; о Куфере — I, 292; об Иракле (Ираклии) — I, 50; о Харсиане — I, 6; о каппадокийцах — I, 7; о Дуках — I, 266—267.

155

... назвали Дигенисом... См. выше, прим. к II, 48. Об этом имени см. стр. 139. Здесь (51) приведено его объяснение. Смешанное происхождение героя часто встречается в эпической литературе (например, происхождение Александра Македонского от перса и гречанки в «Шах-Намэ» Фирдоуси и т. п.). Так же характеризуют византийские историки и императоров Льва V (813—820) и Василия I (867—886). На смешанное происхождение Дигениса указывают и песни акритского цикла.

156

… язычник (εθνικός). См. прим. I, 67.

157

Границы подчинил себе... Здесь дается этимология прозвища героя (τάς άκρας ύποτάξας). Об акритах см. прим. I, 2.

158

Об Антакине и Киннамадах см. прим. к I, 266—267.

159

О ссылке деда Дигениса см. прим. к I 270.

160

... самодержца Василия... Здесь, по-видимому, имеется в виду император Василий I (867—886), а не Василий II (976—1025), ибо ГФ содержит ряд

параллелей с текстами византийских историков, относящимися к основателю Македонской династии. Т 836, А 1369, Аг 342 говорят в этой связи об императоре Романе, как полагает большинство исследователей — о Романе I Лакапине (920—944). См. об этом стр. 143 сл.

161

О бабке Дигениса и о Дуках см. прим. к I, 266—267. О его дядьях — прим. к I, 82 и 131.

162

Итак, повествование... Описание детства Дигениса в отдельных деталях перекликается с античными биографиями Александра Македонского — Плутарха (Александр, V), Псевдо-Каллисфена (ed. H. Meusel, cap. 13; ed. Wagner, 574 сл.), а также с «Киропедией» Ксенофонта (I, гл. 3 сл.).

163

И час настал... Ср. «Киропедию» (I, гл. 4, 5—8), где мальчик Кир, взятый после долгих просьб на охоту своим отцом Астиагом, убивает оленя и вепря.

164

... замысел... В тексте γνώμη, может быть в значении «характер», «природа» (ср. выше, II, 23).

165

дважды шесть — βίσεξτος (от лат. bisextus=bis sextus). Название это обозначало вставной день високосного года, так как в этом году удваивался шестой день перед мартовскими календами. 12-летний возраст играет роль и в жизни матери Дигениса (A 124). Ср. также «Имберий и Маргарона», 75. Здесь, по-видимому, влияние старой традиции — см. напр. Евангелие от Луки, 2, 42 сл.

166

И на зверей охотиться... (Сравните песню «О сыне Армуриса», 8, где мать говорит сыну, что тот еще мал садиться на коня (P. K alonares. Op. Cit., II, p. 213; Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. Спб., 1883, стр. 101).

167

«Коль взрослым...» Ср. жизнеописание Александра у Плутарха (V, 16—18).

168

... прославиться . . . Принята поправка Э. Леграна (Βοξάσασ&αι вместо δεξάσασ-Эш).

169

· · · из братьев самый младший . . . См. прим. к I, 131.

170

Через болото перешел . . . Перевод не совсем точный. — Τήν Ιλην (более редкое употребление женского рода ελη вместо среднего έλος; ср. ниже, IV, 129) здесь следует скорее понимать как «залитый водою луг». Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 72—73.

171

... медведей страшных . . . Медведи и по сей день водятся в Малой Азии. Об охоте на медведей в Византии см. Ф. Κουκούλες. Βυζαυτινών βίος και πολιτισμός, τ. Ε', εν 5Αθήναις, 1952, σελ. 417—418. Ср. естественно-научную хрестоматию IV—V вв. «Физиолог» (ed. E. Legrand. Annuaire de l'association pour P encouragement des etudes grecques en France, 7 an. 1873, p. 225—286.), cap. XV.

172

. . . тунику . . . ὑπολουρικον. См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73. Ср. ἐπιλούρικον — III, 258; ἐπιλώρικον — VI, 736, 781, переводимое как «плащ».

173

... шапочку . . . καμηλαυκίτζιν— маленькая шапочка, возможно, отороченная мехом (J. Mavrogordato. Op. cit., p. 73). Так назывался в Византии и императорский головной убор (καμηλαυκιον). Ср. русское «камилавка».

174

... простую лишь дубинку. . . λιτόν ραβΒίτζιν. Дубинки византийских воинов были самых разнообразных форм и размеров (см. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 173).

175

... с переломанным хребтом . . . έξεσφονδύλισέ το. Принято толкование Дж. Маврогордато (стр. 74—75).

176

. . из своего укрытья . . . Перевод условный. О слове παγαναία (чаща леса, место охоты, засада), см. издание Т К. Сафы и Э. Леграна (p. 294); ср. P.Kalonaros. Op. cit., I, p. 84.

177

О схожем подвиге императора Василия I сообщает Генесий (p. 121). Об охоте на оленя в Византии см. Φ. Κουκούλες. Op. cit., Ε', σελ. 414, сл.

178

Рукою правою . . . а левою рукой ... В тексте интересное чередование форм, предлога: μέ τήν δεξι,άν . . . μετά τήν άριστεράν . . .

179

Об охоте на львов в Византии см. Φ. Κουκούλες, Ε', σελ. 422—423»

180

... юноша . . . Νεώτερος по смыслу равнозначно здесь положительной степени сравнения (ср. выше, III, 61) и употреблено вместо существительного (= νέος).

181

. . .размахивать хвостом. . .в тексте χαρζανίσας от χάρζανα, χαρζάνιον — ремень, бич. Ср. ниже (VI, 550) употребление χαρζανιστί в другом, производном, значении («с быстротою»).

182

... чудесным . . . сложеньем ... В тексте, по-видимому, ошибочно ευνοστον вместо εμνοστον (ср. IV, 193 и 282).

183

... подобная кристаллу. Схожее описание императора Константина IX (1042—1055) дает в своей «Истории» писатель XI в. Михаил Пселл (Michel Psellos. Chronographie, ed. E. Renauld, vol. II, Paris, 1926, p. 31). Образ этот встречается и в народной поэзии (H. Per not Op. cit, No. 133, p. 92; N. Πολίτης. 5Εκλογαι από τά τραγούδια τοΰ ελληνικού λαοί}. Εν 'ΑΦήναις, 1914, No 195, σελ. 211). В «Ахиллеиде» (105) и «Бельтандре и Хрисанце» (35) грудь сравнивается с мрамором. Ср. P. Kalonaros, Op. cit., I, p. 86—87.

184

. . . в болотистых местах... См. выше, прим. к IV, 106.

185

В тексте здесь: νά ειμί...—интересное сочетание совр. νά (вместо ίνα) с древним είμί.

186

. . . и жадно ее пили... слова эти отсутствуют в других версиях Здесь интересное свидетельство о поверий, встречающемся и у других народов (J. Mavrogordato, Op. cit., p. 78).

187

Накидки легкие... στενά μοχλόβια (ср. ниже, VI, 715— λεπ^άτατον -μαχλάβιν). Возможно, лучше читать здесь по аналогии с А 3715 πτενά μαχλάμια. М^χλάμι равнозначно, по-видимому, χλαμύς (ср. соотв. место в Л 1534» Т 995). Дж* Маврогордато (Op. cit., p. 79) связывает это слово с турецким mahramas—«a veil». Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 88, 204.

188

... с краями золотыми... μέ τάς χρυσάς τάς ρί£ας. Ρί£αι — limbi vestis (см. словарь Дюканжа, s. v.). П. Калонарос (указ. соч., стр. 68) переводит «бахрома». Украшения из золота и драгоценных камней часто упоминаются в поэме при описании одежды.

189

... усеяли. . . . χυμευταί. Ср. ниже, IV, 240, 792, 822, 902, 907. Χύμευσις, χυμεύω означает смешивание разнородных веществ, также эмалировку; χυμευτής — алхимик, ювелир. В поэме слово это указывает обычно на ювелирную отделку. Ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 65.

190

Амбра (άβαρ, ср. ниже, VI, 39 — αμβαρα) и мускус (μόσχον) были в Византии наиболее ценными ароматами.

191

... чулки. . . Перевод условный. Τουβία— византийская одежда, схожая с гетрами, гамашами. П. Калонарос (т. И, стр. 43) связывает это слово с латинским tubus (трубка), tibialia (чулки) и переводит τουβία как «штанины узких панталон».

192

. . .челке.. . σγόρΒος (также σγουρδος, ср. ниже VI, 553). Принято толкование Дж. Маврогордато (указ. соч., стр. 80, 197). Ср. «Ахиллеида» 1121 сл. Ср. «Либистр и Родамна», 1887.

193

Зелено-розовый платок из шелка. ... Ο βλαττίν см. прим. к III, 258.

194

. . . И скрепки. . . μετά χρυσών σβερνίδων. Перевод условный. A 2258 в входном описании дает σμυρίδων (σμύρις— наждак, корунд; ср. др.-евр. shmir— E. Sophocles, s. v.). Маврогордато (Op. cit., p. 81) сопоставляет совр. σβάρνα «борона» и предполагает значение: «studs», «pegs».

195

. . . ювелирную . . . работу . . . ἔργα χυμευτά. См. выше, прим. к IV, 222.

196

Был смелости исполнен конь. . . Ср. выше, I, 166 сл. См. также «Ахиллеида», 350—351.

197

.. . мальчик . . . отрока . . . юноша ... — Дигенис последовательно назван здесь παιδίον, άγουρος и νέος.

198

. . . яблочко на ветке . . . Сходный образ встречается и в английской балладе о Хью Спенсере. См. J. Mavrogordato. Op. cit., p. 81.

199

с позолотою и с лезвием двуострым . . . Μετά ^pusoj διβέλλου (251) вызывает разные толкования (ср. словарь Дюканжа s. v. Βιβέλλιον). Маврогордато (Op. cit., p. 83) переводит «with a pennon of gold». Принято чтение Калонароса (II, p. 44) — διβόλου от δίβολον («двуострое копье»). Т 1025 дает характерное для арабского оружия μετά χρυσών γραμμάτων («покрытое золотыми письменами»).

200

После этого стиха в ГФ лакуна — возвращение домой после охоты служит вместе с тем началом любовной истории (254 сл.). Пропущенное описание первой встречи Дигениса с апелатами восстанавливается здесь по Т 1028—1108 и А 1617—1643.

201

На сына. . . Принято чтение το·5 υἱοῦ (ср. A 1572) вместо τῶν υιών.

202

об апелатах . . . ^Απελάτης (от άπελαυνω)— «угонщик (скота)». См. о них стр. 153. Песни о подвигах апелатов, по-видимому, предшествовали песням о Дигенисе (см. прим. к IV, 33).Несмотря на то, что Дигенис одерживает в эпосе верх над апелатами, прозвище это, по-видимому, не носит здесь уничижительного оттенка. Ср. А 1921, где Дигенис клянется «святым Федором — великим апелатом». Ср. также «Бельтандр и Хрисанца», 104. См. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 90.

203

. . . Иоаннакий ... Т. и А. дают Ἰωαννάκιος вместо Ἰωαννάκης (см. выше, прим. к IV, 33).

204

· · водоноса . . . Интересно, что в греческих народных песнях также говорится о водоносах, которые были при клефтах.

205

О Филопаппе см. прим. к IV, 33.

206

· · вокруг . . . букв.: «снизу и сверху» — απάνω κάτω. См. J. Mavrogorda to. Op. cit., p. 84—85.

207

в этом лагере ... έν τηΒε τη μονή. Э. Легран переводит: «dans cette solitude». Принято толкование Дж. Маврогордато (Op. cit., p. 85).

208

Ср. песню акритского цикла о Просфирисе (P. Kalonaros. Op. cit., I p. 91.

209

После этого стиха в Т лакуна, восстанавливаемая с помощью А 1617—1643.

210

Следуя изданию Дж. Маврогордато, мы выпускаем стих A 1618, представляющий собой, по-видимому, вариант 1619 (νά πάρης νόμφην και γαμβρόννά εμπης ε»ς το μέσον).

211

Пусть заяц . .. Ср. с песней «О сыне Армуриса», 35—36 (Г. Дестуни с. Указ. соч., стр. 102).

212

· · · побежит . . . Принято чтение Дж. Маврогордато: τρέχοντα вместо τρίτον в рукописи.

213

И каждый говорил . . . Сцена застольной беседы героев, похваляющихся своими подвигами, встречается и в песнях акритского цикла. См. Дестун п с. Указ. соч., стр. 3; N. Πολίτης. Έκλογαί . . . No 69 σελ. 81 (Ю 'Ανδρόνικος και ο μαύρος του) и т. д 1635 ...по дубинке ... ύπόκοντα ραβδία. Это — так называемые «апелатские дубинки» (άπελατίκιον). Ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 92—93. J. Mavrogordato, Op. cit., p. 86—87. О состязаниях византийцев в борьбе дубинками см. Ф. Κουκούλες. Op. cit. T1, σελ. 142—143.

214

О Киннаме см. прим. к IV, 33.

215

Этим стихом заканчивается IV книга Т. Стихи 1093—1099 представляют собой изложение содержания следующей, V книги.

216

... любимый мой... Ср. стр. 160.

217

о Дуках см. прим. к I, 266—267.

218

Евдокией супруга Дигениса называется вТ,А, Ль О. ГФ не дает этого имени.

219

.. знаменит был род ее... В тексте παράδοξον (букв, «чудесный», «невероятный»), употребляемое здесь, по-видимому, в значении περιδοξον).

220

... пустился на охоту... Здесь, очевидно, имеется в виду уже не первая охота Дигениса, как это можно было бы заключить по ГФ IV, 253—254. После 1108 стиха Т (также как и А) снова совпадает с ГФ (IV, 254 сл.).

221

Коль любит... Место это близко по стилю к народной песне (ср. καρδι'τξα, 258). Т 1112—1114— дает более «ученый» вариант этих строк.

222

... голос сладкий... В тексте в этом значении употреблено ηδονή.

223

подобно Одиссею... Одиссей упоминается в «Дигенисе Акрите» и ниже (VII, 88).

224

...девушка... κόρη. Так на протяжении всей поэмы называется в ГФ жена Дигениса.

225

...покои... κουβούκλιου (лат. cubiculum). Так же называлась и опочивальня во дворце византийского императора. (P. K a 1 o п a г o s. Op. cit., I, p. 51).

226

Всего острее красота... ου γαρ κάλλος. Исправлено по Т 1128: το γαρ κάλλος. Здесь (ср. Т 1125—1131; А 1688—1694; Ах 350) популярное в позднеантичной и византийской литературе описание: «Левкиппа и Клитофонт», I, 4; V, 13;«Эфиопика», III, 7; поэма V в. «Геро и Леандр» Мусея (M u s a i o s. Hero und Leandros, hrsg. v. A. Ludwich, Bonn, 1912) 92—95; стихи Константина Манасси {Poete morale de Constantin Manasses. Annuaire de Г association pour l'encouragement des etudes grecques ...9 an., ed. E. M i 1 1 e r, 1875, p. 23—75) 488; см. P. K a 1 o n a г o s. Op. cit., II, p. 45; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 90—91.

227

Не знал об этом... В Т 1140 Дигенис задает этот вопрос, притворяясь, что не знает (ώς δήθεν μήγιγνώσκων).

228

... отец ему ответил... В отличие от ГФ, в Т 1144 сл., Л 1705 сл., Аι 351. Дигенису отвечает не его отец, а подощедший к нему отец девушки, переодетый слугой. Это согласуется с содержанием Т ж А, где речь идет уже не о первом выезде Дигениса на охоту и где спутниками его на этот раз являются лишь слуги (см. выше Т 1106 сл.). ГФ же (см. прим. к IV (Т) 1107) подразумевает здесь присутствие отца.

229

Засады. . . К. Сафа («Bibliotheca graeca medii aevi», t. II, Venetiae, 1873, p. 46) называет ἐγκρύμματα засадами апелатов.

230

. . . предложи родство . . . Συμπεν#ερία— родственное отношение между родителями жениха и невесты. Слово это, связанное с церемониями, предшествующими греческой свадьбе, употребляется и поныне. В народных акритских песнях сватом Дигениса выступает Филопапп (см. например: Г. Дестун и с. Указ. соч., стр. 4 сл.)

231

по собственной охоте . . . Здесь в этом значении употреблено γνώμη.

232

... коня. . . βο*3λχαν. Ср. ниже стихи IV, 376: VI, 552. Возможно, это диалектизм от βρόχα, встречающегося в Т. См. J, Mavrogordato. Op. cit., p. 93.

233

... не обо мне ль мечтаешь. . . Вме^о έχεις με принято чтение Т 1169: st έχεις με.

234

... мой свет . . . Букв.: «глаза мои» (ομμάτια μου) — ласковое обращение, употребительное и в современном греческом языке.

235

.. солнцерожденную . . . ἡλι,ογεννημένη. Подобное сравнение с солнцем встречается в поэме неоднократно. Ср. также: «Ахиллеида» 1270, 1365; «Либистр и Родамна», 1553, 1677, 1716, 1884, 1976.

236

Светловолосою была ... Ср. описание внешности эмира, I 32, 34—36.

237

... Колечко отдала . . . См. выше, прим. к II, 269.

238

. . .Один ведь одинешенек ... В тексте — μονώτατος, встречающееся у древнегреческих авторов (Аристофан, Феокрит, Плутарх).

239

. . . И своему конюшему . . . Буквально — «к главному конюшему» — τον πρωτοστράτορα. Здесь, разумеется, слово это употреблено в ином значении, нежели в II, 69 (см. соотв. примечание).

240

... того коня ... Ο βοΰλΧαν см. выше, прим. к IV, 314.

241

· · · Подпруги укрепи с двумя ремнями упряжными . . . Буквально — «две подпруги». Κίγκλα (от лат. cingula — пояс) — ремень, которым укрепляется седло. Δύο έμπροσ#ελίνας Маврогордато (Op. cit., p. 97) переводит: double martingales.

242

... меч-дубинку . . . Σπα<θορράβδιν, как показывает употребление этого слова ниже (IV, 645), по-видимому, не сложение типа «двандва» (=«меч и дубинка»), а обозначает одно оружие, возможно, то же, что и σπαθ-οβάκλιον — sword-cane (?), (См. словарь Э. Софоклиса, s. v.).

243

... во власти сновидений. Ср. «Левкиппа и Клитофонт», 1, 5.

244

Сидела рядом мать . . .Ср. «Ахиллеида», 1207 сл. См. также. N. Πολίτης. Έκλογαί ... , No 74. σελ. 91.

245

После соответствующего стиха в Т 1220 и А 1808 реминисценция из Гомера (Илиада, 1, 363).

246

. . . лишь руками . . . Ψιλαῖς ταῖς Χερσί, по-видимому, означает здесь игру пальцами, без плектра (Ср. ниже, стих IV, 430). Именно в таком значении употреблено ψιλαῖς в соответствующем месте «Левкиппы и Клитофонта» (1,5) Маврогордато (Op. cit., p. 98) предлагает другое значение: «играть, не сопровождая музыку пением» (ср. ἐψιλοτραοαει— «петь без аккомпанимента». N. Πολίτης. Έκλογαί ... No 69 σελ. 81). Игра Дигениса на кифаре упоминается в поэме и в дальнейшем; деталь эта всаречается и в песнях акритского цикла.

247

Когда любимая вблизи... По общему мнению исследователей, здесь искаженный отрывок из народной песни. Ср. А 1844—1848, Э 839—843.

248

Проворно... О слове δάος, возможно, .«связанным с турецким dagh, см. J.Mavrogordato. Op. cit., p. 99, 141; P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 50.

249

...Заметят... Принято толкование Маврогордато (Op. cit., p. 99).

250

См. выше, прим. к IV, 398

251

Лишь услыхала девушка... Ср. «Ахилленда», 1231 сл.

252

Бранила, милый... О Κύρκα см. выше, прим. к II, 132. В «Девгениевом деянии» (Погодинская редакция) дочь стратига наделена большей храбростью, чем в византийской поэме: «Стратиговна мужескую дерзость] имеет» (Изд. Сперанского, стр. 164).

253

...расправится . . . какоВικήση.; Ср. I, 189, IV 636, VI, 54. Слово это везде обозначает в поэме физическое насилие. Ср. ниже, IV, 654 — άδικχσης в том же значении.

254

... сразят ... Ср. употребление ἐγκρημνιζω у Генесия (р. 106χ8).

255

. . .ряды. . . В тексте— παραταγάς. Ср. ниже (IV, 488) классическое παράταξιν.

256

... Феодорами клянусь ... см. прим. к I, 20—22. В A 1921 Дигенис клянет·ся св. Феодором тον μέγαν άπελάτην (см. выше прим. к IV (Г), 1044). Аι в соответствующем месте (355) называет Феодора тον μέγαν στρατιώτην.

257

... прекрасная, как солнце ... В тексте, по-видимому, hapax legomenon — ήλιόκαλος. Ср. выше, прим. к IV, 350.

258

Еще ведь раньше ... В следующих стихах текста синтаксическая непоследовательность, по мнению Маврогордато (Op. cit., p. 103), быть может, преднамеренная — с целью показать замешательство девушки.

259

Тебе теперь лишь одному . . . Ср.«Ахиллеида», 1030 сл., 1187 сл.; «Имберий и Маргарона», 474 сл.

260

Поистине, любовь . . . См. прим. к III, 1.

261

оттого влюбленные . . . Строки эти — повторение IV, 344—346.

262

. . . С тех пор, о черноокая. . . Здесь, по-видимому, отзвук народной песни (μαυρόμματε . . . ώρίτζαν).

263

... И к соколу... Здесь употребительный в поэме образ. Ср. выше, III, 307—308; см. также А 2072—2073.

264

два сына... То же в Aλ 359. Т 1267, А 2075 и О 1962 говорят о трех сыновьях стратига; Э 969 — о пяти.

265

. . .Настигли беглецов они... После соответствующего стиха в А (2024—2039) отсутствующая в ГФ сцена единоборства Дигениса с сарацином Судалисом, которого он убивает- ударом копья.

266

. . . меж двух ветвей... В Т 1255, А 2063, Л3359 Дигенис сажает девушку на большой камень. Последний мотив встречается и в акритских песнях (ср.-Г. Д е с т у н и с,· Указ. соч., стр. 6).

267

· · · солнцерожденная ... Ο ήλιογέννημα см. прим. к IV, 350; ср. ниже, IV, (807; VI, 134.

268

... не причини дурного . . . См. выше, прим. к IV, 442.

269

... Перед одним противником... В тексте, по-видимому, испорченное место: το θ·ανεῖν ήρετίσαντο ή ΦανεΤν (?) ύπ'έκει'νου. Мавpогордато (Op. cit., p. 113 переводит: than to be spared by him.

270

. . . меч-дубинку . . . См. выше, прим. к IV, 378.

271

... все больше восхищалась . . . ὡραίρουσαπλέον. Принято толкование Маврогордато (Op. cit., p. ИЗ.)

272

Дурного не потерпят пусть...\ Тот же мотив и в народных греческих песнях (ср. P. K a 1 o η a r o s. Op. cit., II, p. 57).

273

Тут братья разъяренные... Ср. схожий эпизод в «Ахиллеиде», 540 сл.

274

...Поклон смиренный... Ср. «Имберий и Маргарона», 223—224.

275

Услышал юношу стратиг... Ср. «Ахиллеида», 1343 сл.

276

...двадцать кентинариев... монетой старой... Речь идет об огромной сумме. Кентинарий (κεντηνάριον) = 100 фунтов (литр) = 7200 номисм (номисма = = 4,4—4,5 г золота). Таким образом, 20 кентинариев = 144 000 номисм. Слова о старой монете νομίσματα πάλαια)—по-видимому, свидетельство порчи монеты со 2-й половины XI в. и позже, когда деньги считались тем ценней, чем старее была их чеканка. Ср. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine state. Oxford, 1956, p. 327, sq., 430 sq.

277

... Сундук с одеждой . . . — βιστιάριον (от лат. vestiarium).

278

пять сотен литр ... Т. е. 5 кентинариев, или 36000 номисм (см. выше прим. к IV, 706).

279

... имений . . . Буквально «недвижимого имущества» (κτήματα . . / ακίνητα).

других прислужников . . . ψυχάρια (= mancipia) — слуги, рабы.

281

. . . И нет мне дела до богатств . . . Такое же бескорыстие проявляет Дигенис и в народных песнях (см. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 119).

282

... изведав пораженъе ... В тексте: ἑκ του πώματος (?). Принято чтение Дж. Маврогордато: πτώματος («после падения»).

283

...телочка моя.. См. прим. к III, 290.

284

... известить о радостном событье. ... См. прим. к III, 251.

285

...усеяны... О χυμξυτά см. прим. к IV, 222.

286

..зверей изображенья... μετά ζώων может обозначать какой-либо рисунок, не обязательно с животными (ср. язык Геродота, Платона).

287

...из шелка... См. прим. к III, 258.

288

...на три мили... См. прим. к II, 298.

289

...солнцерожденная... См. прим. к IV, 350.

290

Здесь следует опоэтизированное описание принятых у знатных византийцев свадебных обрядов.

291

...стратигисса... Т. е. бабка Дигениса по матери.

292

...работы превосходной... 5Έργα... εξαίρετα, по-видимому, означает здесь женское рукоделие. Ср. Илиада, IX, 390; Одиссея, XX, 72; Феокрит, XV, 37.

293

... Со свадебными песнями... По-видимому, имеются в виду традиционные νυφιάτικα τραγούδια.

294

... Двенадцать леопардов... Леопарды употреблялись в Византии при охоте. [См. Ф. Κουκούλες. Ε\ σελ. 398, 414.

295

Птиц ловчих из Абасгии... Соколы (ἱεραξ) из Абасгии (районы Абхазии в совр. Грузии) считались лучшими охотничьими птицами.

296

... двенадцать малых соколов ... Φαλκωνάριον — малый сокол (falco minor);" φάλκων — обычный (falco communis). Мавpогордато (Op. cit., p. 129) переводит φαλκωνάρια: «сокольничие» (falconers).

297

... драгоценные иконы Феодоров... В тексте — χυμευτάς. О Феодорах см. прим. к I, 20—22.

298

Изображеньями... покрытый... — έ-χοοσαν συγκοπάς "ιδέας. Συγκοπή означает здесь, по-видимому, мозаичную работу (см. словари Дюканжа, Софоклиса, s. V.).

299

... два а рабских...копья... Принято толкование κυπρίΣοντα Калонароса (Op, cit , II, p. 65). Перевод Маврогордато («spring-wood spear», по аналогии с κυπρί ζω в языке септуагинты) вызывает сомнения.

300

Здесь, по-видимому, имеется в виду персидский царь Хосров II (590—628), внук Хосрова I (531—579). О его богатстве и роскоши долгое время ходили легенды.

301

... лицо ее увидя... Θεώρετρον — особый свадебный подарок невесте, даваемый обычно отцом жениха, после того как новобрачная впервые открывала лицо.

302

... Четыре головных платка, золототканных...—χρυσογράμματα φακεώλλα… Ср. Ill, 260.

303

... плащ... καββάδ(δ)ης — воинская одежда византийцев, представляющая собой широкий плащ.

304

...десять... евнухов... Ἀσκεύαστος означает «безыскусственный», «естественный» (Филострат) и в значении «евнух», встречается, насколько нам известно, лишь здесь. Из других версий подобное упоминание содержит только Ль, 361>

305

Три месяца... Ср. продолжительность свадебных торжеств в «Ахиллеиде», 1510 сл.; «Имберии и Маргароне», 450 сл., 859 сл.

306

...необычен он... Ср. такое же употребление ξένος ниже, VII, 51,.

307

Возможно, после этого стиха недостает части текста — такое-вдеяатление производит непоследовательный переход от похвальбы шуринов Дигениса к, восхвалению бога.

308

...Лишь девушку... См. выше, прим. к IV, 262.

309

В соответствующих местах Т 1460 сл. и А 2326 сл. приводится эпизод с поваром Дигениса, которому тот в гневе ударом выбил глаза.

310

Под Вавилоном здесь, возможно, подразумеваются земли Месопотамии; о Багдаде 'см. прим. к I, 6.

311

Начало этой строки: δπως τε κατεπτόησε.., возможно, свидетельствует о пропуске в тексте (ср. Т 1471).

312

Тарс (совр. Тарсус, к юго-западу от Аданы) — древний гррод в Киликии, долгое время служивший ареной борьбы греков с арабами;

313

Мавроxиониты (Μαυροχιονίται), по-видимому, тождественны мавронитам (Μαυρονῖται, VIII, 205; ср. Μαυριοροί,— A 4636). Возможно, имеются в виду жители окрестностей Μαόρον νΟρος («Черная гора») — так называли византийцы один из отрогов Тавра между Киликией и Сирией (древнегреч. 5Άμανος; совр. Джавар-даг и Акма-даг).

314

Об эфиопах см. прим. к I, 32.

315

... Василий... Т 1477 и А 2343 (ср. также Ах и О) дают имя Роман (см. об этом прим. IV, 55—56).

316

Что славу императоров... Схожая характеристика императора встречается в житии Феоктисты Лесбосской Никиты Магистра, составленном вскоре после 912 г.

317

... против персов... Здесь, как и ниже (IV, 1043),— привнесенный редактором ГФ анахронизм. Персами византийские авторы часто называли турок; об этом приеме см. выше, прим. к I, 32. T 1482 и A 2348 говорят в этой связи о монголах (μαγουλιοι).

318

О всех деяниях... 'Здесь и ниже в ответе Дигениса (988 сл.) автор подражает византийскому придворному стилю.

319

...Из-за нечестия племен... Об ἔθ-νη, переводимом нами в других местах как «язычники», см. прим. к I, 67.

320

...на воинов ты тратишься безмерно. Византийское правительство отпускало в IX—X вв. огромные средства на содержание своих войск, особенно восточных. См. стр. 127 сл.

321

Лишь вот о чем... О советах Дигениса императору, перекликающихся с наставлениями автора XI в. Кекавмена своему сыну («Стратегикон») см. стр. 151.

322

Коль терпит... Принято чтение Т 1527 и А 2393: έξαΒικουντων...

323

...дань... Иконию... Уплата дани Иконийскому султанату имела место лишь в XII—XIII вв. Здесь — более позднее наслоение, помогающее датировать настоящую редакцию.

324

О патрикии см. прим. к II, 68.

325

...Владенья деда... См. прим. к I, 266—267, 270.

326

Хрисовулом (χρυσοβουλλον) называлась жалованная грамота византийского императора, скрепленная золотой печатью.

327

Лишь услыхал то юноша... Укрощение Дигенисом дикого коня напоминает рассказ об Александре и Букефале (Плутарх, Александр, VI). Схожие подвиги приписывались византийскими историками и императорам — Василию I, Иоанну Цимисхию. Ср. также «Эфиопику», X, 28—30.

328

Одежды полы... Здесь —повторение IV, 116.

329

... громко ржал... Принято наиболее вероятное значение στροινιάζω —«пронзительно кричать»; Ср. P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 72; J. M a ν r ogordato. Op. cit., p. 138—139.

330

... юноша... В тексте классическое του γεννάδα.

331

... лев из рощи вышел... Ср. аналогичный подвиг Дигениса на первой охоте (IV, 162 сл.).

332

... показал,.. В тексте классическое απέδειξε. Ср. ниже. V, 5— Βείκνυται; V, 74 — εΒειξα.

333

... словно зайца... πτώξ — также классицизм.

334

...к войскам... В А 2419—2420 император после встречи с Дигенисом отправляется на войну в Ахайю, где одерживает победу. Добавка эта вряд ли могла быть сделана раньше битвы при Пелагонии в 1259 г.

335

...Ведь на границах... См. прим. к IV, 53.

336

... наставник мой... — 6 ἐμός θεολόγος. Собственно: «богослов»; здесь, по-видимому, в значении «духовный наставник», см. стр. 168.

337

Книга эта соответствует VI книге Т, А и А1. В Э (см. 1086 сл.) содержание ее пропущено. Здесь, как и в VI книге, повествование ведется от лица героя, рассказывающего о своих подвигах,

338

Воистину, лишь суету... Здесь одно из характерных для этой версии нравоучительных отступлений, свидетельствующих о принадлежности редактора ГФ к церкви. См. стр. 168.

339

...получит... δείκννται. См. прим. к IV, 1073.

340

...Ослабил власть... В тексте классическое χαυνώσας.

341

...каппадокийца встретив... Лицо это упоминается только в ГФ. В Т 1574 и А 2462 Дигенис (так же как в ГФ, VI) ведет свой рассказ, сидя в кругу друзей,— деталь, знакомая византийской литературе и акритским песням.

342

...проникнуть... Ταξιδεῦσαι, по-видимому, обозначает здесь простое путешествие и не употреблено в обычном для византийцев значении военной экспедиции.

343

Пятнадцатый ... год... В Т 1610 и А 2497 Дигенису в это время — восемнадцать лет. Однако и вариант ГФ вполне согласуется с действием поэмы. Брак на 13—15-м году был в Византии обычным явлением.

344

...равнин Аравии... Здесь, конечно, имеется в виду не современная Аравия, а земли арабов в Северной Сирии и Месопотамии.

345

Сравните поэму Мелитениота, 140—141. То же — в Т 1642, А 2528.

346

Откуда, славный юноша../ Ср. «Либистр и Родамна», 2766. сл. Схожая сцена встречается и в турецком средневековом эпосе «Сайид-Баттал».

347

...любимая вторая... Принят наиболее вероятный по смыслу перевод. Грамматически точное значение классического δευτέραν τής έμής — «вторая, после моей (супруги)», т. е., уступающая в красоте лишь ей.4 Здесь интересна попытка автора психологически объяснить измену Дигениса.

348

...Между корнями дерева... Ср. с «Песней об Армурисе», 50 (Г. Д е с т у н и с. Указ. соч., стр. 103).

349

...присели мы... Ср. «Левкиппа и Клитофонт, I, 2.

350

Меферке (Μεφερκέ), по-видимому, [тождествен Майафарикину (Мартирополису), арабскому городу в Месопотамии (недалеко от совр. Диярбакыра).

351

...Аплорравд... Меланфией... Интересно, что и здесь мусульманке (ср. мать эмира Панфшо) дается христианское имя. Имя Меланфия встречается и в «Либистре и Родамне», 3788 сл. В О наоборот, отец девушки носит христианское имя — Евдоксий, а мать — мусульманское — Фатума. Там же, в отличие от других версий, приводится и имя самой девушки — Аиссё.

352

Настал тот день... Ср. схожий эпизод побега в «Бельтандре и Хрисанце», 1074 сл.

353

...случая удобного... Здесь — развитие старого значения ἄδεια: «безопасность» — «возможность».

354

...до самой третьей мили... См. прим. к 11,298.

355

..с наступленьем дня... Таков наиболее вероятный смысл здесь μϵ ήμέρας (ср. VI, 451), букв, значение которого: «через день» (ср. VI, 843).

356

...Аравию... См. прим. к V, 25.

357

...Влаттоливади... (ΒλαττολιβάΒι). Около этого места Дигенис, как явствует из ГФ VIII, 81, поселился вскоре после описанных в этой книге приключений и совершил там ряд подвигов (см. VI книгу). По-видимому, тождественно упоминаемому византийскими историками Βαλτολιβάδι, расположенному в Киликии, между Киликийскими воротами и Мопсуестией.

358

О Мусуре ГФ упоминает здесь (ср. ниже V, 215 сл.) как об известном уже лице. По-видимому, это результат неудачной обработки редактором ГФ версии, где, так же как и в начале V книги Т ж А (Т 1617 ел; А 2504 сл.), эпизоду с дочерью Аплорравда предшествовало описание победы Дигениса над Мусуром, разбойничавшим на границах.

359

...Когда арабы... Ср. со сценой нападения апелатов в VI книге (144 сл.).

360

...конь перепугался... Ср. аналогичное употребление φθ-αρείς у Эврипида (Андромаха, 708).

361

...на дереве укрылась... В А 2706 сл. арабам удается на время схватить девушку, и Дигенис освобождает ее от них.

362

...узнал я... Принято чтение εμα-0-ον вместо επα#ον в тексте.

363

...Когда оставишь... Т. е. «оставишь мусульманство и станешь христианкой». Об эфиопах см. прим. к I, 32.

364

Когда ж услышал... Реакция Дигениса на слова девушки объясняется, по-видимому, тем, что прелюбодеяние с христианкой считалось у византийцев все же меньшим грехом, нежели связь с женщиной другой веры.

365

Халкургия (Χαλκουργία — «медные рудники»), возможно, тождественна с упоминаемой историком XI в. Михаилом Атталиатом (Michaelis Attaliotae historia, ex rec. I. Bekkeri, Bonnae, 1853, p. 121) Χαλκέως τοποθεσία, в окрестностях Дзаманда (Τζαμανδός) на северо-востоке Каппадокии. T1810, A 2757, A\ 372 дают Χαλκογουρνα; T 1827, A 2774, Aχ 373 — Χοχλακουρα.

366

...и лишь пришлось... Строку эту лучше поместить между 244—245. стихами.

367

Неизвестно, кто мог быть историческим прототипом стратига Антиоха. Под убившими его «персами» подразумеваются, по-видимому, арабы.

368

...с ними... Принята поправка Э. Леграна (μετ'αύτών вместо μετ'αύτής), что больше согласуется с предыдущим изложением.

369

...знала хорошо она... Т. е. жена Дигениса. Строка эта, по-видимому, является интерполяцией.

370

О подвигах бесчисленных... См. прим. к IV, 1—3. Книга эта соответствует VII книге Т, А и А1.

371

Когда бы среди месяцев... Ср. восхваление мая в поэме Мелитениота (32—38). Место это во многом напоминает отрывок из «Левкиппы и Клитофонта», I, 1.

372

земных красот... Употребление κόσμος в значении «украшение» — классицизм. То же в VIII, 220; с другой стороны, в VIII 215, 222 слово это употребляется в более обычном для среднегреческого языка значении «мир».

373

...цветы напоминали... Следуем толкованию αντέλαμπον Маврогордато.

374

Описание луга, растений, птиц явно заимствовано у Ахилла Татия («Левкиппа и Клитофонт», I, 1; 15).

375

Ср. описание ее красоты, IV, 353 сл. Аналогичные описания мы находим в позднеантичной и византийской литературе: «Левкиппа и Клитофонт», I, 4; 19; Анна· Комнина (vol. I, p. 1457 — портрет ее матери, Ирины); Мелитениот, 2842 сл.

376

У ложа... Ср. «Левкиппа и Клитофонт», II, 15.

377

Здесь перечисляются наиболее ценившиеся в Византии ароматы (πέμματα). Орех мускатный (νίται) — принято толкование Дж. Маврогордато (Op. cit., p. 164—165), ссылающегося на объяснение Дюканжем Νέτ = galla muscata. Камфора (καμφοραί) — продукт, получаемый из камфорного дерева (Cinnamomum camphora, семейство лавровых). Кассия (κασσία)— ароматное вещество, получаемое из одноименного растения (Cinnamomum cassia, коричное дерево, также семейства лавровых, распространенное в Китае). Амбра, мускус — см. прим. К IV, 223.

378

... соловьи... В тексте, по-видимому, критская форма σ$ονί$ων. Ср. Тт 1923, А 2883 — δηΒόνων.

379

Дракон (δράκων) — чудовище в виде крылатого змея, известное еще в древнегреческой мифологии (напр., Илиада, II. 308 сл.) и перешедшее в верования средневековых греков (ср. «Каллимах и Хрисорроя», 489 сл., 650 сл.). Тема единоборства героя с драконом встречается и в ряде греческих народных песен. Сюда же относится широко распространенная в агиографии и фольклоре легенда о победе над драконом св. Георгия, — покровителя Дигениса, как мы видим, повторяющего его подвиг (ср. прим. к I, 23). Настоящий эпизод перекликается с народными представлениями о драконе, обитающем у источника и стерегущем его (ср.*N. Πολίτης. Μελέτη έπι του βίου τών νεωτέρων Ελλήνων, τ. I, μέρος Α', Αθήναι, 1871, σελ. 161).

380

С... быстротой,.. Здесь классическое употребление οξέως.

381

... облик... В тексте — φάντασμα, буквально — «видение», «призрак». Ср. ниже, VIII, 86.

382

каждая... Буквально: «из обеих» (ἐξ ἑκατέρων). Ср. употребление αμφότεροι — прим. к I, 205.

383

Здесь снова повторяется уже встречавшийся в поэме (III, 92 сл.; IV, 162 сл., 1066 сл.) мотив битвы героя со львом, характерный и для песен акритского цикла.

384

..милого... См. прим. к II, 132.

385

Ср. «Левкиппа и Клитофонт», I, 4.

386

...Тросис... Место это (Τρώσις), у которого, согласно поэме, был похоронен Дигенис (см. ниже, VIII, 239), отождествляется с упоминаемой Стефаном Византийским Тарсой (Τάρσα), расположенной близ Евфрата, западнее Самосаты (совр. Труш в Турции). В Т и А такого упоминания нет.

387

...Немало... Здесь попытка дать этимологию названия места. «Ранение» по-гречески — τρώσις.

388

О трех главарях апелатов см. прим. IV, 33.

389

...сорок пять... В Т 2014, А 2979, Э 1158 речь идет не о 45, а о трехстах апелатах; последнее число употребительно и в греческих народных песнях (P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 166).

390

...И крикнули... Эпизод этот, по-видимому, [родствен распространенному в акритских песнях сюжету — возвращению Акритом похищенной у него жены. См. например, Г. Дестунис. Разыскания..., стр. 15—25.

391

...солнцерожденная... См. прим. к IV, 350.

392

..лицо... Следует, по-видимому, читать ὄψιν вместо ὄψεις в рукописи.

393

...Того, что сочетал... Ср. Евангелие от Матфея, XIX, 6.

394

...рукава отряс... το μανίκιν εσειον. Ср. Т 2048, А 3013, Э 1185. Можно понимать это в буквальном смысле — т. е. «спустил рукав, засученный перед битвой». Здесь, однако, по-видимому, имеется в виду соответствующий обычай, имеющий целью очищение от скверны убийства. См. «Λαογραφία», III, 1912, σελ. 701. Выражение это встречается и в кипрской редакции песни «О сыне Армуриса» («Byzantion», XIV, 1939, p. 254).

395

...в реке... Здесь вместо упоминавшегося выше источника снова идет речь о реке (по-видимому, о Евфрате, ср. IV, 994 и ниже, VI, 727).

396

...жену... похитить... Здесь отзвук мотива, встречающегося в акритских песнях, см. выше VI, 131.

397

...сказал я... В Т 2071—2123, А 3068—3120, О 2495—2562^ Дигенис рассказывает апелатам о том, как один молодой воин Анкила, повстречавшийся с ним в Месопотамии, ударил его дубинкой и впоследствии поплатился за это жизнью. В ГФ эпизод этот отсутствует.

398

...Ведь Филопаппом... Судя по словам начальника апелатов, он появляется здесь перед Дигенисом в первый раз. Это свидетельствует, по-видимому, об отсутствии в рукописи бывшей в распоряжении редактора ГФ эпизода первой встречи Дигениса с апелатами (см. прим. к IV, 253).

399

И Филопапп... Единоборство Дигениса с Филопаппом встречается и в одной акритской песне, там оно вызвано гневом героя на Филопаппа, посланного в качестве свата и не выполнившего данного ему поручения. См. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 175.

400

... по загривку . . . буквально «между плеч» — μέσον τών δύο ώμων.

401

Во имя бога .. Вместо τον θεδν τον ποιήσαντα принято чтение: μά τον #εον ποιήσαντα.

402

Когда ж опять. . . В переводе пропущено не совсем понятное здесь πολλάκις («часто»).

403

.. дух у живуший здесь . . . Здесь — свидетельство распространенной в Византии веры в духов (στοιχεΤον), населявших отдельные местности.

404

... будто ожило... Ср. тот же образ у Анны Комнины в описании ее матери (Op. cit., I, p. 146).

405

Здесь, как и ниже (стих 415), по-видимому, отзвук популярной в акритских песнях истории, в которой Дигенис выступает соперником Иоаннакиса (Яннакис, Яннис) и похищает у него невесту, по другим вариантам —жену. См. P. Kalonaros, Op. cit., II, p. 231—235.

406

Горели долго факелы... Такой способ сигнализации, применявшийся в Византии, засвидетельствован еще у Гомера и Геродота.

407

...А остальные... Т. е. сорок пять перебитых Дигенисом воинов (см. выше, 129 сл.).

408

...Максимо... В переводе принято написание этого имени в Т я А (Μαξιμώ). В ГФ всюду — Μάξιμου. Здесь в поэме выступает характерный для эпического творчества многих народов образ девы-воительницы.

409

Перед нами отзвук преданий об Александре Македонском и легендарном племени воинственных женщин-амазонок. Ср.: Страбон (I в. до н. э.— I в. н. э.). География, XI, 5. Предания эти были известны византийцам из «Жизни Александра» Псевдо-Каллисфена (см. прим. к IV, 29; Trois poemes… ed. W. Wagner, p. 56 sq., 5466—5586).

410

...из стран брахманов...— из Индии.

411

...вдоль берега... Здесь опять намек на Евфрат (см. прим. к VI, 171). T 2287 и A 3376 дают τάς άκρας («границы»; ср. ГФ VI, 431).

412

Тросис... См. прим. к VI, 117.

413

...С живой картиной схожая... См. прим. к VI, 330.

414

... златой Иоаннакис ... В тексте Χρυσοίωαννάκη. Так Иоаннакис называется иногда и в народных песнях. См. прим. к VI, 351.

415

... Мелимидзису. . . Μελιμίτζην. T 2311 и A 3400 дают, по-видимому, более правильную форму: Μελεμέντζης. Фамилия Мелемедзоглу до сих пор встречается в Малой Азии. О попытках исторической идентификации этого лица см. стр. 143.

416

428 ·.· стоявший над другими . . . T 2312, A 3401 говорят о нем как о начальнике апелатов. Апелатами воины Максимо называются и ниже (ГФ VI, 434).

417

·· Почтила . . Принято чтение Э. Леграна — ετιμα вместо έτοιμους (ср. Т 2335, А 3424).

418

... товарищей . . . τον λαόν (буквально «народ») означает здесь, возможно, «войско», см. P. Kalonaros, op. cit., I, p. 192

419

... захватил. . . принято чтение Э. Леграна — λαβών вместо βαλών (ср. A 3508).

420

.·· противникам ... Ο λαον см. прим. к VI, 493.

421

Историческая идентификация Леандра не представляется возможной.

422

... скакуне . . . См. прим. к IV, 314.

423

... с краями . . . См. прим. к IV, 221.

424

Широко там текла река... Ср. «О сыне Армуриса», стихи 43—44 (Г. Дестунис. Разыскания... стр. 102—103). Можно вспомнить здесь описание Продолжателем Феофана переправы через Евфрат Василия I в 874 г. (Theophanes Continuatus, Bonnae, 1838, p. 269).

425

И на противницу... Аналогичные эпизоды единоборства дает турецкий эпос «Сайид-Баттал» (битва героя с гречанкой Аданой), а также, сказки 1001 ночи (битва Шаркана с Абризой) в повести о царе Омаре ибн ан-Нумане.

426

...остальные... Очевидно, здесь имеются в виду слуги, поскольку из упомянутых спутников Филопаппа это может быть один Иоаннакис. Т 2466—2467 и А 3633—3634 говорят здесь не о четырех воинах, а о пяти, непоследовательно прибавляя к ним Мелимидзиса, который был уже сражен Дигенисом (ГФ VI, 506, А 3485—3486).

427

... кто сильнее . . . Здесь κρει'ττων употреблено в своем первоначальном значении: «более сильный в битве» (см. H. Liddle and R. Scott. A Greek-English lexicon, s. v.).

428

Еще ведь раньше . . . Энизод этот помещен в Т 2425—2462 и А 3592—3631 раньше, соответственно после ГФ VI, 595.

429

... размахивали грозно . . . εσω -χειρί. Ср. прим. к I, 178 и ниже VI, 703.

430

О Георгии, Димитрии и Феодорах см. прим. к I, 20—24.

431

приняла тогда земля. . . Принято чтение Э. Леграна (γή вместо γαρ) на основании Т 2460, Л 3627.

432

... Бежать . . . бросились . . . Здесь в языке ГФ типично классическая конструкция: προσελθόντες εφευγον. Ср. Фукидид, III, 59, 3.

433

... накидку . . . μαχλάβιν. См. прим. к IV, 220.

434

... шапку . . . отделанную мехом . . . См. прим. к IV, 117. Принято толкование σγουρούτζικον Дж. Маврогордато.

435

... бурого коня ... О δαγάλην см. прим. к II, 95—96.

436

...двух прислужниц... Ср. IV, 962.

437

И вот сиянье... Ср. начало «Эфиопики» Гелиодора (I, 1).

438

...Лишь ты сразил меня... Здесь, быть может, отзвук легенды об Александре Македонском и амазонке Фалестрии. См. прим. к VI, 386—387.

439

...Но невозможно сделать мне... В Погодинской редакции «Девгениева деяния» герой, одержав верх над Максимианой и слыша от нее сходное предложение, смотрит в книгу «о житии своем и о смерти» и узнает, что, если женится на Максимиане, проживет 16» лет, а если на Стратиговне — 36; это и определяет его выбор (Сперанский. Указ. соч., стр. 163). См. стр. 175—176.

440

...бальзамом... άλειμμα—«мазь»; T 2624 и A 3794 дают βότανο («целебная трава»),

441

И плащ свой . . . Ср. IV, 115, где вместо ἐπιλώρικον говорится о ὑπολουρικον.

442

...А был хитон... Ср. описание изображения Европы на быке в «Левкиппе и Клитофонте», I, 1; схожую картину дает и Мелитениот, 358—359.

443

...Прекрасна Максимо... Дальше в тексте ГФ вырвана страница со стихами 786—825; по-видимому, какой-то благочестивый владелец рукописи пожелал уничтожить описание вторичного падения героя. Лакуна восполнена с помощью Т 2632—2672.

444

...Владея чистым родником... Ср. «Книгу притчей Соломоновых», V, 15, 18.

445

... вернуться... После этого стиха в рукописи-УГ — включенный в нумерацию (2654) прозаической заголовок очередной сцены.

446

. .. мой милый... Ο κυρκα см. прим. к II, 132.

447

После этого стиха (соответствующего Т 2673, А 3843) в тексте ГФ или искажен смысл, или снова лакуна, удачно восстанавливаемая с помощью Т 2674—2675.

448

И все, рассказанное мной . . . Здесь кончается VI книга Т. Следующий ниже эпизод убийства Максимо (834—838) содержится только в ГФ.

449

... Распутницу . . . Μοιχέίαν — необычная в этом значении форма (μοιχεία— «распутство»).

450

Здесь кончается рассказ героя и повествование снова ведется в третьем лице. Книга эта соответствует VIII—IX книгам T, A, A1.

451

...В раю... Здесь автор следует библейской легенде («Бытие», II, 10, 14).

452

...Прохладою... снега... Схожий образ содержится в «Левкиппе и Клитофонте», I, 2. Ср. описание Евфрата у Арриана (Анабазис Александра, VII, 21).

453

...сад он вырастил... Описание сада, растений, птиц во многом повторяет стихи VI, 18—28 (см. соотв. прим.) и также является подражанием «Левкиппе и Клитофонту» (I, 1; 15) и «Дафнису и Хлое» Лонга (IV, 2).

454

...Росли в том месте... Повторение VI, 18.

455

А под деревьями... Ср., кроме Ахилла Татия, соответствующие описания у Евстафия Макремволита («Исмина и Исминий», I, 4), и Никиты Евгениана («Дросилла и Харикл», I, 77 сл.).

456

...Сверкали и фиалки... Ср. у Мелитениота, 2481 сл.

457

Немало всевозможных птиц... Стих 31 повторяет с незначительными вариациями VI, 21; стихи 33, 34 — VI, 27, 28; стихи 37—41— соответственно VI, 22, 24, 23, 25, 26.

458

... Воздвигся дом... А. Грегуар (Le tombeau et la date de Digenis Akritas. «Byzantion», VI, 1931, p. 504, 505) сопоставляет дом Дигениса с построенным близ Самосаты дворцом царя Коммагены Митридата I (конец II— начало I в. до н. э.) . На сходство этого дома Дигениса с некоторыми персидскими и раннемусульманскими постройками указал А. Ксингопулос (Το ανάκτορου του Διγενή 'Ακρίτα. Λαογραφία, XII, 1948, σελ. 541—588).

459

... Покои крестовидные . .. принято чтение ανΒρώνας δε вместо ονΒρίαντας. Сравните у Мелитениота, 829, 830, 838.

460

... причудливые спальни ... Πεντακουβουκλα ξένα означает буквально: помещение, состоящее из пяти отдельных опочивален. Такой Πεντακουβουκλον был выстроен в большом Константинопольском дворце по приказанию Василия I (См. словарь Дюканжа, s. v.; а также жизнеописание Василия I, составленное в середине X в. — Theophanes Continuatus, p. 335s—ío).

461

... И так создание . .. Ср. у Мелитениота, 839—841.

462

... Отполированные так ... Ср. там же, 912, 913, 844—846.

463

... Триклинии чудесные . . , Триклиний — в домах древних римлян — столовая, у византийцев так назывался зал для приемов. Χαμοτρίκλινοι буквальноозначает триклиний, расположенный на нижнем этаже дома.

464

С Самсона начал. . . Здесь передаются библейские легенды о Самсоне (Книга судей, гл. XIV—XVI). Враги героя, «иноземцы»— филистимляне.

465

... разорвал руками льва . . . Книга судей, XIV, 5—6.

466

. . . Ворота как с засовами . . . Книга судей, XVI, 3.

467

... героя ослепили ... Принято более подходящее по смыслу чтение Маврогордато (Op. cit., p. 220): έξοφθ-αλμίσεις вместо εξολοθρεύσεις.

468

...как храм до основанья... Книга судей, XVI, 28—30.

469

Посередине был Давид... См. библейскую легенду о Давиде и Голиафе (I Книга царств, гл. XVII).

470

...От головы... Ср. соответствующее описание статуи Голиафа у Мелитениота (1967, 1973—1977).

471

...навой напоминало ткацкий... См. I Книга царств, XVII, 7; II Книга царств, XXI, 19.

472

...как гневался Саул... Здесь имеются в виду последовавшие за битвой с Голиафом события: преследование Давида Саулом; бегство Давида, счастливо избежавшего всех козней царя; наконец, смерть Саула и его сыновей в битве с филистимлянами (I Книга царств, гл. XVIII—XXXI).

473

Имеются в виду сцены из гомеровского эпоса. Ахилл}Агамемном, Пенелопа, Одиссей, Киклоп — герои «Илиады» и «Одиссеи». Под «пагубным бегством» (86) подразумевается, вероятно, похищение Парисом жены Менелая Елены, приведшее к Троянской войне. Об искажении стихов 86—87 в Т 2817—2818 см. стр. 158.

474

Веллерофонт — мифический герой, убивший треглавое чудовище Химеру и одержавший победу над амазонками. Подвиги Беллерофонта послужили сюжетом для недошедших до нас драм Софокла и Эврипида.

475

О популярности в Византии легенд об Александре Македонском см. прим. к IV, 29; VI, 386—387.

476

Кандака — легендарная царица Индии, с которой Александр Македонский заключил будто бы мир.

477

См. прим. к VI, 387.

478

Здесь имеются в виду библейские предания о Моисее, о семи казнях, которыми бог поразил фараона за нежелание отпустить иудеев, об исходе их из Египта; о блужданиях иудеев по пустыне, когда они предались нечестию и были спасены от божьего гнева лишь молитвами Моисея; наконец, о его преемнике Иисусе Навине (см. Исход, Числа, Книгу Иисуса Навина).

479

в двух триклиниях... См. выше, прим. к VII, 60.

480

...святому Феодору... Очевидно, имеется в виду один из двух Феодоров — Стратилат или Тирон. См. прим. к I, 20—22.

481

... уже простился с жизнью ..BT 2884, A 4090 приехавший Дигенис узнает, что отец его при смерти (έφνήσκει).

482

Одежду разорвал свою... Здесь в поэме характерная для византийского быта сцена оплакивания мертвеца. Ср. Φ. Κουκούλες. Δ', σελ. 162—172.

483

... немного . . . Слова μικρόν έναποφήσαντες свидетельствуют, возможно, о том, что редактор ГФ опустил в последующем изложении отдельные детали быта Дигениса (ср. Т 2970 сл., А 4180 сл.).

484

·· Сирен. . . Еще один образ античной мифологии. Ср. IV, 260—261:

485

«. сладчайший голос. О ήΒον-/, в этом значении ср. прим. к IV, 259.

486

... сладость... γλόκασμα— слово, взятое из языка греческого перевода Библии (Книга притчей Соломоновых, XVI, 24).

487

... сладости вкусив... По тексту (των ηδέων έτρέφοντο) неясно — о еде·ли идет речь, или здесь метафора.

488

... Одно лишь ... В эпосе Дигенис лишен детей за «прегрешенья» (ср. ниже, ст. 188; по-видимому, имеются в виду дочь Аплорравда и Максимо). В народных песнях этот мотив отсутствует, а в одной из них (ΟΙ γυιοί του-Διγενή), напротив, говорится о 12 сыновьях героя. См. P. K.alonaros. Op. cit., I, p. 229.

489

... болезнь тяжелая . . . Здесь начинается IX книга Т и А.

490

... дух оставил тело . . . Вместо неудовлетворительного по смыслу φωνήν читаем ψυχήν (ср. выше, VII, 134).

491

В этих стихах Дигенис выступает как независимый правитель Ср. ниже VII, 227, где говорится даже: Τη τούτου ρασιλεία (буквально — «при его царствовании»).

492

Под агарянами и эфиопами подразумеваются соседние с Византией арабские племена. См. прим. к I, 28, 32.

493

Книга эта соответствует X книге Г, Л, Ах. Мотив смерти Дигениса является содержанием ряда песен акритского цикла, собранных и изданных Н. Политисом (сО θάνατος τοο Διγενή. Λαογραφία I, 1910, σελ. 169—275).

494

Харон (Χάρων) — в древнегреческой мифологии лодочник, переправлявший тени умерших через подземную реку Ахерон в подземное царство. Образ этот сохранился в греческих верованиях средних веков и нового времени. Во многих народных песнях Харон предстает как демон смерти, едущий на вороном коне. Единоборство Дигениса с Хароном, который побеждает героя,— распространенный сюжет в акритских песнях (ср. Г. Дестунис. Разыскания..,стр. 25 сл.).

495

...купание ... Здесь и дальше в описании болезни Дигениса (см. ниже, 31 сл.) еще одна параллель с биографией Александра Македонского, также заболевшего после купанья (Плутарх. Александр, XXV; А ρ ρ и а н. Анабасис Александра, VII, 25, 26). Как и Александр, Дигенис умирает у Евфрата.

496

..из Эмела . . . ^Έμελ (ср. ниже, VIII, 207; Э 246 — Έμέκ), по-видимому,искаженное название Амиды (ЗАμί$α, также 5Έμετ), города в Месопотамии восточнее Мелитины (совр. Диярбакыр в Турции).

497

... леопардов быстрых... См. прим. к IV, 904.

498

...опистотоном... Ὀπισθότονος, буквально «напряжение назад», в совр. медицине — судорожное сокращение мышц — разгибателей спины, шеи и головы; при этом позвоночник лежащего приподнимается и выгибается дугой. Явления эти наблюдают при менингитах, столбняке, опухолях мозжечка. В древности «опистотоном» назывались болезни, сопровождавшиеся указанными .симптомами (ср. Платон, Тимей 84 е).

499

...врач... из. войска... Упоминание о войсковых врачах содержится только в ГФ и связано, возможно, со временем Алексея I Комнина (1081—1118), при котором институт этот получил более широкое распространение. (Ср. V. Grumel. La profession medicale a Byzance a Pepoque des Gomnenes. «Revue des Etudes Byzantines», VII, 1949, p. 42). В Т 3148 сл. и А 4387 сл. врач приходит к Дигенису на третий день — тоже аналогия с биографией Александра (П л ут а ρ х. Александр, LXXVI), но о войске ничего не говорится.

500

...Ты помнишь ли... С такою же речью обращается умирающий герой к жене в Т 3167 сл. и Л 4421 сл. В Э 1709 сл. его предсмертные слова обращены к слугам-воинам (ἄγουροι). Ср. «Ахиллеида», 1605 сл.

501

...в долине незнакомой... Ср. выше, IV, 621.

502

То было... На соответствующем стихе (3182) обрывается Т.

503

О Влаттоливади см. прим. к V, 165.

504

О Хароне см. прим. к VIII, 2; об Аиде — к II, 278.

505

...Возьми супруга нового... Тот же совет дает жене Дигенис в А 4544 сл. В Э 1783 сл. умирающий герой, наоборот, желает, чтобы жена его больше никому не принадлежала. С этим перекликается и мотив акритских песен, где перед смертью Дигенис душит жену в своих объятьях и умирает вместе с ней. См. Г. Дестунис. Разыскания... No11, стр. 53—54.

506

Имеются в виду евангельские легенды об Иисусе (Евангелие от Матфея, гл. 9; Евангелие от Иоанна, гл. И).

507

О Харсиане см. прим. к I, 6; О Каппадокии — к I, 7.

508

... кукулитариоты. . . Вместо непонятного κουκουλιθ-αριώται следует, может быть, читать: βουκελλαριώται, т. е. жители Букелллариев — фемы, расположенной к северо-западу от Харсианы. Д. Вуд (D. Wood. The Koukoulithariotai in «Digenis Akritas». «Byzantion», XXVIII, 1958, p. 91—93) толкует начало этого слова (κούκου0) как «монастырь» и предполагает, что здесь имеются в виду монахи.

509

... кондандиты... А. Грегуар предлагает читать ПоВανВΤται вместо κονδαν$ΐται, т. е., жители Поданда — деревни в горах Тавра, восточнее Ираклии.

510

О Тарсе и о мавронитах см. прим. к IV, 969. О Багдаде — прим. к I, 6.

511

...вафирриакиты... Βαϋυρρύαξ — местность к северу от Тефрики (см. прим. к II, 78). См. E. Honigmann. Die Ostgrenze.., S. 60. Вблизи Тефрики был убит в 872 г. вождь павликиан Хрисохир (см. прим. к I, 284).

512

Об Эмеле (Амиде) см. прим. к VIII, 7; О Вавилоне — прим. к I, 6 и IV, 968 — 969.

513

...украшенье... Ср. другое значение κόσμος здесь же рядом (215, 222).· См. прим. к VI, 6.

514

...Спокойствие установил... Ср. VII, 198.

515

..наверху... Ср. 240: на арке... (ἐπ'ἀψίδος...). В других версиях такие детали отсутствуют. Свидетельство это, по-видимому, связано с Э 1660 сл., где говорится о сооруженном Дигенисом мосте через Евфрат, на котором был похоронен герой.

516

О Тросисе см. прим. к VI, 117

517

смерть... Харон... Аид... Ср. выше, VIII, 125—126.

518

Адама грех... Здесь намек на библейскую легенду об Адаме и Еве, отведавших плодов запретного древа. За это бог изгнал их из рая и обрек Адама и Еву и их потомство на тяготы земной жизни («Бытие», гл. 3).

519

А ныне... Подобного рода благочестивые концовки характерны для многих памятников византийской литературы.

520

Ш. Д и л ь. Византийские портреты, вып. 2. М.г 1914, стр. 328.

Ниже они соответственно обозначены: ГФ, Т, А, Э, О, А1. Краткую историю открытия этих версий и их описание см. в следующей статье (стр. 164 сл.). Там же затронут вопрос о древнерусской повести «Девгениево деяние», восходящей к неизвестной греческой редакции памятника.

522

Предыстория эта известна из А,А± и О. ГФ начинается с эпизода похищения; имена бабки, матери, отца и жены Дигениса в ГФ не приводятся.

523

В Т, А — Хрисохерп и Спафия.

524

Согласно Т — самый старший.

525

Т, А, А1, Э, О; в ГФ здесь лакуна. Об апелатах см. ниже, стр. 153.

526

В других вариантах (T, A, A1, O) имя императора — Роман.

527

Здесь в ГФ лакуна, восстанавливаемая из других версий.

528

Только ГФ говорит об этой жестокости героя, в остальных версиях такого эпизода нет.

529

По Т и А Дигенис умирает 33 лет.

530

См. ниже, стр. 165.

531

Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода: СПб., 1883, стр. 62—63.

532

Les exploits de Digenis Akritas . . . pub], par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875, p. Gl. sq.

533

Ср. H. Gregoire. Le tombeau et la'date de Digenis Akritas (Samosate, vers 940 apres J. C.). «Byzantion», VI, 1931, p. 488 sq. и в других его работах.

534

См. «Греческие народные песни», пер. В. И. Нейштадта. М., 1957, стр. 18—21.

Gregoire. L'age heroi'que dc Byzance. «Melanges N. Jorga». Paris,,. 1933, p. 384 sq.

536

А. Хатζής. Ευστάθιος ΜακρεμβολίΤης καΐ 5Ακριτηίς. «Byz.-Neugr. Jahrb.», IX, 1932—1933, 270.

537

Digenes Akrites, ed. by J. Mavrogordato. Oxford. 1956. Introduction, p. LXXXII—LXXXIII.

538

Подробнее о Тихонравовской и о других известных нам редакциях «Девгениева деяния» см. ниже, стр. 173 сл.

539

H. G r e g o i r e. Note sur le Digenis slave. «Byzantion», X, 1935, p. -337; idem. Le Digenis russe. Russian epic studies, ed. by R. Jacobson and S. Simmons. Philadelphia, 1949, p. 157.

540

S. Kyriakides. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. Munchen. 1958, S. 14.

541

Ср. В.Васильевский, В.Ернштедт. Cecaumeni strategicon… Petropoli, 1896, § 2, 218, 230, 238 sq.

542

A. Heisenberg. Ein angeblicher byzantinischer Roman. Silvae Monacenses. Munchen, 1926, S. 28—32.

543

Ср. S. K y r i a k i d e s. Forschungbericht zum Akritas-Epos. Munchen. 1958. S. 9—10.

544

Ср. S. Kyriakides. Op. cit., S. 17.

545

Д. С. H e s s e 1 i η g. Eine Digenisubersetzung aus dem 13. Jahrhundert. «Byzantinische Zeitschrift», XXII, 1913, S. 370—371.

546

М. Халанский. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса, ч. II. Варшава, 1894, стр. 451.

547

H. and R. K a h a η e. Akritas and Arcita. A byzantine source of Boccaccio's Teseida. «Speculum», vol. XX, No 4, 1945, p. 415—425; A. H. K r a ρ ρ e. A Byzantine source of Shakespeare's «Othello», «Modern Language Notes», v. XXXIX, No 3, 1924, p. 156—161.

548

Термин στιχουργία, употребляемый Дапонтисом, вызывает разные толкования. Скорее всего автор подразумевал здесь рифмованные стихи, которыми писал свои произведения. К этому мнению склоняются издатель упомянутого отрывка С. Ламброс, а также К. Крумбахер и Н. Политис. Таким образом, нельзя точно установить, видел ли он тексты в белых стихах (как все почти известные нам версии) или в прозе.

549

Упоминаемые здесь ниже издания см. в библиографии, стр. 215 сл.

550

См. «Записки императорской Академии Наук»; т. 64, кн. 1. СПб., 1891 стр. 112—113.

551

См., напр. H. P e r η o t. Etudes de litterature grecque moderne. Paris, 1916, p. 8; A. Heisenberg/' Ein angeblicher byzantinischer Roman. Silvae Monacenses. Mtinchen, 1926, S. 30; H. Gregoi,r e. Notes on the byzantine epic. «Byzantion», XV, 1940—1941, p. 102 и др.

552

И. G r e g o i r e. Notes... p. 100 sq; S. K y r i a k i d e s. Op. cit., S. 3, 4.

553

K. Krumbacher. Eine neue Handschrift des Digenis Akritas. Silzungsberichte der Philos.-philolog. und der hist. Klasse der Konigl. Bayer. Akademie der Wissenschaften.J 1904, H. 2, S. 340 f.

554

D. C. H e s s e 1 i n g. Le roman de Digenis Akritas d'apres le manuscrit do Madrid. Λαογραφία, III, 1912, p. 541 sq,

555

S. K y r i a k i d e s. Op. cit., S. 4.

556

Библиографию «Девгениева деяния» см. на стр. 216—217.

557

См. «История государства Российского», т. II, гл. 12, прим. 333; т. III, гл. 7, прим. 272.

558

М. Сперанский. «Девгениево деяние». Сб. отдел, русского яз. И словесности Росс. АН», XCIX, Я° 7, 1922, стр. 28.

559

Ср. Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1956, стр. 157.

560

Ср. «История русской литературы», т. I. М.— Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 157 (Раздел написан М. А. Яковлевым).

561

М. Сперанский. Ук. соч., стр. 85.